

ЛАЗАРЬ АМИРОВ

ЕСТЬ НА СВЕТЕ ЛЮБОВЬ

Избранные произведения

ЛАЗАРЬ АМИРОВ

ЕСТЬ НА СВЕТЕ ЛЮБОВЬ

Избранные произведения

Незабвенной памяти
моих родителей и братьев
посвящаю

“РУССКОЕ” ТВОРЧЕСТВО ГОРСКОГО ЕВРЕЯ

До начала Большой алии 80-90-х годов нашего века в Азербайджане и Дагестане жила большая еврейская этнолингвистическая община (от 50 до 70 тысяч человек), которая называла себя джухурами, или татами, но которую в России, начиная с первой половины 19-го века, принято было называть горскими евреями. Они жили в основном в Баку, Дербенте, Махачкале, Буйнакске, Нальчике и Грозном, говорили на нескольких близких друг к другу диалектах татского языка. Диалекты эти в современной лингвистике называют еврейско-татским языком.

За два столетия, прошедших со времени перехода Кавказа под власть России, горские евреи, с одной стороны, сохранили свои древние традиции и обычаи, а с другой - вобрали в себя то лучшее, что принесла им Россия, прежде всего - её культуру, язык, литературу. В 60 - 70-е годы нашего столетия появились среди горских евреев учёные и литераторы, творящие только на русском языке. Из учёных упомяну хотя бы знаменитого врача-ортопеда Гавриила Илизарова, руководившего клинкой в Кургане. Среди литераторов, пишущих по-русски, в те же годы заявил о себе Лазарь Амиров, чьё имя упомянуто во втором томе Краткой Еврейской Энциклопедии. В настоящее время Амиров живёт в Израиле.

С момента знакомства с его творчеством (прежде всего - поэзией) меня не оставляет ощущение, что это - родной брат знаменитого горца Расула Гамзатова. Нет, Амиров не подражает замечательному аварскому поэту - просто темы произведений, дух, стиль, ритмика удивительно похожи. Но если творчество Гамзатова дошло до нас, русскоязычных читателей, благодаря великолепным переводам крупных поэтов (евреев по национальности) - Якова Козловского, Наума Гребнева, Юлии Нейман, - то Лазарь Амиров как поэт, драматург, прозаик и переводчик сотворил себя сам.

Он родился в Махачкале в 1936 году. После окончания средней школы служил в армии, затем работал токарем на заводе, художником, корреспондентом местных и республиканских газет. Вся сознательная жизнь Лазаря Амирова была связана с Дербентом - древнейшим городом Дагестана. Здесь в 1961 году впервые были напечатаны его стихотворения, здесь он руководил литературным объединением, о котором вспоминают и поныне. Произведения Лазаря Амирова в разные годы опубликовали газеты “Советская Россия”, “Дагестанская правда”, “Молодёжь Дагестана”, “Дербентские известия”, журналы “Дон”, “Литературный Дагестан”, “Чешме”, “Говлеи”, они переведены на языки народов Дагестана и Азербайджана. Поэт многие годы собирал фольклор (сказки, пословицы и поговорки горских евреев Кавказа), занимался составлением словарей. В Дагестане вышли книги стихов Лазаря Амирова “Кизилый костёр”, “Сердце отдаю тебе”, фольклорный сборник “Ларец мудрости”.

В поэзии Амирова представлены все классические жанры: элегия, романс, сонет, песня и даже редкий для русской поэзии триолет - восьмистишие с рифмовкой АВАа авАВ, где стихи А и В повторяются как рефрены (триолет был характерен для французской “лёгкой” поэзии 15-18 вв.). Кроме того, Амиров использует любимые на Востоке четверостишия и двустишия, которые, по сути своей, являются крылатыми выражениями:

Когда желаешь ты прославить голос
Своей поэзии, которой горд, -

Не забывай, что ты - всего лишь колос,
А ширь степная - твой народ.

("Молодому поэту")

В лирике Амирова слышатся шумы Каспийского моря и дагестанских полей, зримо представлены неповторимые природа и горы Кавказа. Но больше всего в его стихах - любви к родному краю. Эту любовь поэт воспекает в лучших традициях патриотической песни. Все его произведения проникнуты сочным восточным ароматом. В то же время, читая их, мы вспоминаем Пушкина и Лермонтова, Тютчева и Фета, Брюсова и Блока, Есенина и Дудина... Но Амиров, как уже было сказано выше, - не подражатель: в каждое стихотворение он вносит своё неповторимое, амировское, поэтому его лирика воспринимается нами как связующее звено между европейской и восточной поэзией (к которой, кстати, тяготеют многие русские и европейские поэты!). Лирика Амирова стоит в том же ряду, что и классические образцы русской и мировой поэзии.

Он прославился как замечательный мастер перевода с даргинского, татского, лезгинского языков. Читатели сборника имеют возможность познакомиться с рядом поэтических переводов Амирова.

Лазарь Амиров известен в Дагестане и как драматург, однако его любимое драматическое произведение - "Шамиль" - до сих пор не было опубликовано полностью. Мы это делаем впервые. Отсылая читателей к исторической справке после текста пьесы, хочу здесь только подчеркнуть, что Шамиль как духовный и светский вождь народов Дагестана и Чечни возглавил борьбу за независимость и вёл её с царским правительством четверть века - с 1834 по 1859 годы. Захваченный в плен русскими войсками, он был обласкан царём Александром Вторым и жил 11 лет вместе со своей многочисленной семьёй в Калуге. М. Н. Чичагова, жена воинского начальника Калужской губернии, была в то время близко знакома с семьёй Шамиля. До наших дней дошёл её биографический очерк "Шамиль на Кавказе и в России" (1889 г.). Учитывая всю субъективность её мнения о Шамиле, тем не менее позволю себе процитировать и здесь, и в исторической справке её слова. Чичагова пишет: "Шамиля признавали за гения мусульманского мира, называли его человеком добродушным, справедливым, щедрым на милостыни, бескорыстным, не знающим счёта деньгам (т. е. не интересующимся деньгами - Д. Х.), чуждым хитрости..."

Известно, что и сегодня Шамиль (восточный вариант библейского имени Шмуэль. Самуил) является национальным героем народов Дагестана и Чечни. Он герой многих современных художественных произведений. Но значение пьесы Лазаря Амирова - не только в изображении национального героя горских народов Кавказа. Суть её гораздо шире. Эта пьеса - о дружбе и взаимопомощи представителей двух враждующих сторон, их любви и ненависти, различном отношении к происходящему и в конечном счёте - о войне и мире. Сегодня это звучит очень актуально: только что закончилась двухлетняя война в Чечне, но статус мятежной республики ещё не определён. Мотивы поведения и поступков героев пьесы "Шамиль" многое объясняют в чеченском характере сегодняшнему читателю, которому не пришлось самому встретиться с представителями этого гордого, самолюбивого народа.

Как уже было сказано, Амиров много лет собирает горские сказки, пословицы и поговорки. В сборнике публикуется только их малая часть. Сказка (овосуе) и стихотворение, песня (маани) - основные жанры еврейско-татского фольклора. Вся

литература горских евреев развивалась в русле этих жанров. Следует им и Лазарь Амиров. Его сказки по духу напоминают похождения барона Мюнхгаузена, Хаджи Насреддина, Гершеле Острополера - полулегендарного шутника, плута и озорника, главного героя идишистского фольклора.

Подобно барону Мюнхгаузену, герой Амирова Шелму (Шельма, Шломо, Соломон) Мемри после неудавшегося захвата генерала Деникина благополучно приземляется на пушечном снаряде во дворе своего дома. В другой сказке тёлка Шелму залила своим молоком не только его дом и двор, но и всю республику, а когда её не стало, то все очень быстро забыли и эту "молоконосную" тёлку, и её хозяйина - Шелму Мемри, реального человека, популярного татского сказителя 30-х годов. Смешно и грустно, если вспомнить убогие надои со среднестатистической российской коровы, увешанные орденами и медалями груди "знатных" дояров и доярок, рекорды которых чаще всего были выдумкой партийных органов всего советского периода.

Сказки Амирова переполнены "страшилками" и сексуальными чудачествами, но сделано это для того, чтобы фактически подтвердить крылатые выражения, вынесенные в заголовок или вложенные в сердцевину сказок: "Добро всегда побеждает зло" ("Алихан и Периханум"), "Какая польза от вина?", "Вина матери", "Не берись за дело, что сверх твоих сил..." Женщина сожительствоует с братом и сыном, которые, узнав об этом, не выносят позора и кончают жизнь самоубийством. Вот что может произойти после выпитого сверх меры вина ("Какая польза от вина?"). Сын-вор перед казнью отгрызает у матери пол-языка, потому что она своим многолетним молчанием потакает преступлениям сына ("Вина матери"). Мудрая женщина не хочет повторения истории Вирсавии и царя Давида - искусной притчей она отводит беду от себя и своего мужа ("Падишах и жена приближённого"). Молла Насретдин, "родной брат" Хаджи Насреддина, наказывает глупого хозяина буйволицы, а главное - нечистоплотного судью, который за кусок масла готов преступить закон ("Добыча" Моллы Насретдина").

Всё творчество Лазаря Амирова проникнуто любовью - той, к которой естественно стремятся все люди и которой, увы, не всегда хватает в реальной жизни. "Есть на свете любовь", - утверждает Лазарь Амиров. Любовь к родине и любовь к женщине - два основных мотива его творчества. Прочитав книгу, читатели смогут сами убедиться в этом.

Давид Хахам
Израиль, 1996 г.

ЧУВСТВО ПОЭЗИИ

В последние годы интерес к поэзии явно иссяк. Поэтическое творчество как бы стало немодным. Но мне представляется, что подлинное чувство поэзии бытия, подлинное ощущение поэтичности различных сторон жизни не может быть подвергнуто влиянию такой непостоянной и временной величины, как мода. На память невольно приходят прошлые десятилетия, когда целые поколения молодых людей буквально бредили стихами своих поэтических кумиров, грезили лучшими достижениями поэтического слова.

В Дербенте и округе интерес к поэзии своих собственных, местных авторов обострился и достиг апогея в 70-е годы, когда возникло интересное литературное объединение молодых авторов "Ростки". Сейчас все эти авторы - уже взрослые

и даже пожилые люди, они достигли своей поэтической зрелости, а самые упорные, одарённые, преданные литературному делу сумели издать свои книжки, стали известными в нашей республике. Руководил этим товариществом молодых поэтов в те годы Лазарь Амиров, который начинал свой путь в литературе как поэт, но в последующие годы достиг значительных успехов в драматургии, стал известен как переводчик татских сказок, а сейчас, как нам сообщают, занялся и прозаическими жанрами. Но происходит это в его творчестве уже в другой стране, под чужим синим небом, на родине легендарных библейских предков.

Мне не раз доводилось писать об этом авторе. Иной раз получал замечания: мол, сильно преувеличиваю значение его творчества. Но должен заметить, что всегда стремился быть объективным. И сегодня, перечитывая стихи Лазаря Амирова, вижу их сильные стороны, отмечаю яркие и выпуклые образы, понимаю, что стихи эти не рождались в одно мгновение, как по волшебству, а были выстраданы за долгие годы работы над ними.

В первую очередь, говоря о личности Лазаря Амирова, надо по справедливости сказать, что он многое дал в смысле творчества нашей дербентской жизни и действительности. В свою бытность здесь Амиров придавал нашему существованию оттенок высокого творчества, делал нашу жизнь интереснее и познавательнее. Он сумел увлечь своим поэтическим примером целое поколение молодых дербентских ребят. многих из них опекал лично, учил азам стихосложения, был строгим критиком их литературных опытов.

Лазарь Амиров уехал в другое государство, но в нашем городе он оставил яркий и выразительный след. Его хорошо помнят люди моего поколения не только как поэта, но и как человека, проявлявшего всегда большую общественную активность, чуткость и неравнодушие к происходящему. Иначе и быть не могло: нет поэта, которого ни волновала бы реальная жизнь и который замыкался бы только в рамках своих поэтических строк. Душа поэта открыта всему в мире, каждое явление находит в ней свой отклик.

Говоря о творчестве Лазаря Амирова, важно подчеркнуть, что он работал над каждым своим произведением изо дня в день. Для его поэтического поиска не было перерывов. И пусть читателя не смущает, что его поэзия не отличается огромным количеством произведений, а вмещается в один солидный сборник - эта поэзия стоит такой многолетней работы. Как сказал классик, книжка стихов томов премногих тяжелей. Если собрать вместе его переводы с языков народов Дагестана, его поэтичайшие переложения на русский язык татских сказок, пьесы и статьи, то это будет уже серьёзное собрание сочинений, способное увлечь не одного читателя.

И тут мы подходим к важной теме, оказавшейся трагичной для этого несомненно одарённого поэта. Хотя Лазарь Амиров много лет работал над своими произведениями на профессиональном уровне, он так и не смог получить достойного признания в нашей республике, был, как писали в одной аннотации, лишь "увлечён поэзией". Эта несправедливость вызвала много душевных мук у человека, для которого не было и нет в жизни ничего важнее его литературного творчества.

Вот что я хотел сказать о нашем земляке, ныне гражданине Израиля Лазаре Амирове. Остальное доскажет его новая книга "Есть на свете любовь"...

Иосиф Бахшиев
Дагестан, 1996 г.

А Муза и глохла, и слеpla,
В земле истлевала зерном,
Чтоб после, как Феникс из пепла,
В эфире восстать голубом.

Анна Ахматова

ВОССТАВШИЙ ИЗ ПЕПЛА стихотворения

Лазарь Амиров
Фотомгновения жизни
Годы 50-е

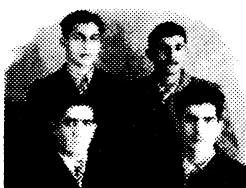
С другом Юрием Гавриловым

В армии

В госпитале

С друзьями юности в 50-е годы

С Расулом Гамзатовым. 1956 г.

* * *

Стою одиноко у моря,
Где прежде тебя я встречал,
Где, ревностно с волнами споря,
Лишь ветер весенний играл,
Где музыка плавно и нежно
Плескалась вечерней порой,
Где вместе с тобой безмятежно
Следили за яркой луной.

А нынче, в вечернюю пору,
Лишь чайка летит надо мной
И мрачно, неласково море
Встречает шипящей волной,
И музыка, вдруг замирая,
Пугает меня тишиной,
А я, о тебе вспоминая,
Слежу за поблекшей луной.

28 марта 1956

РЕКА

Все реки вряд ли охватить мне взглядом,
Их очень много в каждом есть краю,
Но я одну среди такой плеяды
В могучем беге сразу узнаю.

Она берёт начало в нашем крае,
Где ручейком струится между гор,
Потом, волною шумною играя,
Большой рекой выходит на простор.

И я хочу - пусть буду незаметен -
Нестись, как капля, в водах той реки,
Чтоб не отстать и встретить на рассвете
Зовущие всё дальше маяки.

10 декабря 1958

БЕРЕЗА

Цветы пестрели на лугу.
На лепестках - роса, как слёзы.
Я вновь в пути и не могу
Забыть прощания с берёзой.

Она, склонившись над рекой,
Мне ветку-руку протянула.
- Иди сюда, любимый мой, -
Казалось, ласково шепнула.

Но я спешил, и дальний путь
Меня тянул тогда в просторы.
Всё ж на берёзу я взглянуть
Успел своим влюблённым взором.

И вот в пути я к ней опять.
Цветы головками качают.
Я робко подхожу - и глядь -
Дубок берёзоньку ласкает...

Бывает в жизни иногда:
Любовь и радость, смех и слёзы,
В разлуке тянутся года.
Вернёшься - уж с другим берёза.

31 августа 1959

НАВСТРЕЧУ БУРЕ

Я с песней шёл навстречу буре,
Поставив цель перед собой,
А ты брела назад понуро
И не вступала с бурей в бой.

Ты хочешь жить легко на свете -
Твой потому бесцелен путь.

А я, борясь за каждый метр,
Навстречу буре ставлю грудь.

5 января 1961

ЖЕЛАНИЕ

Чего хочу? Правдиво, без уклона
Отвечу на поставленный вопрос:
Хочу весны, хочу встречать с поклоном
Восход зари и стройный ряд берёз.

Хочу орлом парить под небосводом,
Висеть над бездной, словно альпинист,
Хочу, чтоб были с каждым новым годом
Мой край - богаче, воздух - свеж и чист.

Ещё хочу - не думайте, что жаден, -
Гореть мечтой и в нынешние дни
Своим стихом приблизить раньше на день
Свободы лучезарные огни!

28 октября 1961

ПЕСНЯ ГОР

Расулу Гамзатову

Над горами пролетает
Песня гор.
И, как снег, под солнцем тает
Песня гор.
В каждом лепете ребёнка -
Песня гор.
У ручья поёт девчонка -
Песня гор.
В гулком шуме водопада -
Песня гор.
В сочных гроздьях винограда -
Песня гор.
В зычном клёкоте орлицы -
Песня гор.

В лёгком шелесте пшеницы -
Песня гор.
У холма звенят цикады -
Песня гор.
Я иду с тобою рядом,
Песня гор!

4 ноября 1961

* * *

Под тенью скал читаем мы "Горянку",*
Читаем вслух который раз подряд,
И видим ясно - утром спозаранку
Сидит опять над книгой Асият.

И видим мы горянку в институте,
Среди друзей, в кругу семьи большой...
О, как прекрасны были те минуты,
Когда увидел в Асе образ твой!

1 мая 1962

В СТЕПНУЮ НОЧЬ

Илизиру Ильягуеву

Видит он, как землю освещает
Из-за тучи лунная свеча...
Ласково пшеница золотая
Колосом касается плеча.

Он стоит, сердечно улыбаясь
Звёздным далям, отзвукам земным...
В эту ночь, со сном своим прощаясь,
Вся бригада в поле вышла с ним.

"По машинам! - он кричит бригаде. -
По машинам! Завтра быть грозе!

* См. словарь и примечания в конце книги.

Потому дружной работать надо
На вполне созревшей полосе!"

Блеск луны, обветренные лица,
И рулю - веление руки...
Как и днём, уходят вереницей
С золотым зерном грузовики.

19 ноября 1962

* * *

Сулейману Рабаданову

Чисто необъятное пространство.
Непонятен мир немых планет...
Каждый день я солнце после странствий
С грустью провожаю за хребет.

Провожая долго, и порою
Я тревожно думаю о том,
Что не солнце гаснет за горою,
А дружок, живущий за хребтом,

Что не солнце землю покидает,
Погружаясь в сумерки и тьму,
А товарищ детства умирает,
Хоть в спасенье верится ему.

Но когда я снова на рассвете
Вижу солнца первые лучи,
То бегу навстречу им с приветом
И кричу: " Вы слышите, врачи

Жизнь спасли товарищу и другу!
Будет жить, сказали, целый век!"
... А в соседской сакле* у ашуга*
Только что родился Человек!

11 декабря 1962

ВЕСЕННИЕ КАРТИНКИ

Вацлаву Михальскому

1

Солнце, горы и тёплые сакли...
К небу вытянул шею петух.
Снег на крышах, но звонкие капли
По-весеннему будят мне слух.

2

Солнце, море, рыбацкие сети...
Пахнут лодки солёной волной.
Кое-где ещё искоркой светит
Сероватый покров ледяной.

3

Солнце, поле и ясные дали...
Ветерок треплет збри слегка.
На груди у земли, как медали,
Тракторов засверкали бока.

25 января 1963

ВЕСНА ЗА ОКНАМИ ПОЁТ...

Весна за окнами поёт,
Стучатся в дверь кусты сирени...
Со лба смахнув холодный пот,
Ты вслед за мною вышла в сени.

“Не уезжай, - шепнула ты. -
К чему мечтать о Робинзоне?
В краю угрюмой мерзлоты
Мечтам сбываться не резонно“.

На нас глядел твой пухлый кот,
Часы стучали молотками,
А ты, пустив всю нежность в ход,
Старалась удержать словами:

“Не уходи! Не покидай
Меня и этот дом уютный!
Не оставляй свой отчий край,
Когда в душе - порыв минутный!”

Рюкзак я вскинул на плечо
И, отстранив твои объятия,
Рывком шагнул через крыльцо
В мир бесконечный, необъятный...

Весна по-прежнему поёт,
Стучатся в чью-то дверь сирени.
А по тайге уже идёт
Та, что за мною вышла в сени.

29 января 1963

* * *

Мне строки звонкие подвластны,
Мне рифмы точные верны,
Но я не трачу их напрасно
Под стон расслабленной струны.
Под вой ветров, под плач гитары
Не будет места тем строкам.
Они по цели так ударят,
Как буду целить их я сам.

25 февраля 1963

* * *

Кругом цветы. И в белой вазе тоже
Живые розоватые цветы.
Но для меня они лишь тем дороже,
Что возле них стоишь с улыбкой - Ты.

7 марта 1963

ГОЛОС ГОРСКОГО ЕВРЕЯ

Ноа и Ариэлю Ишаям

В нём - шум напевный водопада,
В нём - рокот рек, в нём - гор обвал,
В нём - шелест трав, в нём - звон цикады,
В нём - поступь времени, в нём - шквал.

В нём - сочность, сладость винограда,
В нём - сотни отзвуков земных,
Что даже шёпот листопада
В нём отзывается - как стих.

12 марта 1963

* * *

Передо мной голубизна
Каспийских волн сверкает вновь,
Где в каждом отблеске видна
Моя нескрытая любовь.

Она, как лодка, в этот час
Плывёт, торопится в Баку,
Где много добрых, тёплых глаз
Её там ждут на берегу...

Всё ближе город, вышек строй,
Фонтаны радугой горят,
И над морской голубизной
Лишь чайки белые парят.

Привет, Баку! Я буду петь,
Как соловьи в твоих садах,
И будет песнь моя звенеть
На струнах солнца, что в горах
Собрал на выступах скалы
И натянул на горский саз* ...

Прими любовь Махачкалы, -
Любовь, не скрытую от глаз.

22 июня 1963

* * *

Абраму Леви

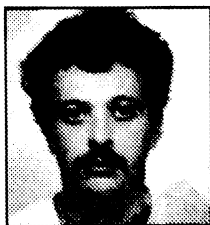
Южный ветер, горный ветер,
Ты куда меня зовёшь?
Неужели тёмный вечер
На тропинках так хорош?

Неужели даже тучи
В непогоду вышли в путь?
Милый ветер, а не лучше ль
В этот вечер отдохнуть?

Соловьиной трелью сердце
Переполнено опять,
И теперь не отвертеться,
Не уйти, не убежать.

Помню, днём был мир чудесен,
А сейчас скрипит мороз.
Может, нежным звоном песен
Мир согрею я всерьёз?

Ветер, стой! С тобой повсюду
Мир пойду теплом я греть,
Только дай мне полной грудью
Песню звонкую допеть!

5 октября 1963

* * *

Борису Берлину

Когда день ночью сменится,
Я слышу звёздный хор.

Бежит вперёд и пенится
Река, срываясь с гор.

Меж дальними зарницами
Луны кривой пятак.
Её лучами-спицами
Любуется Сулак*.

Деревья синестволенные
Уходят дальше в лес,
Лишь только полуголые
Остались робко здесь.

Они укрыли ветками
Палаток тесный ряд,
Туристов пары редкие,
Которые глядят

На звёзды отдалённые,
На пенистый Сулак
И как по небу сонному
Плывёт луны пятак.

6 октября 1963

* * *

Я дом могу любить, как все,
Беседку нашу, куст в росе.

Могу смотреть в твои глаза,
Когда в них солнце иль гроза.

Я всё могу... Но вот беда;
Моя судьба идёт сюда.

Она зовёт меня в поход,
Чтоб встретить солнечный восход,

Чтоб на своём кривом пути
Дорогу ровную найти.

16 октября 1963

МИР ТЕБЕ, ЧЕЛОВЕК!..

Матвею Грунину

Мир тебе, Человек!
Видишь: солнце восходит над морем,
Чтоб подняться на гребень волны,
Чтоб над синим бескрайним простором
Были дни неизменно ясны.

- Мир тебе, Человек! -
Говорят тебе реки и доли,
Соловьи в плодоносных садах,
Сталевар и подпасок весёлый,
Люди в сёлах, полях, городах.

Мир тебе, Человек!
Спасший жизнь на зелёной планете
Для детей, для пернатых и трав.
Пусть же недугов злобу поправ,
Возглашает и песня поэта:
- Мир тебе, Человек!

24 октября 1963

МОРСКОЙ ЭТЮД

Зари багряная улыбка
Над гладью моря расплылась.
Неужто девушка, как рыбка,
На берегу теряет власть?

Неужто девушка безвольна
Смирить себя у синих волн?
Стянула платье и довольна,
Что видит море, а не сон.

И, сбросив тут же без стеснения
Чулки, сорочку, вдруг нагой
Она слегка, без напряжения
Песок разгладила ногой.

И, направляя к солнцу руки,
Она пошла к его лучам,
И волн ликующие звуки
Скользнули по её плечам.

А чайки, меж собою споря,
За нею начали нырять...
Так стала девушка лишь морю
Нагое тело доверять.

3 ноября 1963

МОИМ СОВРЕМЕННОКАМ

Михаилу Мататову

Вы идёте в потёмках
По тайге и болотам,
Чтоб гордились потомки
Вашим славным походом.

Чтоб грядущего люди
Помянули вас словом,
Вы врезаются грудью
В Север снова и снова.

Говорите друг другу:
"Будет город здесь скоро!.." "
И в гудении вьюги
Слышен рокот моторов.

Будет город... Все верят,
Что трудом и дерзаньем
Вы раскроете двери
Новых фабрик и зданий.

Вы же - смелые люди,
Вы - мечтою согреты,
В тьму врезааясь всей грудью,
Рвётесь к солнцу и к свету!

3 февраля 1964

* * *

За окном - лимонный свет луны,
Бьётся в стёкла вечер тишиною.
Вдруг, пронзая тайну тишины,
Море песней делится со мною.

То поёт спокойно и легко,
То поёт, как будто бы рыдая,
И несётся песня далеко,
Тишину вечернюю лаская.

Я молчу. Я слушаю слова,
Но лишь слышу сердца перестуки
Да болит немного голова
От тяжёлой стихотворной муки.

Я молю: "О сердце, замолчи!
Дай мне слушать нежный голос моря,
А потом, коль хочешь, постучи
Молотком в моём грудном просторе!"

Но сердечный дробный перестук
Ни на миг в груди не умолкает
И, подобно песне моря, вдруг
Тишину вечернюю ласкает.

И тогда душою познаю
Всё: и одиночество, и скуку.
...Милая, войди же в жизнь мою,
Как морская песенка, без стука!

4 февраля 1964

* * *

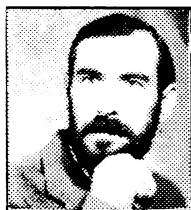
Я встречал немало в жизни выюг,
Отражал с друзьями их атаки.
Хорошо, когда собака - друг,
Но противно, если друг - собака.

5 февраля 1964

МОЛОДОМУ ПОЭТУ

Когда желаешь ты прославить голос
Своей поэзии, которой горд,
Не забывай, что ты - всего лишь колос,
А ширь степная - твой народ.

6 февраля 1964

ДОЖДИНКИ

Тахмиразу Имамову

Дождинки танцуют лезгинку,
Дождинки танцуют фокстрот,
Дождинки - природы слезинки -
Стучатся у наших ворот.

Мы им раскрываем калитки
И просим к пахучим цветам,
Но эти прозрачные нитки
Бегут за ручьем по пятам.

Одни по пути погибают
И с паром уносятся ввысь,
Другие ручей огибают
И мимо него пробегают
Разыскивать лучшую жизнь.

Дождинки, дождинки, дождинки,
Мы тоже танцуем лезгинку,
Мы тоже танцуем фокстрот,
Но мы не роняем слезинки
Напрасно у чьих-то ворот.

7 февраля 1964

* * *

Фэхрэдину Оруджу

В моей груди - призыв к грядущим дням,
Порыв души - к космическим дорогам,
Да плюс к тому - стремительность огня
И минус - горе, страхи и тревоги.

По-разному слагается судьба:
Иных людей к спокойной жизни манит,
Но мне нужна не лень, а борьба
За эту жизнь в воздушном океане.

И потому, чтоб ринуться вперёд,
Я выбрал с детства стартовой площадкой
Родной порог, откуда весь мой род
Свой начал путь тяжёлый, но не шаткий.

Откуда уходили на войну
Родные братья, чтоб не меркло небо
И чтобы я свободно мог вдыхать
Душистый запах ландыша и хлеба.

Они погибли... Я остался жив.
И вместо них я с отчего порога
Стартую прямо, двери приоткрыв,
К космическим планетам и дорогам.

2 марта 1964

ВОЛНЫ

Амалдану Кукуллу

Как ласково море во время заката!
А волны - их будто здесь вовсе и нет -
Бесшумно ползут и накат за накатом
Вбирают в себя розоватый отсвет.

Им некогда думать, что скоро над ними
Протянет свой синий платок небосвод
И выбросит звёзды спокойно и зримо
Морская пучина из дымчатых вод.

Им видеть не ново здесь темень - им надо
Втянуть в себя краски заката, тона,
Чтоб утром их выплеснуть людям на радость
На небо и горы, на луг и дома!

4 мая 1964

ПИСЬМО В АРМЕНИЮ

Флоре Азизян

Я б хотел, чтоб нежно звучали слова
И ласкали тебя, как цветы и трава,
Чтоб колышутся там, где искрится Зангу,*
Где фонтаны звенят на речном берегу.

Я б хотел, чтобы песня сказала сильней
О любви бесконечной и верной моей,
Чтоб ты знала, любимая девушка гор,
Почему к Арарату направлен мой взор.

Но не знаю, к тебе долетят ли слова,
Что рождает, пылая, моя голова.
Потому я, любимая девушка гор,
К Арарату с мольбой устремляю свой взор.

12 июля 1964

* * *

Если путь твой проложен сквозь темень в ночи,
Ты иди сквозь неё и в пути не молчи.

Назови моё имя в дороге хоть раз -
Я по зову приду к тебе в этот же час.

И, ударившись грудью о скалы в ночи,
Я зажгу своё сердце, как жгутик свечи.

И когда, разгоревшись, осветит твой путь,
Я вложу его утром в горячую грудь.

Но едва ты решишься немного в пути
Отдохнуть и прижмёшься щекою к груди,

Так, теплом согреваясь, поймёшь ты меня,
Что не каждое сердце горит без огня.

7 августа 1964

* * *

Скалою стану, если ты
Волной морскою станешь
И белым гребнем с высоты
На грудь мою нагрянешь.

Землёю стану, если вдруг
Ты тучей обернёшься
И нежной влагой сотен рук
На грудь мою прольёшься.

Но если станешь ты цветком,
Твоим я стеблем стану,
И соком жизни я потом
Пить не перестану,

Чтоб ты цвела, волнуя всех
Своим бутоном ярким,
Мне возвратив счастливый смех
И поцелуй мой жаркий.

15 августа 1964

ЯЗЫК ЛЮБВИ

Два сердца, как весною соловьи,
Поют в горах о верности в любви.

Поют на двух похожих языках,
А мир понять не может их никак.

11 сентября 1964

* * *

Айдыну Ханмагомедову

Возле роз весеннего бульвара,
Где танцует свет от фонаря,
Заиграла звонкая гитара,
Семиструнным голосом звеня.

Заиграла... Целый час задорно
Пел парнишка песнь о чудесах.
Вылетали птицами проворно
Из-под пальцев звуки в небеса.

И никто не знал, что в ту минуту,
Бубенцом загадочным звеня,
Убежала, повернувшись круто,
Юность безвозвратно от меня.

19 ноября 1964

ЗВЁЗДНЫЙ СОНЕТ

Я окунулся в чёрный океан,
Где брызги звёзд ложатся мне на плечи,
Где вдалеке от радостных землян
Несу в руках планеты, будто свечи.

Там, в тишине, ни ветер, ни буран
Шальным порывом душу не калечат,
Там в синих шлемах группы марсиан
Парадным шагом шествуют навстречу.

Я здесь прочерчиваю новый путь
К далёким и таинственным планетам,
И, скорость свою сдерживая чуть,
Я между делом рву с небес кометы
И весело огромные букеты
Земле моей бросаю я на грудь.

24 декабря 1964

ЧЕЛОВЕК

Человек не вечен. Разум вечен.
Николай Браун

Человек крылат, хоть и не птица,
Не свеча, но излучает свет.
Человек не может не стремиться
На земле оставить добрый след.

Потому, врезаясь в мирозданье,
В тайны жизни гор, морей и рек,
Он трудом, упорством и дерзаньем
Прославляет свой короткий век.

Прославляет вечер он ненастный,
Тёплый день и ночь в кромешной мгле,
Потому что в этот миг для счастья
Человек родился на земле!

5 января 1965

* * *

От огня багряного заката
Вспыхнула на тропке алыча
И горящей веткой виновато
Чуть коснулась твоего плеча.
Каждою колючкой она просит:
“Больно мне. Спасите от огня!”

...А во мне пожар зажгла не осень.
Оглянись!.. Горю!.. Спаси меня!..

16 января 1965

* * *

Смотрит пёс в глаза твои влюблённо,
И хвостом виляет он, чудак,
И ворчит на юношу он, словно
Тот не друг тебе, а злейший враг...

Но порой случается, что ночью
Ты идёшь по городу без пса.
В ту минуту хочется мне очень,
Точно пёс, смотреть в твои глаза.

16 января 1965

* * *

К вершинам гор, где тихо дремлют кручи,
Где снег блестит подобно хрусталу,
Взлетел орёл, огромный и могучий,
Приняв на крылья алую зарю.

И ожил мир: взметнулось солнце к небу,
Запели кручи, снег растаял весь...
О люди, к вам сейчас влететь и мне бы,
Неся в груди свою живую песнь!

17 января 1965

* * *

Я много видел на земле фиалок и тюльпанов,
Но всех цветов дороже мне цветы из Дагестана.
Не потому дороже мне, что ярко расцветают,
А потому что нет ценней цветов родного края.

23 января 1965

* * *

Тебе хотел я солнце подарить,
Но ты такую жгучею улыбкой
Мне сердце вдруг сумела озарить,
Что сразу понял я свою ошибку...

Тебе хотел я облака дарить,
Но ты, как будто горские кувшины,
Наполнила их красками зари
И тут же опустила на вершины...

Тебе хотел я город подарить,
Но строишь ты сама его у моря...
Ну подскажи мне, что тебе дарить,
Ну погаси мою тоску во взоре!

28 января 1965

С СОЛНЦЕМ В ГРУДИ

*И солнце, заходя,
сойдёт мне в сердце...
Элисавета Багряна*

Я солнце взял и в грудь свою вложил,
Чтоб сердце заменило людям солнце,
Чтоб мальчуган, сидящий у окна,
Не знал сиротства, в горести не жил!..

Я солнце взял и в грудь свою вложил,
Чтоб кораблям, плывущим ночью в море,
Светил я сердцем в сумрачном просторе
Не час, не два, а сколько хватит сил!..

Я солнце взял и в грудь свою вложил,
Чтоб сквозь пургу, метели и бураны,
Сквозь все дожди и серые туманы
Пронёс его и с ним для счастья жил!

12 марта 1965

* * *

Люблю свой край родной, люблю
Туманность троп, вершины гор,
Приятный запах горских блюд,
Звучанье саза, синь озёр
И холм горбатый, как верблюды...
Люблю свой край родной, люблю!

В цветах, в дерзание - край родной,
В орлином взмахе, в шуме рек,
И всюду трудится друг мой -
Душою светлый человек...
Пусть воет вьюга, злится зной:
В цветах, в дерзание - край родной!

14 марта 1965

* * *

Когда всплывает солнце над тихими горами,
Когда под ним краснеет кизилевый костёр,
Я саклю покидаю, здороваюсь с орлами
И радостно шагаю туда, где синь озёр.

Меня встречает ветер, смеётся и хохочет,
Репейник больно колет, змея шуршит в кустах,
Но я шагаю смело: ведь сердце просит очень,
Чтоб шёл мечте навстречу с улыбкой на устах.

18 января 1966

ТРОПОЮ СЕРДЦА

Евгению Гольскому

Когда-нибудь, пронзив ночную тьму,
Приду с надеждой к дому твоему.

Приду к тебе. И пусть твои слова
Мне будут - как целебная трава.

И зарубцуется моя душа...
И я пойду, к себе домой спеша.

Но я к себе тебя не буду звать.
Я верю, коль придётся бедовать,

Ты сам придёшь сквозь облачную тьму
Тропою сердца к дому моему.

22 февраля 1966

ЗВЁЗДЫ НЕ УМИРАЮТ

Памяти погибших братьев

Звёзды падают в бездну не зря.
Не напрасно рыдает заря
Над могилами павших солдат.
Где порой - ни имён и ни дат.
Но для счастья над нами горя,
Звёзды падают в бездну не зря.

Пусть когда-то угасли они,
Словно в сумерках светлые дни,
Но лучи этих звёзд без конца
Освещать будут наши сердца.
Нет, не зря умирали они,
Словно в сумерках светлые дни!

Эти звёзды - солдаты земли,
Что от вражеской пули легли,
Жизнь отдав за свободу и труд...
В нас они никогда не умрут!
Так сквозь ночь, будто истины свет,
Пробивается новый рассвет.

19 мая 1966

* * *

Я изучаю мир вселенной,
Судьбу таинственных планет,
Движение солнца, звёзд нетленных
И отражённый лунный свет.

А где-то в темноте нещадной,
Отдав науке жизнь свою,
Быть может, кто-то очень жадно
Взирает в сторону мою.

28 июня 1966

* * *

Гунзарй, Гунзарй, Гунзарй,
Ты идёшь по росистым горам,
Чтоб коснуться щекою зари,
Что к вершинам летит по утрам.

Ты идёшь, где кизил у тропы
Запылал негорячим костром,
Где орёл в глубине высоты
Режет воздух упругим крылом.

Ты идёшь, и трепещущий свет
Белопенной самурской волны
Посылает тебе свой привет,
Обнимая в пути валуны.

Ты идёшь в тишине по тропе,
Ты идёшь всё быстрее и быстрее,
И несутся навстречу тебе
Мысли тайные песни моей.

В этой песне ты слышишь слова:
"Солнце, девушке путь озари!
Передай ей, небес синева,
Что давно я люблю Гунзарй!"

6 июля 1966

РАЗДУМЬЕ ПОД КЛЁНОМ

Дочери Валентине

Под старым клёном, что над крутизной,
Застыл, как будто горец на канате.
Мне думалось о сущности земной,
О том, что мир чертовски непонятен.

Мне думалось: зачем весну любить,
Траве расти и детям нарождаться,
Когда безумцы жизнь хотят убить,
Не звёздами, а пеплом наслаждаться?

Мне думалось: зачем писать стихи,
Смотреть с улыбкой на крутые горы,
Следить за ласточкой, слетевшей со стрехи,
Когда вот-вот весь мир охватит горе?

Я думал так. И клён шумел листвою,
Ручьи звенели, грели спины скалы.
А где-то разгорался смертный бой.
А где-то за свободу умирали.

20 августа 1966

КОГДА ЦВЕТУТ КАШТАНЫ

Когда я вижу, как цветут каштаны
Под чистым необъятным небосводом,
Я погружаюсь в огненное детство
И предаюсь душой воспоминанью.
И прошлое встаёт перед глазами,
В котором бомбы вспарывали землю,
В котором пушки били по рассвету,
В котором с болью мирные каштаны,
Сражённые, ложились, как солдаты,
На пыльные военные дороги,
Нас не успев порадовать цветеньем
И не успев под солнцем надышаться.
...И потому весеннею порою,
Когда я вижу, как цветут каштаны,

Я опасаюсь, как бы не вернулось
Навеки всеми проклятое время,
Когда в полях - не плуги, а снаряды,
Когда ракеты режут по рассвету...
Неужто снова упадут каштаны
На пыльные военные дороги,
Так не успев порадовать под солнцем
Своим цветеньем моего ребёнка!

3 января 1967

ТРИОЛЕТЫ ЛЮБИМОЙ

Жене Хаве

1

Я держу на руках голубой небосвод,
Чтобы молнией выжечь на нём твоё имя.
Чтобы ночью и днём видел мир его зримо, -
Я держу на руках голубой небосвод.
Ты не бойся, что тайну узнает народ,
Прочитав твоё имя, что выжгу над ним я...
Я держу на руках голубой небосвод,
Чтобы молнией выжечь на нём твоё имя.

2

Тёмной ночи башлык я срываю с плеча
И взамен него бурку зари надеваю.
Так всегда, когда в песнях тебя воспеваю, -
Тёмной ночи башлык я срываю с плеча.
Ты - улыбка моя или, может, печаль?
Что здесь истинно - я, дорогая, не знаю...
Тёмной ночи башлык я срываю с плеча
И взамен него бурку зари надеваю.

3

Разве дождь виноват в том, что ты не пришла?
Разве в том виноваты осенние грозы?
Ведь тебя нет в ауле и после морозов.
Разве дождь виноват в том, что ты не пришла?

Не в слезах от меня ты в долину ушла,
А с улыбкой, что утром бывает у розы...
Разве дождь виноват в том, что ты не пришла?
Разве в том виноваты осенние грозы?

4

Долго-долго я слышу твой голос в горах,
Хоть не вижу тебя над знакомой тропой.
Я стою у подножья её и порою
Долго-долго я слышу твой голос в горах.
Ты - весна моей жизни, ты - радость и страх,
Ты - величье любви, что от мира не скрою...
Долго-долго я слышу твой голос в горах,
Хоть не вижу тебя над знакомой тропой.

5

Я вхожу в твоё сердце, как в саклю свою,
Чтоб разжечь в нём костёр бесконечного счастья.
Не со злобой в душе, не с минутною страстью, -
Я вхожу в твоё сердце, как в саклю свою.
Прежде думал, что девушки в нашем краю
Недоступны, как горные выси в ненастье...
Я вхожу в твоё сердце, как в саклю свою,
Чтоб разжечь в нём костёр бесконечного счастья.

6

Пусть окно твоей сакли мне светит в пути,
Чтобы стать маяком в моей трудной дороге.
Хоть со злобою тьму ночь бросает под ноги, -
Пусть окно твоей сакли мне светит в пути.
Я сейчас вдалеке, но вернусь, и к груди
Притяну я с любовью тебя на пороге...
Пусть окно твоей сакли мне светит в пути,
Чтобы стать маяком в моей трудной дороге.

13 февраля 1967 - 11 февраля 1971

РАДИ НАШИХ ПОТОМКОВ

Я стою над горами
И кричу с высоты:

- Люди, бросьте насилие,
Чтобы мир обрести!

Люди, будьте сердечны
Ради смеха детей!
Люди, будьте гуманны
Ради светлых идей!

Пусть потомки не видят
То, что видели мы:
Тучи пепла и пыли,
Царство мрака и тьмы!

Пусть они лишь увидят
Голубиный полёт,
Вспышки ярких тюльпанов
И багряный восход!

Пусть поймут наши внуки,
Что для них это мы
Всей душою выносим
Знамя солнца из тьмы!

И поэтому снова
Вам кричу с высоты:
- Люди, бросьте насилие,
Чтобы мир обрести!

Люди, будьте сердечны
Ради смеха детей!
Люди, будьте гуманны
Ради светлых идей!
Люди! Слышите, люди!

4 января 1968

РАССВЕТ НАД ДЕРБЕНТОМ

Джумиугу Ашурову

Город в пламени рассвета
И в осенней желтизне.

Ветер реет над Дербентом
И орлом летит ко мне.

Я иду к нему навстречу
И с улыбкой говорю:
“Ветер, сядь ко мне на плечи
И пойдём встречать зарю!”

Он на плечи мне садится,
Как послушное дитя.
А заря встаёт жар-птицей,
Алым пламенем горя.

Мы идём по тротуарам
Свежевымытых дорог.
Солнце вспыхнувшим пожаром
Покидает свой чертог.

Мы приветствуем светило:
“Здравствуй, солнце! Так свети,
Чтобы всё заговорило
Светлой радостью в пути!”

И в ответ светило светом
Осветило ветру, мне...
Город в пламени рассвета
И в осенней желтизне.

26 сентября 1968

РАНЕННЫЙ СОКОЛ

А. Ханмагомедову

Я - раненый сокол. Мне душу пробили.
Теперь не смогу я, как прежде, взлететь
Туда, где когда-то ударами крыльев
Восхода лучи заставлял я звенеть.

Туда не взлечу я... Лежу на утёсе
Один на один со своею судьбой.

Здесь ~~вновь~~ вспоминаются синие плёсы
И мой с непогодой решительный бой.

Здесь мне вспоминаются дальние дали
И соколов-братьев заоблачный взлёт,
И звёзд отдалённых ночное мерцанье,
И голос призывный, как выстрел: "Вперёд!.."

Я слабею и слепну, но знаю, что кто-то
Прольёт обо мне капли горестных слёз,
Что будет мне гимном грохочущий рокот
И станет надгробием этот утёс!

7 января 1969

* * *

Когда иду я поутру
По горной вьющейся тропе,
Под звуки скрытых в сердце струн
Пою я только о тебе.

Пою, и образ милый твой,
Пусть тёмной ночью или днём,
Повсюду странствует со мной,
Светясь таинственным огнём.

Как эти горы, этот край,
Ты, Гунзарй, в моей судьбе,
Мне даже мир весь - будто рай,
Когда мечтой стремлюсь к тебе.

Мне даже вьюга не страшна,
Когда студит моё лицо.
Мне даже осень - как весна,
Когда выходишь на крыльцо.

С душой, открытой на ветру,
Шагаю с песней по тропе,
Чтоб звуки скрытых в сердце струн
Рождались только о тебе.

17 февраля 1969

ПОЭТЫ

Алирзе Саигову

Поэты рождались,
Как звёзды при ясной погоде,
Чтоб в песнях звучали
Слова о любви и свободе.

Они приходили
К народу тропой Прометея,
Чтоб в души людские
Войти, теплотою их грея.

Они умирали,
Свой путь не закончив по свету,
Чтоб песни неспетые
Пели другие поэты.

18 марта 1969

* * *

*Так боялась ты моих поцелуев.
Каррадо Говони*

Тучи шлют свои влажные струи
На столетний задумчивый дуб,
Где, дрожа от моих поцелуев,
Ты стоишь и ласкаешь мой чуб.

Но когда ощущаешь вдруг ярость
Моих губ у себя на груди,
Ты ко мне прижимаешься малость
И, пугаясь, бежишь от беды.

Ты бежишь и с укором во взгляде
Оставляешь на память лишь мне
Струи влажные, грома раскаты
И от молнии небо в огне.

7 апреля 1969

СУЛЕЙМАНУ СТАЛЬСКОМУ

Словно сын, я стою у могилы твоей,
Положив на гранитные плиты фиалки.
Хоть ты рядом со мной, наших гор соловей,
Я грущу по тебе в этом солнечном парке.

Я грущу оттого, что не вижу тебя
И не слышу твой голос восторженно чистый.
Вот и Каспий молчит. Только стайки ребят
С громким криком несутся на берег скалистый.

Что возьмёшь с них? Я тоже мальчишкой бежал
Мимо этой безмолвной могилы к прибою,
А теперь я стою, грудь рукою зажав,
И смотрю на твой памятник с грустью и болью.

Ты молчишь, да и ~~С~~аз твой давно не звенит,
Но та песня, что пел ты в горах неустанно,
Точно птица, набрав высоту, всё летит
От зари до зари над моим Дагестаном!

27 апреля 1969

* * *

Нау.му Клеймансу

Говорю со всею страстью:
Если б мир счастливым стал,
Я своё отдал бы счастье,
А людское горе взял.
Я своё отдал бы сердце,
Каждый миг и час любой,
Если б смерть, как будто скерцо,
Не витала над землёй!

26 апреля 1970

* * *

Я спросил у зари:
- Где моя Гунзари?
Мне сказала зря:
- Не ищи её зря!
Ты её не ищи
Ни в вечерней тиши,
Ни у сонной реки,
Где шумят тростники!
Милой ты не найдёшь,
Где колышется рожь,
Потому что она,
Как за тучей луна,
Приютилась сейчас
В глубине твоих глаз,
Где берётся исток
Новых дум и тревог
Лишь о ней, о земной,
О любимой одной!

22 августа 1970

ОРЁЛ И ВОРОНА

Говорит орлу ворона:
- Ты могуч, в том спору нет,
Я ж слаба, судьбе покорна,
Но живу три сотни лет.
Говорит орёл вороне:
- В твоих мыслях правда есть.
Лучше смерть, чем жить покорно,
Жить, как ты, и падаль есть!

22 августа 1970

СОЛОВЬИНЫЕ СЕРДЦА

Памяти Леонида Лучкина

От избытка в песнях страсти,
Как от жгучего свинца,
Разрываются на части
Соловьиные сердца,
Разрываются мгновенно,
Обрывая, словно нить,
Жизнь, наполненную пеньем,
Соловьиной трелью: "Жить!"

... Так и многие поэты,
Хоть внезапно и не в срок
Умирают на рассвете,
Не докончив лучших строк,
Где б они смогли, как в трелях
Соловьиных, всю излить
Жизнь, наполненную пеньем,
Задумшевым гимном: "Жить!"

27 августа 1970

* * *

Борису Серману

Горели тополи в саду,
Горели, будто свечи,
Когда фашисты, как в бреду,
Бросали бомбы на ходу
На узкие их плечи.

Они горели на глазах,
И в их багряных вспышках
Мы смерти видели размах
И землю в ранах и слезах,
Мы, бледные мальчишки.

И с той поры мы всю беду
Несём, друг в друга веря,
Чтоб люди ни в каком году
Так не горели, как в аду
Горели те деревья.

28 ноября 1970

* * *

Когда мне литовка сказала: “Я мйлю“*
И тихо по-русски шепнула: “Люблю“, -
То этим она мне прибавила силу,
Как луч маяка - в темноте кораблю.

То этим она мне встревожила разум,
Затронула струны души наяву,
Что я не сдержался и высказал сразу
Все мысли мои, что привёз я в Литву:

- Я мйлю твоё предвесеннее небо,
Я мйлю твои в позолоте леса,
Я мйлю твой Вильнюс, я мйлю твой Неман*,
Я мйлю твои голубые глаза!

5 декабря 1970

НОЧНОЙ ДЕРБЕНТ

Михаилу Гаврилову

Мерцают звёзды в чистом небе.
Спокойно спит Нарын-Кала.*
Над крепостной стеною гребень
Высоких гор смягчила мгла.

Мой город здесь берёт начало
И по асфальту прямо вниз
Идёт к каспийским серым скалам,
Что ночью с волнами слились.

Идёт он вниз навстречу зорям,
Следя за стрелкой часовой...
Когда он спит, маяк в дозоре,
Как на границе часовой.

26 марта 1971

* * *

Всё моё на белом свете,
Всё моё, что вижу я:
Красноватые рассветы
И закаты у ручья.

Всё моё: луга, долины,
Степи, рощи, города,
Белоснежные вершины,
Лучезарная звезда.

Всё моё: и темень ночи,
Краски дня, и воды рек,
Потому что в землю очень
Я влюблённый человек!

2 апреля 1971

РОДНИК

Где сизо-красные рассветы
И серокрылые орлы,
Струёй хрустальной рвался к свету
Родник из впадины скалы.

Он рвался к людям и к долинам,
К ущельям горным, где Койсú*
Стремилась к морю лентой длинной,
Неся к нему свою красу.

Он рвался на простор широкий,
Чтоб жажду утолил водой

В дороге путник одинокий,
В ложбине - тополь молодой...

И всё же вырвался он к свету
И заструился у скалы,
Где сизо-красные рассветы
И серокрылые орлы.

18 апреля 1971

ЛЕРМОНТОВУ

Красные закаты,
Чайки над волной.
Жаль, что никогда ты
Не бывал со мной.

Жаль, что по дороге
В Темир-Хан-Шуру *
Ты попал в итоге
К смерти в конуру.

И теперь не я ли
Допеваю песнь,
Где твоей печали
Безысходность есть?

И не я ли это
Падаю, как ты,
В дуле пистолета
Схоронив мечты?

И не обо мне ли
Плачет та же песнь,
Где моей метели
Бесконечность есть...

Алые рассветы,
Радуга - дугой.
То, что мной не спето,
Допоёт другой.

10 мая 1971

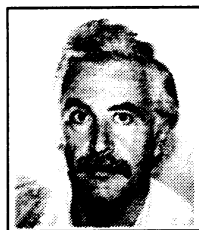

ЕСТЬ НА СВЕТЕ ЛЮБОВЬ...

Людмиле Гаген

Есть на свете любовь,
Если луг заискрился цветами,
Если птицы летят
Целый день в голубой вышине...
Есть на свете любовь,
Если солнце сияет над нами,
Если звёзды мерцают
И гаснут в ночной тишине...
Есть на свете любовь,
Если плачет над речкою ива,
Если держит девчонка
В ладони, как жемчуг, росу...
Есть на свете любовь,
Если тучи несутся над нивой,
Если ветры на крыльях
Приносят весною грозу...
Есть на свете любовь,
Если горы стоят величаво,
Если воды морские
О шторме печально поют...
Есть на свете любовь,
Если жизнь на земле - не забава,
Если люди планеты
С надеждой на счастье живут!

8 августа 1971

ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Давиду Хахаму

Настала осень. Больше петь
Не будут птицы над горами.
Здесь до весны начнут греметь
Лишь ветры сильными крылами.

На помощь им придут дожди,
Затем нагрянут и метели,
А нам с обидою в груди
Придётся ждать и ждать капли.

Придётся ждать... Не знаю я,
Как ты поступишь в эту осень.
Но я отправлюсь в те края,
Где царство птиц и царство всен.

Да, я отправлюсь. Что скрывать?
Сама судьба мне предсказала,
Что там дадут мне два крыла,
Как прежде были у Икара.

Она сказала, что взлечу
Туда, где просинь поднебесья,
Где только птицам по плечу
Летать легко, отдавшись песням.

Она сказала, может, ложь,
А, может, правду - верю мало!..
Настала осень. Двинусь всё ж,
Поверив в добрые начала.

12 октября 1971

* * *

Давиду Хахаму

Не светом люстровых огней,
А лунным светом
Я освещу сердца людей,
В чём долг поэта.

Я загорюсь одной мечтой -
Стихотвореньем
И пронесу его тропой -
Тропой творенья.

Забуду кривду и вражду,
И зло забуду.
В пути отставших подожду
И с ними буду.

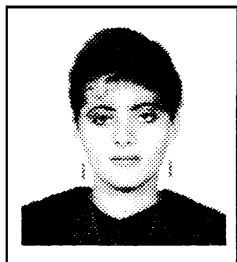
Хотя б желаньям вопреки,
В часы ненастья
Подам тепло своей руки
Я всем на счастье.

А если надо, прямо в бой
Я двинусь грудью.
И будет родина со мной
Везде и всюду.

26 января 1972

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Дочери Жанне

Отшумели злые вьюги,
Снег растаял весь.
Прилетели птицы с юга
И запели песнь:

“Ночь кругом и тёплый ветер,
Тихий, звёздный май.
Спи, мой птенчик, до рассвета,
Глазки закрывай!

Пусть тебе приснится поле,
Пусть приснится луг,
И зелёное раздолье,
И родной твой юг.

Завтра снова путь далёкий
Позовёт к горам.
Спи, мой птенчик черноокий,
Крепко до утра...”

Приумолкли птицы в гнёздах,
Мир не слышит их,
Только месяц, только звёзды
Песнь поют за них:

“Ночь кругом и тёплый ветер,
Тихий, добрый май.
Спи, наш птенчик, до рассвета,
Баюшки-бай-бай!..“

27 января 1972

ОСЕНЬ В ЛЕСУ

Виктору Гагену

Я иду один по лесу
Мимо лип, берёз и сосен,
Где, с весёлым ветром споря,
Пляшет в быстром темпе осень.

Я иду, где щедро ветки,
Потемневшие от зноя,
Сыплют листья золотые,
Как сирень - цветы весною.

Я иду, где вьётся тропка
В окруженье рыжих клёнов,
Где ручей несёт к оврагу
Воду чистую со звоном.

А когда иду сквозь чащу,
Слышу свист и пенье птицы,
Треск кузнечиков на травке,
Крик ворон и писк синицы.

Здесь я вижу, как алеют
Бусы-ягоды рябины,
Как бегут по веткам белки
Пихты, бука и осины.

Вижу их, и сердцу легче
Оттого, что осень снова
В лес пришла, окрасив бронзой
Кроны лип, берёз и клёнов.

2 февраля 1972

* * *

Не в детстве, а в зрелые годы
Яснее становится мне,
Что счастье родного народа
Превыше всего на земле.

10 февраля 1972

ДВЕ КАСКИ

*Якову Бабушкину -
художественному руководителю
Дома радио в блокадном Ленинграде,
погибшему в 1943 году под Нарвой.*

Лежали каски на земле,
Лежали много лет:
Одна - как прошлое во мгле,
Другая - как рассвет.

Одна лежала там, где мох
Под жгучим солнцем тлел,
Где сник сухой чертополох,
Как память чёрных дел.

Другая с красною звездой
Лежала у дорог,
Где жил с птенцами козодой,
Где алый рос цветок.

Она лежала, чтоб потом
Народы много лет

Повсюду помнили о том,
Кто им принёс рассвет.

14 февраля 1972

* * *

Над городом небо в лазури.
Как бабочки, звёзды на нём.
Спят люди в домах после бури.
Что городом правила днём.

Спят люди. Так часто солдаты
Спят после сраженья с врагом,
Чтоб видеть не бой, а закаты
Над тихим и чистым прудом.

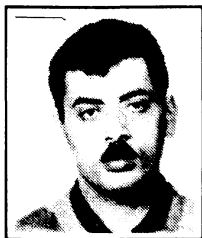
19 февраля 1972

ЧИСТОТА

Чистота - первейший признак
Наших мыслей и речей.
Если чист источник жизни,
Значит, чист её ручей.

22 февраля 1972

* * *

Сыну Истахару

Как свеча, что светит людям
И сгорает вся дотла,
Загорись огнём, покуда
У тебя душа светла.

25 февраля 1972

* * *

Птица, что сидит в неволе,
Не умрёт, всю песнь пока
Не споёт с душой о воле
И о белых облаках.

25 февраля 1972

* * *

Борису Гаврилову

Я лечу к тебе, счастье,
Словно к солнцу - Икар.
Я бегу к тебе, счастье,
Как народ на пожар.
Я иду к тебе, счастье,
С песней ночью и днём.
Я ползу к тебе, счастье,
Как солдат под огнём.

Я кричу тебе, счастье:
- Снова вдаль позови!
Я прошу тебя, счастье:
- Дай мне крылья в любви!
Я шепчу тебе, счастье:
- Будь подмогой в пути!
Я молю тебя, счастье:
- Поскорее приди!

27 февраля 1972

СОНЕТ

Ицхаку Михаэли

Два символа живут веками
И до сих пор имеют вес:
Добро и зло, Авель и Каин,
Великий Пушкин и Дантес.

Они идут, неся по свету
Рассвет и темень на плечах:
Добро несёт тепло поэта,
А зло - секиру палача.

Они идут, стучатся в двери
Людских сердец и входят в них:
Зло - затаённо, как Сальери,
Добро - как лучший в мире стих.

Так и живут, раскинув сети,
Добро - для жизни, зло - для смерти.

18 января 1973

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

Жизнь плывёт, как в море судно,
По волнам извечных дней.
Человеком быть нетрудно,
Человечным - стать трудней.

15 сентября 1973

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

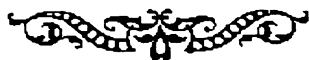
На смену огненным пожарам -
Багрово-пепельные краски
Над вечеряющей землёй.

22 января 1974

ССОРА

Я пришёл к тебе утром,
Как отблеск рассвета,
А ушёл, как вечерний закат.

22 января 1974

ГОРСКАЯ ПРИТЧА

Сыну Истахару

Шёл однажды по дороге
Без телеги и осла,
Поднимая еле ноги,
Житель дальнего села.

Шёл он долго. Ахал. Охал.
Опустил хурджин * и стал.
И сказал себе со вздохом:
- Здесь скамью поставлю сам.

Как задумал, так и сделал.
Потрудился. Попотел.
На скамью счастливым сел он
И от радости запел...

И с тех пор, кто там садится,
Чтоб немного отдохнуть,
Обретает крылья птицы
И идёт весёлым в путь.

16 февраля 1975

ОРЛЁНОК

Сыну Сергею

Пока сумеет к небу взвиться
И с ним сдружиться навсегда,
Орлёнок должен научиться
Смотреть на солнце из гнезда.

4 февраля 1976

МОЯ ЛЮБОВЬ

Моя любовь - как светлый храм
С открытыми дверями.
К ней путь свободен, чист и прям
И полонён друзьями.
Но если недруги когда
Стремятся к ней прельститься,
Она становится тогда
Не храмом, а темницей.

31 июля 1976

РУЧЕЙ

Звенит ручей и вниз несётся
К ущелью, что искрит росой,
К реке, что к морю гордо рвётся,
Сверкая водной полосой.
Он хочет быстро слиться с нею
И тут же ринуться в прибой,
Чтоб вместе с морем стать сильнее,
Что предназначено судьбой.

7 февраля 1977

РЕЧКЕ ПЕХОРКЕ

Людмиле Гаген

Ты взметнула в небо зорьку,
Речка юности Пехорка -
Подмосковная краса,
Чтобы вновь на солнцепёке
Ждал девчину у осоки
Я сегодня в два часа.

По твоей вине я снова
Ей не выскажу то слово,
Что таю в своей груди,

Оттого, что здесь от зноя
Голова шумит прибоем
И, как колокол, гудит.

Я смолчу, сорвав осоку,
И пойду по солнцепёку,
Как побитый, вслед за ней.
А когда дойдём до тропки,
Попрощаюсь с нею робко
Из-за прихоти твоей.

Разве так другие речки
Поступают с тем сердечком,
Что таит в себе любовь?
Ведь в нагорном Дагестане
Всюду клёны и каштаны
У скалистых берегов.

Ты же, милая Пехорка,
Каждый день нам даришь зорьку
И полуденный лишь зной
Для того, чтоб у осоки
Я тянул признанья сроки
И нарушил свой покой.

Если так, то я, родная,
Где в любви признаться знаю
И сорвать с травы росу.
Потому, скажу без лести,
Будем завтра с Людой вместе
В Балашихинском лесу!

10 февраля 1977

ПРИЕЗЖЕМУ ДРУГУ

По словам подлеца и пройдохи
Не суди о Дербенте моём,
Потому что нет правды и крохи
В тех словах непристойных о нём.

Не суди, милый друг, и спокойно
Сам по городу прежде пройдишь
И тогда оцени лишь достойно
Мой Дербент, его совесть и жизнь.

27 марта 1977

ВДОХНОВЕНЬЕ

Иосифу Бахшиеву

Когда поэту вдохновенье
Даёт поэзия сама,
Он помнит щедрые мгновенья
Работы сердца и ума,
Он помнит радости, и муки,
Успех, и проигрыш любой,
И стих, что создан не от скуки,
А лишь в борьбе с самим с собой.

1 апреля 1977

ЖУРАВЛИ

Расулу Гамзатову

Россия, милая Россия,
Голубоглазая страна,
Как хорошо, что всех красивей
Твоя цветущая весна!

Как хорошо, что в час рассвета
Опять взлетают журавли,
Приняв на крылья тёплый ветер
И нежный свет родной земли!

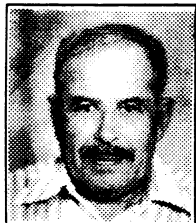
А было время - эти птицы
Неслись на юг к чужим краям,
Перелетев через границы,
Через пустыни и моря.

Но всюду, где б ни пролетали
Твои, Россия, журавли,
Они тебя не забывали
И доброту твоей земли!

Они в душе хранили долго
Твои долины и луга,
И ночи звёздные над Волгой,
И дни на невских берегах.

И, возвращаясь в час рассвета,
Они, Россия, вновь несли
На белых крыльях тёплый ветер
И нежный свет родной земли!

26 декабря 1977

Я СЛАВЛЮ ЭТОТ МИР...

Хизилу Авшалумову

Я славлю этот мир за то, что вижу солнце,
Малинники в лесу, моря, озёра, реки,
Девчонку, что сидит с книжонкой у оконца
И вслух читает стих о добром человеке!..

Я славлю этот мир за то, что вижу звёзды,
Зарницы, серп луны, кометы над горами,
Поля, густую рожь, калины красной гроздь
И всё, что там вдали, и всё, что рядом с нами!..

Я славлю этот мир, смотри, как он чудесен,
И милый свет его к судьбе земной причастен.
Так пусть же он и впредь

под ритмы звонких песен
Вселяет в каждый дом любовь, улыбку, счастье!

5 января 1978

* * *

Нам прежнее вновь не осилить
И прошлое вновь не вернуть...
Стоим мы с тобой у осины,
Боясь от волненья вздохнуть.
Стоим и глядим на больницу,
На окна, на стаю грачей,
На милые, добрые лица
Сестёр, практикантов, врачей,
На тех, кто стремился, чтоб видел
Я солнце, равнины, поля,
Озёра, деревья всех видов,
Чем славится наша земля,
И это огромное небо,
И жизнь, что несётся рекой,
И вкус испечённого хлеба,
И взмах на прощанье рукой,
И нежные листья осины,
Что дал я тебе, как цветы,
Сказав лишь: "Спасибо России
За то, что она - это ты!"

3 марта 1979

* * *

Сабиру Аскерову

- Звезда моя, кому в глухой ночи
Ты шлешь свои приветливо лучи?

- Шлю девушке, которая в пути
Тропу не может к милому найти.

Шлю юноше, который в этот час
Отару охраняет в первый раз.

Шлю хлеборобам, что везут в село
Густую рожь, веселье и тепло.

Шлю звонкой речке, что бежит средь скал
Туда, где поле, роцца, степь в песках.

Шлю всем пернатым, травам, деревьям
И всем людским заботливым сердцам.

А с ними и тебе в такой ночи
Я шлю свои приветливо лучи!

22 марта 1979

* * *

В этот тихий звёздный вечер мая
Жду тебя одну на берегу.
Жду давно. Придёшь ли ты - не знаю
И ручаться в этом не могу.
Но я жду и думаю в тревоге:
"Не могла ль ты просто позабыть,
Что в любви прямы пути-дороги
И кривых дорог не может быть!"

29 мая 1980

СОНЕТ ДЕРБЕНТУ

Аширу Захарову

Спит мой Дербент под лёгкими лучами
Далёких звёзд, которым счёта нет,
И только я - его родной поэт -
Лежу в тиши с открытыми глазами.

Мне любо так весенними ночами
Задуматься над тем, что тыщи лет
На город мирно излучают свет
Вот эти звёзды, что горят свечами.

Они всегда в согласии с луной
Мерцают над Дербентом вдохновенно,
Любуясь морем, крепостью и мной.

И я в ответ с мечтою сокровенной
Сонету отдаюсь самозабвенно,
Чтоб славить жизнь и мой Дербент родной.

22 марта 1982

* * *

Если жизнь твоя беспечна
И неведом путь к тоске,
Красота недолговечна,
Как роса на лепестке.

14 августа 1982

* * *

У жизни есть свои права
На борьбу, покой, заботы.
Но она всегда жива
Энергичною работой.

15 августа 1982

НЕВИННОМЫССКИЙ СОНЕТ

Предчувствие, а может, и любовь
К той женщине, что в радужной косынке
Идёт по скверу и волнует кровь
Своей красою всех мужчин Невинки.

Хоть я здесь гость, но, осязая новь,
Любуюсь не Кубанью в сизой дымке
И не цветами, что купил на рынке,
А женщиной, слегка взметнувшей бровь.

Гляжу ей вслед и, кажется, вот-вот
Она свернёт туда, где поворот,
Чтоб вновь явиться только в сновиденьях.

И всё ж неповторимый этот миг
Пройдёт по числам светлых дней моих
И жизнь мою наполнит вдохновеньем.

19 августа 1982

* * *

Когда лекарства были бесполезны,
Когда и сам на всё махнул рукой,
Меня стихи лечили от болезни
И вечный труд над каждой строкой.

21 августа 1982

ДВЕ ЛЮБВИ

Евгении Кофман

Две любви не вмещаются в сердце одном,
Две певчие птицы на ветку одну не садятся.
Мудрость так и гласит, хоть ты будешь смеяться:
Две любви не вмещаются в сердце одном.
Годы жизни пройдут, ты сама же потом
Станешь всюду твердить и уверенно клясться:
Две любви не вмещаются в сердце одном,
Две певчие птицы на ветку одну не садятся.

23 июля 1983

ЮРИЮ БЕРЕНГАРДУ

сонет-акrostих

Юлить не надо, чтобы стать великим, -
Рассудок унижаться не велит.
И пусть судьба недоброе сулит,
Ютась душой, не буду я двуликим.

Бывают дни, когда я слышу крики:
"Езда по склону всаднику грозит!
Раскрой глаза - обман к тебе летит, -
Есть против правды у него улики!.."

Но я не верю и смеюсь в ответ,
Гордясь, что правды ясный вижу свет,
А не коварство лжи в часы ненастья.

Раздвинув двери истины самой,
Друзья поймут, что избранной тропой
Уверенно иду навстречу счастью.

25 ноября 1983

ПОДОНОК

*Я не боюсь ни новых слов, ни дел -
Боюсь я только зависти подонков.
Алла Пугачёва*

Подонки громче всех кричат
В кругу таких, как он, подонков
И тем, кто сердцем добр и чист,
С проклятием кару шлёт вдогонку.
Но время движется вперёд
И шепчет прямо в перепонки.
Что кара скорая придёт
И сокрушит его, подонка!

3 августа 1989

ВРАГ В ЛИЧИНЕ ДРУГА...

Змея и лев опасны за спиной.
Ещё опасней - враг в личине друга.
Пусть знают все: и город, и округа -
Змея и лев опасны за спиной.
В любой момент, хоть всюду дождь и зной,
Туман и ветер или злая вьюга,
Змея и лев опасны за спиной.
Ещё опасней - враг в личине друга.

5 августа 1989

* * *

Если верить прессе,
То из года в год

ИУДА ИСКАРИОТ

1

Как раньше в христианской драме,
Уже поставив эшафот,
Незримо ползает за нами
С ловушкой враг - Искарот.

2

Теперь мой друг - как тот Иуда,
Который предал Иисуса.
К тому ж вдобавок он - паскуда
С лицом доносчика и труса.

1991-1992

ПАМЯТИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

О Родина с названьем СССР,
Ты уничтожила поэта Мандельштама.
И потому осталась как пример
На совести твоей и эта драма.

1992

ПРИЧИНА БЕДСТВИЯ

От слов пустых, безделья, взбучки
И всякой ложной суеты
Доведены мы все "до ручки",
Почти до полной нищеты.

1992

НА СУД СОВЕСТИ

Я совесть свою отправляю в Бет-дин,*
Чтоб там доказали даяны,*
Что я перед Богом стою лишь один,
Имея грехи и изъяны.

1992

НАПУТСТВИЕ СЫНУ СЕРГЕЮ

Не надо зрячим быть, чтоб видеть что творится.
Не надо чутким быть, чтоб слышать стон и вой.
Нацель свою строку, как яркий луч зарницы,
И с Богом на устах врежайся смело в бой!

1992

МОНОЛОГ ДЬЯВОЛА

*Молчание перед лицом дьявола
есть союз с дьяволом.*

Дэвид Ваксберг, США

Продаю я родину за доллары,
За рубли, за лиры и за франки.
Продаю частями, даже долями
Все её заводы или банки.
Продаю я горы вместе с реками,
Продаю озёра и закаты.
Продаю на годы и навеки я
Пенных волн морские перекаты.
Покупайте разными валютами,
Пусть то будут стерлинги и кроны.
Наши нравы с виду просто лютые,
Разум наш - глубокий и бездонный.
Покупайте рьяно и неистово
Задарма, почти без всякой платы
Группы, что остались духом чистыми,
Неподкупных мною демократов.
И пока над нами небо синее,
Торопитесь заглянуть на тризну,
Где на торг поставил пол-России я,
Как недавно целую Отчизну!

3 марта 1992

ГРАНИЦЫ

Борису Серману

Для нас, поэтов, нет границ.
Они едва ли существуют
Для тех, кто схожи с сонмом птиц,
Что над границами ликуют.

1992

МЕНЯ ПОКИНУЛИ ДРУЗЬЯ...

Когда напомнила стезя,
Что мир наполнен звоном сабель,
Меня покинули друзья,
Как крысы - тонущий корабль.
Но я не дрогнул, не ослаб
И в этой жуткой круговерти
Пошёл, как лодка без весла,
Навстречу жизни. Или смерти.

1992

СОВРЕМЕННАЯ ЧАСТУШКА

Говорят с телеэкранов,
Из домов и даже с крыш:
"Если денег нет в кармане,
Значит, в нём завёлся шиш".

1992

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

Помню, прежде была у нас чудо-пекарня,
И пекла она хлеб с каждым днём всё вкусней.
А теперь, превратившись невольно в свинарник,
Выпекает буханки для корма свиней.

1992

ЭПИТАФИЯ НА ПОЭТА-ВЫПИВОХУ

Он на сцену взлетал, как петух на плетень,
Шпарил водку и пиво и ел ананасы.
В результате - слова на могильной плите:
“Здесь покойтся пьяница высшего класса”.

1992

ИЗ ВИЛЬЯМА БЛЕЙКА

Жди смерти иль страшной беды
От долго стоящей воды.

1992

ИЗ ВОСТОЧНОЙ МУДРОСТИ

Во время мира помнить мы должны,
Что может вспыхнуть вновь огонь войны.

1992

ОБЪЕГОРИВАНИЕ

Пылко, чувственно и даром,
Позабыв свой дом и род,
Ельцин, Бурбулис с Гайдаром
Объегорили народ.

1992

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Есть истина, где на века узаконен
Обычай такой, что в стихе повторю:
“Змея никогда не предстанет драконом,
Пока не проглотит другую змею”.

1992

ЭПИТАФИЯ ПЬЯНИЦЫ

Ходил я цистерной спиртнойю,
Любовь к коньяку не тая.
Теперь же под чёрной плитою
Пропахла могилка моя.

1992

ДРУГУ- ПОЭТУ

Не всё подаётся на блюде,
Не всё, что блестит - водоём.
Пусть скажут великие люди
О скромном величье твоём.

1993

ЛЕВ И ЛИСА

Жестокий лев опустошал леса,
Пока остались в мрачной круговерти
Лишь только он и мудрая лиса,
Что дождалась его голодной смерти.

1993

ФАЛЬСИФИКАТОРУ ИСТОРИИ

Хламом надуманных фраз,
Что исторгаешь рекою,
Правду не скроешь от глаз,
Солнце рукой не закроешь.

1993

* * *

Есть ещё такие люди,
Что Отчизну ранят ложью.
Тот, кто Родину не любит,
Ничего любить не может.

1993

МОИ ГОДА

Мои года прошли в сплошном аду,
Где правил долго отпрыск Вельзевула,
Где власть его всегда была в ладу
С дерьмовой правдой рабского разгула.

Москва, Шереметьево-2
18 апреля 1995

ПЕСНЯ О ЕВРЕЙСКОЙ ДЕВЧОНКЕ

Летит фашистский самолёт
Над холмиком округлым,
И видит девочку пилот,
Играющую с куклой.

Он не даёт ей отползти
К густым зелёным веткам
И, чтобы душу отвести,
В неё стреляет метко.

Не может девочка-дитя
Ещё понять, в чём дело,
Как пули острые, свистя,
Вонзаются ей в тело.

Она, схватившись за висок,
Глядит угасшим взглядом
На куклу, что лежит у ног
Почти что с нею рядом.

А кукла смотрит, как пилот,
В ком нет ни капли чести,
Ведёт фашистский самолёт
Навстречу жгучей мести.

4 августа 1996

ТАНАХ И Я

Борису Серману

Не говорю об этом только всуе
Иль просто зря, что ровно десять лет
С ТАНАХОМ я знакомился в России,
Где на него возложен был запрет.

И каждый день, таясь чужого ока
И едких взглядов прочих там глупцов,
Я изучал, закрыв покрепче окна,
Законы наших предков и отцов.

Но шли года. Вдруг, поборов двуличье,
Тоску по месту жительства и страх,
Приехал я с семьёй в страну величья,
Где есть Всевышний и Его ТАНАХ.

Здесь проще всё. Здесь нет чужого взора,
Запретов, что издали подлецы.
Здесь я хожу всегда свободно с Торой,
Как шли когда-то прадеды, отцы.

Здесь так привольно, радостно, красиво,
А главное, неведом в жизни страх,
Как это было в прошлом там, в России,
Когда читал с оглядкой я ТАНАХ.

10 августа 1996

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен -
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.

Александр Пушкин

РУКОПОЖАТИЕ ДРУЗЕЙ

поэтические переводы

Лазарь Амиров

Фотомгновения жизни

Годы 60-е

С первым сб. "Кизиллов костёр"

Художник-оформитель

С писателем Владимиром
Носовым и журналистом
Нажмутдином Гусейновым

В Москве на Красной площади

Хизгил Авшалумов,
*народный писатель Дагестана
с татского*

У РУЧЬЯ

Парень:

Где ручей бежит, звеня.
Встретил я красавицу.
И от жажды у меня
Сердце стало плавиться.

Девушка:

Чтоб не плавилось оно,
В воду лезь студёную.
И навек уйди на дно
Или в глубь бездонную.

Парень:

Прежде чем ругать, прошу.
Ты узнай, красавица,
Образ чей в душе ношу.
Чьи глаза мне нравятся.

Девушка:

Чьи б ни нравились глаза
Или брови чёрные,
Не спадёт моя слеза
На тропинку горную.

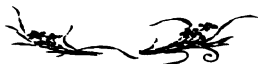
Парень:

Не сердись и дай воды,
Хоть глоток, красавица!
Я погибну молодым.
Если сердце сплавится.

Девушка:

Мне сдаётся, что влюблён.
Но по ком страдание?
Ты вопросом оскорблён?
Что же, до свидания!

Парень:
Стой, не то пойду ко дну,
Чтоб тебе понравиться!
Я в тебя влюблён одну,
Милая красавица!

Сергей Изгияев
с татарского

ОСЕНЬ УХОДИТ

Осень уходит, дотронувшись кистью,
Словно художник, к полотнищам гор.
Осень уходит, и падают листья,
Точно рубли, на цветастый ковёр...

Годы уходят, как осень, за горы,
Людам оставив старения груз.
Горы уходят, но люди не спорят,
А заключают с судьбою союз.

Старость - не листья, чтоб сбросить на землю.
Люди - не клёны, чтоб молча стоять.
Люди с годами дрыхлеют и дремлют,
Но не теряют свой мыслящий взгляд.

* * *

Я бурю взнуздал, будто всадник - коня,
К судьбе чтобы буря домчала меня.
Судьба впереди. Не догнать мне её.
“Догонишь ещё“, - шепчет сердце моё.

А после решил я звездою взлететь,
Чтоб вслед за судьбою погнаться вослед.
Судьба впереди. Не догнать мне её.
“Догонишь ещё“, - шепчет сердце моё.

Вот так много лет я несусь за судьбой
То яркой кометой, то грозной волной.
Судьба впереди. Не догнать мне её.
“Догонишь ещё”, - шепчет сердце моё.

* * *

Ты мне сказала: “Позабудь,
Что есть любовь в твоей груди!”
А я воскликнул: “Верный путь
Нам надо, милая, найти!
И если реки хлынут вспять
Иль навсегда исчезнет свет,
То и тогда я дам понять,
Что без любви нам жизни нет!”

* * *

Несётся время весело и бурно,
Как дикий конь по скошенным полям.
Ему в дороге небо служит буркой,
А молния - отточенный калам.*

Хочу я время тут же заарканить,
Но мне оно кричит: “Безумный, стой!
Ведь я тебя веду без опазданья
С рождения в историю с собой!”

* * *

Осыпаются годы, как листья с деревьев,
Осыпаются годы, но жизнь продолжает идти.
Уже листья в кострах листопада сгорели,
А деревья, как вежи, рядами стоят вдоль пути.

* * *

Боль сердечную должен я глубже запрятать,
Потому что она ни на что не нужна.
Если совесть свою запереть за ограду,
То она загудит, запоёт, как струна.

* * *

Если дерево ты посадил на рассвете,
То к закату, мой друг, не дождёшься плодов.
Лишь терпенье одно тебе благом ответит -
И пожнёшь ты плоды долгожданных годов.

* * *

Не желай, чтоб родник у соседа иссяк,
Ибо нужен он будет тебе же, чуждак.

СЛАДОСТЬ И ГОРЕЧЬ

из цикла

* * *

Не потому ли крепость у вина,
Что сладость виноградинам дана?

* * *

Сладкоязычным бывает хитрец
И седовласый почтенный мудрец.

* * *

Не станет сладким злой язык,
Хоть пить он с чаем мёд привык.

* * *

Капля яда портит сладость мёда,
Горечь слова - честь всего народа.

Сулейман Рабаданов,
*народный поэт Дагестана
с даргинского*

ПЕСНЬ ТАЙГИ

Полны таинственной причудой
Ещё сибирские края...
Поёт тайга, встречая грудью
Суровый ветер декабря.

Она поёт под звоном сосен,
Под шёпот елей и берёз.
Я вижу холмик, что под осень
Травой высокою зарос.

И неизвестно, чьей могилой
Стал этот холмик у ручья.
Поёт тайга с могучей силой,
И в песню вслушиваюсь я:

“По неисхоженной Сибири,
Где злились вьюги, как валы,
Бежал певец к родимой шири,
Держа руками кандалы.

Ему таёжные медведи
Кивком указывали путь,
Кричали кедров что-то следом,
Не понимая жизни суть.

Он спал под снежным одеялом,
Согрев дыханием себя.
И ветер шёл походкой вялой,
Над ним деревья теребя.

А утром снова - в путь далёкий,
Туда, где рдеет звёздный луч,
Туда, где солнце смехом колким
Людей встречает из-за туч.

Туда, где юная невеста
Его всё ждёт который день,
Где под скалой слегка отвесной
Цветёт пушистая сирень.

Воспоминаньем упоенный,
Он долго ползал, брёл вперёд.
С холодных губ уже не стоны -
Проклятья падали на лёд.

Прошли года. Здесь люди были.
Найдя с костями кандалы,
Они их холмиком покрыли
В тайге, от родины вдали..."

Я у могилы слышу песню,
Как умирал зимой певец.
Но кто же он, тот неизвестный,
Ответь, тайга, мне, наконец?

Каков лицом? Откуда родом?
Быть может, русский иль поляк?
А может, он - ашуг народный
Высоких гор и мой земляк?

И не его ли злые ханы*
Сослали в дальние края
За то, что песнями он раны
Им наносил, их не боясь?..

...Молчит тайга. Суровый ветер
Вмиг заглушает сосен звон.
Хоть отошёл на километр,
Но всё ж певца я слышу стон.

Иль мне так кажется - не знаю,
Под впечатленьем находясь,
Но песни те в таёжном крае
Я слышал, люди, много раз!

НОВОСЕЛЬЕ

- Почему ты смотришь так угрюмо
На мои зелёные поля?
Почему терзаешь сердце думой
В день весенний, ласточка моя?
Почему на ветке стройной липки
Ты сидишь, не глядя на меня?
Почему, скажи, на звучной скрипке
Золотые струны не звенят?

- Почему? На этом самом месте
Был недавно старенький аул.
Неужели он пропал без вести?
Неужели ветер его сдул?
Не нужны теперь мои напевы,
Нет людей - и песни не нужны!
Полечу туда, где есть посевы,
Где сегодня люди быть должны.

- Подожди! Ты не ошиблась вовсе.
Тот аул недавно здесь стоял,
А когда жизнь изменилась горцев,
Не аулом - городом он стал.
Видишь дом? Он светлыми глазами
Смотрит, улыбается весне.
Ведь аул с высокими домами
Нам не снился даже и во сне.
Полети на крыльях ты атласных,
К новосёлам в гости полети,
И касаткам горцев спой прекрасных
Колыбельных песен по пути!

Алирза Саидов,
*лауреат премии Дагестана им. С. Стальского
с лезгинского*

НЕГРИТЯНКА, ЛАСТОЧКА МОЯ!

Словно Нил, взволнованный грозою,
Ты бежишь, дыхание затая...
Подожди, поговори со мною,
Негритянка, ласточка моя!

Вижу я: твоё лицо в печали,
Слёзы серебрятся у ресниц.
Почему ночами-вечерами
Не сидишь в кругу своих сестриц?

Почему в лазурный час заката
Одиноко бродишь по лесам?
Может быть, бананов маловато
Или птиц исчезли голоса?

Может быть, ты хочешь на свободе
Слушать песни Робсона-отца?
В этих песнях - заповедь народа,
Сердце негритянского певца!

Знаю я: тоскуешь ты по школе,
Где трезвонят весело звонки,
И твоя безрадостная доля
Сердце разрывает на куски.

Не грусти! Я песню о Шарвили*
И Хочбаре* для тебя спою,
Чтоб в бою ты негров открылила,
Спев простую песенку мою.

Словно Нил, взволнованный грозою,
Не беги ты в дальние края...
Подожди, поговори со мною,
Негритянка, ласточка моя!

ПЕСНИ ПРОМЕТЕЯ

Полю Робсону

Мой чёрный друг, ты огненные капли
Больших морей и маленьких озёр
Собрал в горячем сердце, словно в саклю
Своих друзей собрал хозяин гор.

Не предал песню, что для нас хранила
Земную радость и земную грусть.
И тот боец, что песню нёс над Нилом,
Встречая смерть, не отступал как трус.

Как Прометей, который людям отдал
Живой огонь, горя любовью к ним,
Ты щедро песни раздаёшь сегодня,
И их огонь вовеки негасим.

Как тесный дом, просторная планета
Поёт с тобой, чтоб мир спокоен был.
Когда поёшь ты - умолкает ветер,
Когда молчишь - тревожно стонет Нил.

Глаза людей, которым дал ты радость,
Сияют ярче африканских звёзд.
В них видишь ты и ненависть, и ярость
Горячих стран, встающих в полный рост.

Известно нам, что радуга имеет
В дуге своей различных семь цветов.
И песнь твоя лишь алой быть умеет,
Но этот цвет надёжней всех зато.

Мой чёрный друг, не терпит песнь преграды,
Назло врагам она найдёт друзей.
В груди своей, как песню, носит правду
Столетия переживший Прометей!

Биньямин Сафанов
с татского

КУВШИН С РОДНИКОВОЙ ВОДОЙ

Любившая петь и свободно шагать
По горной тропинке и в стужу, и в зной,
Несла на плечах моя добрая мать
Округлый кувшин с родниковой водой.

Несла для меня. И с младенческих лет
Я пил эту влагу, пока не подрос
И сердцем не понял, что ласковой нет
Руки материнской, улыбки и кос.

Когда ж я окреп и отправился в путь,
С крыльца, провожая, промолвила мать:
- Сынок, по дороге, прошу, не забудь
Всё то, что хочу на прощанье сказать!

Ты скоро увидишь другие края,
Где будут озёра, где будет ручей,
Но, милый, запомни: одна лишь чиста
Вода из ключа. Ты её только пей!

Ты пей её только, чтоб бодрой душа
Была у тебя даже лет через сто!
Ведь влага ключа до того хороша,
Что с ней не сравнится на свете ничто!

Ты пей и тогда, когда будешь шагать
По тропам отчизны и в стужу, и в зной,
И вспомни, как с песней несла твоя мать
Округлый кувшин с родниковой водой!

...Я люблю твою гордость и тягу к свободе,
Мой народ, что когда-то родил Шамиля...

Ночью шаг его тяжкий разносится гулко,
Только свет погашу - он маячит в окне.
То суровый защитник аула Ахульго,
То старик из Гуниба - он входит ко мне.

Расул Гамзатов

ДУША КАВКАЗА

народная драма

Лазарь Амиров

Фотомгновения жизни

Годы 70-е

С композитором Ашуровым

На заседании литобъединения "Ростки"

С сыном Сергеем

С поэтом Евгением Гольским

Ш А М И Л Ь

Народная драма в трёх действиях
и двадцати одной сцене

Действующие лица:

Ш а м и л ь, имам,* светский и
духовный руководитель
антиколониального движения
горцев Дагестана и Чечни.

Ф а т и м а, его сестра.

П а т и м а т

З а й д а т

Д ж а м а л у т д и н

К а з и - М а г о м а

М а г о м е д - Ш е ф и

П а т и м а т

Н а ж а б а т

} его жёны.

} его сыновья.

} его дочери.

З ю л ь м а, жена Джамалутдина.

А б д у р а х и м, зять Шамиля.

Г а д ж и - А л и, сподвижник Шамиля.

Х а д ж и - Р е б е л и, воспитательница дочерей Шамиля.

Г а с а н, мюрид, затем наиб.

И л и т а, его мать.

С а м и т, наблюдатель за религиозными обрядами.

П о л я н о в Алексей Яковлевич, майор.

З а р у б и н Борис Владимирович, поручик.

М и х а и л, подпоручик, затем - поручик, его сын.

П о т а п ы ч, денщик Зарубиных.

Т е к л е, грузинка-пленница.

В эпизодах: старейшины, алимы,* муллы,* наибы,* мюриды,*
знахарь, нукеры,* служанки, старухи, мальчики, хан,* палач,
разбойники-пастухи, фельдфебель, солдаты, генерал-адью -
тант Барятинский со свитой.

Место действия: Дагестан и Чечня.

Время действия: август 1839-го - август 1859-го года.

Действие первое

Сцена первая

Август 1839 года. Дагестан. Аул Ахульго. Справа в глубине - ворота перед домом Шамиля, слева - высокие горы и изгибы реки Койсу. На переднем плане сидит Фатима с годовалым ребёнком на руках. Из калитки выходят Патамат, служанки, восьмилетний Джамалутдин и шестилетний Казимагома. Первый - высок и строен, второй - рыжеват и плотен. Они в черкесках и с маленькими кинжалами. Все направляются к реке, а Патамат подходит к Фатиме.

Фатима (*грустно поёт*).

“Ты снимал по утрам хоросанскую шапку,
А теперь не снимаешь её предо мною.
По ночам мелькала андийская бурка,
А теперь я бурки твоей не вижу.
Я мать, несчастная, как долина,
У которой трава на корню сгорела.
Я мать, несчастная, словно пальма,
С которой упал незрелый финик”.

Патамат (*садясь рядом*). Не грусти, Фатима. Я ведь знаю, о ком ты тоскуешь.

Фатима. О ком же, Патимат, если не секрет?

Патамат. Тебя, дорогая, мучает судьба твоего сына Гамзата, которого отдали неверным в заложники.

Фатима (*вздыхая*). Да, Патимат, с тех пор, как мой Гамзат стал заложником, я потеряла покой и сон.

Патамат. На всё воля Аллаха!..*

Фатима (*зло*). Не Аллаха, а моего брата Шамиля! При чём тут Аллах? Разве царские генералы не заключили бы мир с имамом, если бы он не отдал им моего сына?

Патамат. Имам не виноват. Русский сардар* - наместник Кавказа - потребовал от Шамиля послать в заложники не сыновей простых горцев, а своих близких родственников...

Фатима (*глядя вдаль*). У-у, проклятый царь! Пусть гнев Аллаха падёт на его голову! Это он принёс в наши горы все беды и несчастья... (*Плачет.*)

Патамат (*участливо*). Не плачь, Фатима! Успокойся, милая! Я уверена, что твой сын в безопасности.

Ф а т и м а. Что? Ты так говоришь, как будто сама видела моего Гамзата.

П а т и м а т. Нет, его я не видела, но слышала, как саиб* - офицер, который снова приехал за заложниками, поклялся головой, что наши дети будут у них живы и здоровы.

Ф а т и м а *(вставая)*. Ха! Ты плохо знаешь саибов белого царя. *(Молчание.)* Эх, чует моё материнское сердце, что нет в живых моего сыночка и что Азраил* - чёрный ангел смерти - уже вычеркнул его из книги жизни. *(Рыдает.)* Четыре года прошли с того дня, как гяуры* взяли моего Гамзата, а моя душа всё тоскует и плачет по сыну!

П а т и м а т *(встаёт)*. Успокойся, Фатима! Придёт время, разобьёт наш великий имам полчища белого царя и выручит всех заложников, а с ними и твоего Гамзата!..

Ф а т и м а. Постой, сестра! Твои слова никогда не сбудутся, потому что имаму не победить царя и его армию!

П а т и м а т. Нет, сбудутся! Вот придут гяуры под Ахульго, шашками и кинжалами встретят их наши орлы, наместник Кавказа на коленях будет просить мира, и тогда...

Ф а т и м а. Ха-ха! Этого не будет. Гяуры придут и возьмут Ахульго, как они взяли Гимри, Тилитлю и как недавно взяли Аргун. Русские - смелы. Они сильны, как львы, быстры, как молнии, и, налетая, словно коршуны, на наших горцев, всегда побеждают их!

П а т и м а т *(в ужасе)*. Молчи, безумная! Это горе омрачило твой рассудок!..

Ф а т и м а. Придут гяуры, и горы вздрогнут от подножия до вершин! И когда сердце имама обагрится кровью, он поймёт, что бессилен перед белым царём! Шамиль отнял у меня Гамзата, отдал в заложники. Придёт время, когда одного из его сыновей постигнет та же участь!..

П а т и м а т *(отпрянув назад)*. Молчи, молчи! Твой язык зловещ, потому что твоё сердце полно злобы на имама. Не ты, а шайтан* говорит твоими устами, но сила шайтана ломается о непреклонную волю Аллаха! Мой Джамалутдин останется при мне, и я никому не отдам моего ребёнка!..

Джамалутдин и служанки возвращаются. Фатима прижимает малыша к груди и уходит во двор. Служанки следуют за ней. Джамалутдин подходит к Патимат.

Д ж а м а л у т д и н. Мама, о чём ты говорила с тётей?

П а т и м а т *(обнимая его)*. Мой мальчик, я тебя никому не отдам! Слышишь, никому!

Д ж а м а л у т д и н. Слышу, мама. Только ты не сердись на тётю Фатиму. Она очень хорошая. Иди и помирись с нею.

П а т и м а т. Иду, сынок, иду! *(Уходит.)*

Появляется Кази-Магома, держа руки за спиную.

Д ж а м а л у т д и н *(подойдя к нему)*. Магома, а что ты спрятал там, за спиною?

К а з и-М а г о м а *(выпростав руки)*. Смотри, брат! Красивый орлёнок у меня?

Д ж а м а л у т д и н. Очень. *(Недоумённо.)* А что ты собираешься с ним делать?

К а з и-М а г о м а *(смеётся)*. Хочу играть в неверного. Пусть орлёнок будет раненым гяуром, а я... *(Кладёт птицу на землю и сам опускается на колени.)*... а я буду смелым джигитом. *(Обращаясь к орлёнку)*. Ах, это ты, который поднял руку на моего отца? Да?.. Так вот же тебе! Вот! Вот!.. *(Из крыльев птицы выщипывает перья и, выхватив кинжал, собирается выколоть ей глаза.)*

Д ж а м а л у т д и н *(поспешно)*. Стой, Магома! Не смей убивать орлёнка!.. *(Отнимает птицу и выпускает на волю.)*

К а з и-М а г о м а *(сжимая кулаки)*. Как ты смеешь, шайтан, трогать моего орлёнка?!

Раздаются голоса женщин: "Гяуры! Неверные!" Из ворот выбегают Патимат и Фатима. Патимат подходит к детям и уводит во двор. Фатима остаётся.

Ф а т и м а. Четыре года назад неверные тучей налетели на Тилтю и увели моего Гамзата. Видать, они убили его. Убили и пришли за новой жертвой. *(Грозит кулаком.)* У-у, проклятый царь!... *(Уходит.)*

Крики утихают. Появляется Гасан, подходит к воротам и стучит нагайкой. Из калитки выходит Гаджи-Али с жёлтой чалмой на голове.

Г а д ж и-А л и. Да будет благославлен Аллахом твой приход, сын мой! Салам-алейкум!*

Г а с а н. Ваалейкум-салам!* Да оградит Аллах от происков шайтана!

Г а д ж и-А л и. Сын мой, кто ты?

Г а с а н. Я - Гасан из аула Дарго-Ведено, что за Андийской Койсу.

Г а д ж и-А л и. Что тебя привело к этому дому?

Г а с а н. Я от храброго джигита Акверды-Магомы, хунзахского наиба.

Г а д ж и-А л и. А где же он сам?

Г а с а н. Отряды его близко. Они горят желанием отбросить коршунов белого царя от стен Ахульго и пролить свою кровь за священное дело имама. (Молчание.) Не думаешь ли ты, отец, что в Аварии мало храбрых горцев?!

Г а д ж и-А л и. Юноша, в твоих глазах я читаю, что твоя кровь кипит жаждою побед и славы. Не затем ли ты пришёл сюда?

Г а с а н. Да, отец! Я пришёл, чтобы стать мюридом.

Г а д ж и-А л и (положив руку на плечо Гасана). Чтобы стать мюридом, надо предаться Аллаху и позабыть себя. Подготовлены ли ты к этому, сын мой?

Г а с а н. Да, отец!

Г а д ж и-А л и. Повторяю: чтобы стать мюридом, недостаточно владеть кинжалом и уметь стрелять из винтовки. Надо знать ещё многие науки.

Г а с а н. Отец, когда я увидел великого имама, то решил твёрдо стать мюридом и поэтому быстро воспринял учение о подвижнической жизни. За несколько месяцев я прочёл всю историю деяний Магомета и его войн, не пропустил ни одного намаза. Теперь я полагаю, что достоин быть зачисленным в мюриды. (Молчание.) Отец, ты друг и ближайший советник имама. Замолови перед ним за меня слово!..

Г а д ж и-А л и (ласково). Я горжусь твоим поручением, сын мой, и готов услужить тебе. Молодость не может быть помехой храбрости. Имам как великий мудрец поймёт это, и ты станешь мюридом, клянусь бороною пророка!

З а т е м н е н и е

Сцена вторая

У мечети толпятся мюриды. На пороге стоит Ш а м и л ь. Он высок, плечист и строен. На нём белая черкеска. Плечи и спина покрыты пурпуровой мантией. С белой чалмы, окутавшей голову, спускается длинный конец с кистью. Худое лицо с тонкими чертами заканчивается рыжей бородой. Стареишны, муллы, наибы, мюриды и нукеры низко склоняются

перед ним. Они в красных, коричневых, зелёных, жёлтых и белых чалмах. Двое наибое почтительно подходят к имаму. Вместе с ними Ш а м и л ь поднимается на уступ скалы, что стоит справа от мечети.

Ш а м и л ь (*глядя вверх*). Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет - пророк его!..

Г о р ц ы (*хором*). Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет - пророк его!..

Ш а м и л ь. Горцы Дагестана, слушайте! Волю Бога возвещаю я вам! Аллах велик и могуществен. От милости его созданы все царства. Народам Чечни и Дагестана даны горы, а прочим - долины и низовья рек. Мы построили наши сакли, завели цветущие кутаны* и поселились в наших аулах. Но русский царь и его наместники решили завладеть нами, превратить наши пастбища в пустыни, наши аулы - в груды пепла и развалин...

Г о р ц ы (*хором*). Смерть царю!.. Смерть наместникам!.. Смерть!.. Смерть!..

Ш а м и л ь. Неверные хотят силою заставить нас как рабов трудиться на себя!..

Г о р ц ы (*хором*). Смерть царю!..Смерть гяурам!..Смерть!.. Смерть!..

Ш а м и л ь. Но этому не быть!..

Г о р ц ы (*хором*). Не быть, имам!.. Не быть! Не быть!

Ш а м и л ь. Наибы, алимы, абреки* и мюриды, слушайте меня!

Г о р ц ы (*хором*). Говори, повелитель!.. Мы слушаем, Шамиль!.. Говори!..

Ш а м и л ь. Горцы! Три дня и три ночи я пробыл в мечети, чтобы узнать, за что прогневался на нас Аллах, наказав поражением доселе недоступной Аргуни. И Аллах смилостивился над своим недостойным слугою и послал ко мне пророка, который и оповестил волю Аллаха и причину наших поражений...

Г о р ц ы (*хором*). За что прогневался на нас Аллах?.. В чём причина наших поражений?.. Говори, имам!..

Ш а м и л ь. Аллах гневается на нас: ему стало известно, что в наших горах ещё остались ханы и беки,* которые грабят горцев и указывают слабые места наших крепостей для того чтобы продать русскому царю священное дело газавата.* Но этому не быть! И как только позорная казнь совершится над ними, победа будет наша! Так решил Аллах. Иншаллах!.. Да будет так!..

Г о р ц ы (*хором*). Иншаллах!.. Да будет так!..

Ш а м и л ь (*грозно в толпу*). Где Самит?

Из толпы выходит С а м и т и, кланяясь, подходит к Ш а м и л ю.

С а м и т. Я здесь, повелитель!

Ш а м и л ь. Самит, поручаю тебе найти хана, который привёл гяуров к стенам Ахульго, и доставить на суд как можно скорее! Иди!.. *(Знаком руки отпускает Самита и спускается со скалы.)*

Подбегает Г а с а н и падает к ногам имама. К Гасану бросаются м ю р и д ы и поднимают его с земли. Г а д ж и-А л и подходит к Ш а м и л ю.

Г а д ж и-А л и *(показывая рукой на Гасана)*. Великий имам! Этот юноша - Гасан, уроженец аула Дарго-Ведено. Он джигит из отряда храброго Акверды-Магомы.

Ш а м и л ь. Так почему же он здесь, а не в отряде неустрашимого Акверды-Магомы?

Г а д ж и-А л и. Великий имам! Он жаждал увидеть тебя, с этой целью прорвался сквозь цепь гяуров и прискакал в Ахульго. Верь мне: сердце его чисто, как струя родника, а душа жаждет блаженства Аллаха.

Ш а м и л ь. Это похвально. *(Гасану.)* Юноша, скажи мне, в чём твоя просьба?

Г а с а н. Святейший имам! Моя просьба дерзкая. Я хочу многого и, быть может, за мою дерзость заслуживаю смерти.

Ш а м и л ь *(ласково.)* Скажи, сын мой, не бойся.

Г а с а н. Святейший имам! Я хочу стать мюридом...

Ш а м и л ь. Юноша, в твоём желании нет преступления. Напротив: великий пророк сочувствует всем, кто желает стать в ряды борцов газавата. Но ты слишком молод и вряд ли успел пройти всё необходимое для вступления на путь блаженства.

Г а с а н. Великий имам! Молодость моя не послужит помехой моему желанию. Я готов поклясться на Коране, что все установленные испытания мною пройдены. Цель моя - драться в твоих рядах! Прими меня, имам!

Ш а м и л ь. Сын мой, твои слова дышат храбростью. Ступай в мечеть, где проведёшь ночь в уединении и молитве, а с зарёю мулла свершит твоё посвящение!..

Г а с а н, кланяясь, уходит в мечеть. Из толпы выбегает м ю р и д в окровавленной одежде и подходит к Ш а м и л ю.

М ю р и д. Великий имам! Клянусь Кораном, мы, твои вер-

ные джигиты, храбро бились, отстаивая Сурхаеву башню! Но к гурам подходили всё новые и новые воины!..

Ш а м и л ь (*перебивая*). А сколько их было?

М ю р и д. Их было столько, сколько звёзд на небе. А нас - лишь горсточка. Они все перебиты. Только я один прорвался сюда, чтобы возвестить тебе горе: Сурхаева башня взята!

Ш а м и л ь. Проклятье! (*Грозно в толпу*). Где Самит?

Из толпы выходит С а м и т. Кланяется Ш а м и л ю.

С а м и т. Я здесь, повелитель!

Ш а м и л ь. Самит, привёл ли ты продажного хана?

С а м и т. Да, имам! Предатель здесь и ждёт твоего приговора!.. (*В толпу.*) Палач, веди сюда этого незаконнорожденного!..

Из толпы выходят п а л а ч и х а н. Руки и ноги хана закованы в кандалы. одежда оборвана. Палач - с чёрной тряпкой на папаче и с обнажённым кинжалом в руке.

Ш а м и л ь (*хану*). Вот ты и попался, презренный шакал! Пусть народ решит твою судьбу! (*Самиту*). Самит, расскажи горцам о деяниях этого проходимца...

С а м и т. Слушаюсь, повелитель! (*Горцам*). Мюриды! Жестокостям этого изменника нет предела. Вот они. До того, как он привёл царского наместника к подступам Ахульго, хан ездил по селениям своего владения и устраивал кутежи. Он подвергал жителей избиениям и самолично заключал их в тюрьмы...

Ш а м и л ь (*прерывая*). Говори короче, Самит!

С а м и т (*продолжает*). У одного из слуг этот хан заметил платок, подаренный им служанке, и слуга пропал без вести. Только весной его труп нашли на берегу реки. За то, что с ханского двора волк унёс гуся, у караульщиков были отрезаны уши. Одному алиму, что верно служил народу, хан проколол шилом язык и воткнул в отверстие палочку. Однажды у хана пропало двести рублей. В связи с этим он пытал караульщиков. На грудь двоих хан положил раскалённые древесные угли, третьего пытал калёным железом, четвёртому на бритой голове сделал из теста чашку и налил в неё кипящее масло.

Ш а м и л ь (*перебивая*). Хватит, Самит! (*Горцам*). Что заслужил этот изверг? Говорите!

Г о р ц ы (*хором*). Смерти!.. Смерти!..

Х а н *(падая на колени)*. Пощадите!.. Пощадите!..
Ш а м и л ь *(грозно)*. Для изменника и подлеца нет пощады!..
(Палачу). Делай своё дело!..

П а л а ч уводит х а н а. За сценой раздаются его предсмертные крики, которые вскоре смолкают.

(Горцам). Именем Аллаха исполнено!..

З а т е м н е н и е

Сцена третья

Ночь. Комната Зарубина освещена свечами. П о т а п ы ч лежит в углу на солдатской шинели. З а р у б и н с Георгиевским крестом на груди нерешительно подходит к нему.

З а р у б и н *(тихо)*. Потапыч, слышишь?

П о т а п ы ч *(ворчливо)*. И чего не спите, спрашивается? Шли бы спать, ваше благородие!

З а р у б и н. Что-то не спится мне...

П о т а п ы ч. Очень плохо. Перед штурмом-то выспаться как следует не мешает. Ведь дело нелёгкое: с самим Шумилкой схватиться, может, придётся!

З а р у б и н *(смеётся)*. С самим Шамилом едва ли придётся схватиться...

П о т а п ы ч. Да чёрт с ним, с Шумилкой-то! Лучше поспите. Я вам чайку с ромом оставил холодненького. Крепче от него соснёте.

З а р у б и н. Ладно, ладно. Потапыч, не ворчи! Сейчас лягу... *(Задумывается)*.

П о т а п ы ч *(озабоченно)*. О чём задумались, ваше благородие?

З а р у б и н. О своих малышах думаю. Как они там, а?

П о т а п ы ч. Как? Очень просто. Так же по земле ходят, как и мы с вами. Небось, не вверх ногами. Что им у матери под крылышком сделается? Лизавета Ивановна и приголубит их, и укроет от всего дурного. Вам хуже...

З а р у б и н. Дай Бог им счастья!.. *(Молчание.)* А как ты думаешь, Потапыч, возьмём мы Ахульго?

П о т а п ы ч. Непременно, ваше благородие! Как пить дать, возьмём! Гимри взяли, Тилитлю взяли, Аргун тоже. И Ахульго

возьмём! Ещё Шумилку гололобого накроем. Вот как! Небось, ещё пощады закланчит...

З а р у б и н. Пощады-то Шамиль, известное дело, не закланчит.

П о т а п ы ч (*садится*). Вот увидите, закланчит! Шумилка, ваше благородие, только издали храбр, и морды эти евонные...

З а р у б и н. Мюриды, Потапыч...

П о т а п ы ч (*ворчливо*). Ладно, и за морды сойдут, не велики птицы!..

З а р у б и н. Ну, не скажи! Мюриды - храбрые воины, и в битве они хоть куда. (*Молчание*). Ты вот что сделай, Потапыч...

П о т а п ы ч. Что надо сделать, Борис Владимирович? Только скажите, я всё исполню!

З а р у б и н. Если меня убьют, Потапыч, ты мне Богом побожись, что семьи моей не оставишь, Елизавете Ивановне поможешь вырастить Мишу и таким же честным человеком сделаешь, каким был отец, чтобы он ради России жизни своей не щадил! Слышишь, Потапыч?

П о т а п ы ч (*сердито*). Слышу-то слышу. Только что толку-то с того, что слышу? (*Усмехается*.) Ишь, ведь умирать вздумали! Гляди-кось, назавтра второго Егория нацепите! А вы - смерть, убьют!

З а р у б и н. А если всё-таки убьют?

П о т а п ы ч. Убьют? Да где же это видано? Да что же это? Да я...

З а р у б и н (*ласково*). Ну-ну, будет тебе! Я просто пошутил... (*Молчание*). Не пора ли вздремнуть?

П о т а п ы ч. Давно пора!..

З а р у б и н (*тушит свечи*). Спокойной ночи, Потапыч!

П о т а п ы ч. Спокойной ночи, ваше благородие!

З а т е м н е н и е

Сцена четвёртая

Женская половина дома Ш а м и л я. С л у ж а н к и мечутся с рыданиями, посылая проклятия неверным. Х а д ж и-Р е б е л и, обезумев, носится из стороны в сторону, спешно увязывая в мешки всё ценное. К а з и-М а г о м а стоит, уткнувшись носом в угол. Бледная П а т и м а т сидит на циновке. У её ног примостился Д ж а м а л у т д и н. Он смотрит, не отрываясь, на дверь. Ф а т и м а спокойна. Она кормит ребёнка грудью. За стеною ни на минуту не умолкает стрельба. Все ясно слышат "ура" и возгласы: "Алла...алла..."

Представители многочисленной семьи Шамиля
(фотографии сделаны в середине 60-х годов 19-го
века и взяты из книги М.Н.Чичаговой "Шамиль
на Кавказе и в России", С.-Петербург,1889 год)

Шуаната, жена Шамиля

Кази-Магомет,
сын Шамиля

Наджеват и Нафисато, дочери Шамиля

Шафи-Магомет,
сын Шамиля

Магомет, сын
Шамиля

Баху-Меседу,
дочь Шамиля

Каримат, невестка Шамиля,
жена Кази-Магомета

П а т и м а т (вскакивая с места). Аллах, помилуй! Гяуры в ауле! Мы погибли!..

Д ж а м а л у т д и н (встаёт стремительно, подбегает к двери). Не бойся, мама, я защищу тебя! (Выхватывает из-за пояса кинжал, взмахивает им.) Пусть только гяуры осмелятся переступить порог!

П а т и м а т подходит к стене, срывает кинжалы и раздаёт женщинам.

П а т и м а т (Джамалутдину). Сынок, мы погибли! Имам в пылу битвы позабыл о нас!..

Вбегает Г а с а н. С него сбита белая чалма, кровоподтёки пересекают лоб, одежда разорвана местами, лицо бледно, глаза горят.

Г а с а н (глухим голосом). Шамиль приказывает всем перейти потайным ходом в Старый замок. Я проведу вас туда. Царское войско ворвалось в Ахульго. Мы отступаем!..

Ф а т и м а (сверкая глазами). Ха! Отступают! Мюриды отступают. Позор!.. (Вбегает из сакли, держа в одной руке ребёнка, в другой - кинжал.)

П а т и м а т (в ужасе). Догоните её! Фатима погибнет!..

За стеною раздаются голоса Ф а т и м ы и г о р ц е в.

Ф а т и м а. Мюриды! Возьмите наши пряжки и отдайте нам ваши кинжалы! Пустите нас на битву и мы, женщины гор, научим вас сражаться и умирать во славу Аллаха! Или вы - глупые мыши, что испугались горсти царских шакалов, идущих в нашу же западню?! Нет, вы, смелые из смелых, стыдитесь! Не вы ли клялись на Коране забыть дорогу назад? Или вы не джигиты газавата, что пятитесь, как трусливые зайцы, от неверных! Так смотрите же, заячьи души, как будет сражаться горная орлица за своё гнездо!..

Г о р ц ы. Сестра имама права!.. Вперёд, джигиты! Мы покажем смелой орлице, что могучие орлы не вывелись под небом Дагестана!..

Раздаются выстрелы.

Ф а т и м а. А-а!.. Убили моего ребёнка!..

Г о р ц ы. А-а!.. Убили сына наиба Хасбулата!.. Смотрите, Фатима упала!.. Фатима в крови!.. Гяуры убили сестру имама!.. Вперёд!.. Вперёд!..

Г а с а н, женщины и дети с кинжалами в руках выбегают из сакли.

З а т е м н е н и е

Сцена пятая

Старый замок. Сакля такая же, как в четвёртой сцене. Гасан стоит у входа с винтовкой в руке. Женщины и дети прислушиваются к тому, что происходит снаружи. Винтовочные выстрелы прекращаются. В ответ раздаётся "ура". Патимат крепко обнимает Джамалутдина и Казимазому.

П а т и м а т. Что это? Почему снова эти крики? Разве битва не окончена?

Х а д ж и - Р е б е л и (сурово). Или ты не знаешь, Патимат? Это - победный клик неверных. Должно быть, на минарете* уже взвился белый флаг. Оттого они и ликуют.

П а т и м а т. Велик Аллах! Он не допустит ангела смерти тронуть нас своим холодным крылом!..

Громкий стук в дверь. Входят Шамиль и Гаджи-Али. Лица у обоих усталы и печальны. Джамалутдин подходит к отцу и почтительно целует его руку.

Д ж а м а л у т д и н. Благословен Аллахом твой приход, отец!

Шамиль ласково кладёт свою ладонь на бритую голову сына и улыбается.

Г а д ж и - А л и (ему). Напрасно ты согласился, имам, на условия сардара Граббе.

Ш а м и л ь. А что оставалось делать? Для перемирия с ним другого выхода не было. Ведь наместник Кавказа Граббе ясно сказал: "Или отдай старшего сына в заложники, или мы уничтожим Ахульго и всех его защитников!..." Скрепя сердце, я согласился.

Г а д ж и - А л и. И всё же, будь я на твоём месте, я не отдал бы своего сына в заложники.

Ш а м и л ь. Ради сына я не могу жертвовать горцами и священным делом газавата! А ты, Гаджи-Али, не забывайся! Пока я - имам! Делай то, что тебе приказано!

Г а д ж и - А л и (кланяясь). Слушаюсь, повелитель! (Джамалутдину.) Сын мой, идём со мною...

Патимат подсакивает к Джамалутдину и прижимает его к груди.

П а т и м а т (рыдая). Сынок! Радость моя! Услада моего сердца!

Солнечный луч всего аула!..

Д ж а м а л у т д и н *(плачет)*. Mamочка, не уйду! Никуда не уйду!

П а т и м а т. Не уходи, сынок! Не уходи, ласковый свет нашей сакли! Упроси отца! Он добрый и не отдаст своего сына чужим!

Ш а м и л ь *(качая головой)*. Аллах наградил женщин большим сердцем. Они не знают меры любви. *(Ей.)* Опомнись, Патимат! Да простит Аллах твой разум! Ты не теряешь Джамала. Он твой. Сын останется жив. Но я должен послать его в залог мира русскому царю. Так требуют его генералы... *(Гагжи-Али.)* Отведи Джамала к русским!..

Гагжи-Али берёт Джамалутдина под локоть, ведёт к выходу.

Д ж а м а л у т д и н *(протягивая руки к матери)*. Солнышко!.. Радость!.. Держи меня!.. Не отпускай!..

Гагжи-Али уводит Джамалутдина. Патимат с глухим стоном падает на руки подросших служанок.

З а т е м н е н и е

Сцена шестая

Обстановка третьей сцены. Ночь. Также горят свечи. В комнате сидят Зарубин и Потапыч.

П о т а п ы ч. Однако не очень-то стесняется с нами Шумилка, заставляя ждать своего зверёныша!

З а р у б и н *(задумчиво)*. Да, порядочное время ждём...

Входят Гагжи-Али и Джамалутдин. Они почтительно прикладывают руку ко лбу, губам и сердцу. Зарубин и Потапыч встают и отдают честь.

Г а д ж и-А л и *(Зарубину)*. Великий имам - наш повелитель - шлёт салам русскому саибу-офицеру. Он приветствует через вас сардара-наместника Граббе и отдаёт на милость белого царя своего первенца - сына Джамалутдина...

З а р у б и н *(Джамалутдину)*. Мальчик, кто ты?

Д ж а м а л у т д и н. Я - Джамалутдин, сын имама. *(Гагжи-Али.)* Передай матери, чтобы она не горевала. Скажи ей, что, пока течёт

кровь в моих жилах, я буду вечно помнить её!..

Г а д ж и-А л и (*обнимая его*). Хорошо, сын мой, я передам...
(*Кланяется всем и уходит.*)

З а р у б и н. Бедный мальчик, как ты страдаешь!

Д ж а м а л у т д и н (*сквозь слёзы*). О добрый урус,* там, в горах,
- моя мать!

З а р у б и н. Ей-Богу, Потапыч, он похож на нашего Мишу!..

П о т а п ы ч (*ворчливо*). Ну и выдумываете же, ваше благородие! Гололобый, как есть гололобый. Ишь, что сказали! Наш Мишенька-то - словно сахар, беленький, пухлый, как булочка, и глазки, что твои васильки. А этот, прости Господи, сущий дьяволёнок: также сух и чёрен. У нас на селе, в притворе храма, чёрт был вырисован для острастки. Так, верите ли, точно этот Джамалка - на одно лицо. А ты вдруг: с Мишенькой - один, будто, облик! Да у этого-то чуть что - глаза разгорятся, как у шакалёнка, того и гляди, кинжалом тебя пырнёт. Ведь чей сын-то? Шумилкин! Вы это в расчёт возьмите!..

З а р у б и н. Полно, Потапыч! Вздор болтаешь. Он хороший мальчик. По глазам видно. Да и сердечко у него благородное. И за что ты невзлюбил Джамала, ума не приложу?! Что он тебе сделал?

П о т а п ы ч (*упрямо*). Враг он - и всё! Смутьяна сын и сам смутьян! Говорю вам, ваше благородие, не доверяйтесь вы ему!..

Д ж а м а л у т д и н сидит в углу, поёт что-то тихо и печально. З а р у б и н и П о т а п ы ч прислушиваются.

З а р у б и н (*Джамалутдину*). О чём ты поёшь, малыш?

Д ж а м а л у т д и н. Это наша песня, урус. Хорошая песня!..

З а р у б и н. В ней говорится о родине, не правда ли?

Д ж а м а л у т д и н (*смущённо*). Да... нет... да...

З а р у б и н. Спой нам эту песню, Джамал!

Д ж а м а л у т д и н. Хорошо, урус... (*Поёт.*)

“У моей матери - чёрные косы,

У моей матери - звёзды глаза.

Когда она улыбается - улыбается солнце,

Когда она хмурится - спускается ночь.

У моей матери - голос соловьиный,

Слаще саза звучит её песня.

Я люблю дремать под эти звуки:

Мне сладкие грёзы навевают они...”

З а р у б и н (*ласково.*) Ты грустишь по своей матери, Джамал? Не грусти. Придёт время, мой мальчик, и ты снова увидишь её.

Д ж а м а л у т д и н (*горячо.*) Я отдал бы сорок лет жизни, урус, чтобы остальные десять прожить с ней вместе! (*Упавшим голосом.*) Ах, я чувствую, что никогда уже не увижу её!

З а р у б и н. Не думай так, дитя. Ты не пленник, а заложник только. Придёт время, наш государь увидит, что отец твой смирился, и вернёт тебя к твоей матери.

Д ж а м а л у т д и н. О, ты добр, как ангел, урус, но не утешай меня этим! Я знаю: мой отец никогда не склонится перед знаменем вашего царя, и мне не суждено увидеть солнечного луча. Моя свобода далеко!

З а р у б и н. Полно, мой мальчик! Спать пора. Утром поедem в Грузию. Там тебе будет хорошо...

Все ложатся. З а р у б и н и П о т а п ы ч быстро засыпают. Д ж а м а л у т д и н у не спится. Снаружи слышится шорох. Дверь тихо приоткрывается, в комнату вползает Г а с а н с кинжалом в руке. Он подползает к Зарубину, взмахивает кинжалом. Д ж а м а л у т д и н вскакивает с места и бросается Зарубину на грудь.

Д ж а м а л у т д и н. Проснись, урус! Здесь смерть!..
Г а с а н (*убегая*). Проклятье!..

З а р у б и н и П о т а п ы ч просыпаются. Снаружи слышатся выстрелы и топот коня.

З а р у б и н. Джамал, ты? Что случилось? Кто стреляет? Чей этот конь?

Д ж а м а л у т д и н (*плача*). Гасан... Мюрид... Смерть!..

П о т а п ы ч встаёт, подходит к Д ж а м а л у т д и н у, кладёт руку на его плечо.

П о т а п ы ч. Ты того... Я виноват перед тобою, брат! Я думал, что ты, как папенька, смутян. А ты того, значит, при всём своём благородстве. Молодца! Я, брат, тебя не понимал покедова. Ты уж прости меня, дурня, за это!..И кунаками,* слышишь, тоже тепереча мы с тобой будем! На всю жизнь тепереча кунаки!..

З а н а в е с

Действие второе

Сцена первая

Середина 50-х годов 19-го века. Лето. Полдень. Мечикская долина. Она в окружении бесплодных каменистых гор, покрытых снизу лохматой растительностью, сверху - снеговыми шапками. Появляются Джамалутдин и Михаил в формах поручика и подпоручика.

М и х а и л (*восторженно*.) Ну, не странный ли ты человек, Джамал? Спокойно идёшь по горам, когда кругом такая прелесть! Ей-Богу, если бы мог только, так бы и заключил в свои объятия всю эту чудную природу. Ведь помимо того, что это твоя родина, - она дьявольски красива!

Д ж а м а л у т д и н (*с гордостью*.) Моя родина - там, в России, а не здесь! С тех пор, как я живу у русских, моё сердце отдано их стране... Твоей стране, Миша!

М и х а и л (*сердито*.) А если так, ты бы и сказал отцу: так, мол, и так, папенька, а возвращаться на родину я к вам не желаю и ваш хинкал* и шашлык тоже кушать не намерен. Чего же церемониться?

Д ж а м а л у т д и н. Рассуждать легче всего, Миша.

М и х а и л. Нет, Джамал. Прости, но ты или странный человек, или просто...святой! Не угодно ли? После пятнадцати лет, проведённых в России, ты по доброй воле едешь снова в кавказские трущобы к твоим дикарям, хотя тебя туда и не тянет.

Д ж а м а л у т д и н. Полно, Зарубин! Или ты забыл, что от моего решения зависит участь столько несчастных? Ты же знаешь, на каких условиях я могу вернуться в горы: только заполучив меня домой. отец даст свободу бедным грузинских княгиням, попавшим в руки горцев. Неужели ты, такой чуткий и отзывчивый, не понимаешь меня?

М и х а и л (*горячо*) Я отлично понимаю всё, Джамал. Но что поделаешь, если мне... мне... так тяжело терять тебя, дружище! Ведь с той минуты, как я узнал, что ты спас жизнь моему отцу, я отдал тебе всю свою душу. Мне так не хочется тебя отпускать... И зачем ты уезжаешь только?!

Д ж а м а л у т д и н (*с улыбкой*.) А ты разве не поступил бы на моём месте точно так же?

М и х а и л. Гм... Право, не знаю... Но... Но...

Д ж а м а л у т д и н. Ну вот, видишь? Нет, Миша, это дело считай

поконченным. Было бы ужасно повергнуть в отчаяние уважаемого князя Чавчавадзе моим отказом ехать к отцу, когда он уже надеется завтра с зарёю обнять томящихся в плену жену и ма-люток...

М и х а и л. Чёрт меня побери, если я когда-нибудь забуду тебя, товарищ!..

Появляется постаревший Потапыч.

П о т а п ы ч (Михаилу). Пора, ваше благородие! Князь Чавчавадзе ждёт вашего возвращения.

М и х а и л. Сейчас, старик...

Джамалутдин обнимает Потапыча.

Д ж а м а л у т д и н. Прощай, Потапыч! Не поминай лихом.

П о т а п ы ч. Счастливо оставаться, ваше благородие! Дай вам Бог, потому как я... По-божески скажу вам: больно мне вас жаль, ваше благородие. Обусурманитесь вы там, в горах! А я... я вас век не забуду! Вы моего барина Бориса Владимировича от кинжала выручили. Век за вас Бога молить стану!..

Д ж а м а л у т д и н (про себя). Ах, вы русские! Души у вас драгоценные! (Михаилу.) Слушай, Миша. Я тоже тебя никогда не забуду. Так и знай: и тебя, и твою сестру Лену, и всех твоих всегда-всегда помнить буду за то счастье, которое я нашёл в вашей семье. Помни, Зарубин: у тебя будет в горах испытанный, верный друг! И если надо будет пожертвовать жизнью за тебя, незамедля исполню это!..

М и х а и л. Спасибо, Джамал! Истинно говорю тебе: такого, как ты, сердечного, я ещё не встречал. И подумать только - ты не христианин!..

Д ж а м а л у т д и н. По условию отца, указанному русским, я не смею нарушить требование Корана, не смею стать христианином, но... будь уверен, что я всей душой стремлюсь к вашей вере! Передай об этом и Лене, сестре твоей, вместе с моим горячим приветом к ней и скажи, что крестик, который она подарила мне, я всегда буду носить на груди... Прощай! Да хранит тебя Аллах! (Обнимает Михаила и Потапыча.)

З а т е м н е н и е

Сцена вторая

Аул Дарго-Ведено. Двор Шамиля. В углу - старая сакля. В ней томит-ся двенадцатилетняя Т е к л е. По двору бегают четырнадцатилетний М а г о м е д-Ш е ф и и одиннадцатилетняя хромоногая Н а ж а б а т.

М а г о м е д-Ш е ф и *(настигая Нажабат)*. Молодец, Нажабат! Джигитом будешь, хотя и кривоногая коза!

Н а ж а б а т *(останавливаясь)*. Смотри лучше на себя, глупец! В твоей голове столько же ума, сколько в моём мизинце. Сегодня твой наставник Джамалутдин жаловался матери, что ты столько же смыслишь в Коране, сколько свинья в персиковом шербете!..

М а г о м е д-Ш е ф и *(хватаясь за палку)*. Я глупец! Я свинья! Вот подожди ты у меня! Я прожгу твой язык, чтобы он не молол всякого вздора!..

Из сакли выходит Х а д ж и-Р е б е л и.

Х а д ж и-Р е б е л и. Эй, Нажабат! На-жа-бат! Куда ты делаешь? Мать придёт - беда будет. Ступай в саклю. И ты, Магомед-Шефи, иди! Вернётся повелитель...

М а г о м е д-Ш е ф и *(перебив)*. Повелитель нескоро вернётся: он повёз грузинских пленниц в Хасавюрт менять на брата Джамала. *(Смеётся.)* А пока повелитель вернётся, у тебя на носу успеет вырасти шишка, а на языке - целый куст репейника, чтобы ты не могла так много ругаться и кричать!..

Х а д ж и-Р е б е л и. Что ты говоришь, Шефи?

Н а ж а б а т. Мулла для глухого дважды не кричит с минарета!

Х а д ж и-Р е б е л и. Что?

Н а ж а б а т. Шефи говорит, что очи твои - звёзды, уста - розы, а щёки - утренняя заря!

Х а д ж и-Р е б е л и. Вот скажу, Шефи, твоему воспитателю Джамалутдину, чтобы он приказал нукеру сорвать ветки карагача да...

М а г о м е д-Ш е ф и. Ха-ха! Ты забыла, что никто не имеет права ударить сына имама?! Ты плохо знаешь законы своей страны, старая карга!

Х а д ж и-Р е б е л и. Хорошо-хорошо! Не рано ли торжествуешь, Шефи?... *(Уходит в саклю.)*

М а г о м е д-Ш е ф и *(ей вдогонку)* У-у, остроклювая ворона! Я не боюсь твоего воркования! Вой шакалов относит ветер, и я не

глупый олень, чтобы страшиться его!.. *(Молчание.)* Скучно, Нажабат?

Н а ж а б а т. Да, брат.

М а г о м е д-Ш е ф и *(вздыхая)*. Когда грузинские княгини были здесь, всё же было лучше. Мы могли их дразнить вволю. А теперь?.. А теперь выманили их у нас урусы и... скучно стало во дворе. Не над кем больше подшутить да посмеяться...

Н а ж а б а т. А Текле? Текле осталась! Или ты забыл, Шефи?

М а г о м е д-Ш е ф и. И то правда. Она здесь. Пойдём к Текле.

Н а ж а б а т. Мать увидит - нам попадёт. Она строгая.

М а г о м е д-Ш е ф и. Некогда попадать. Брат Джамал придет - праздник будет, вроде осеннего байрама.* Баранов перережут кучу. Из винтовок палить до ночи станут. Не до брани тут. Так пойдём же к Текле, позабавимся вволю!

Н а ж а б а т *(решительно)*. Идём, Шефи!..

М а г о м е д-Ш е ф и входит в саклю к Текле, затем, держа её за руку, выводит во двор. Т е к л е плачет и отбивается.

М а г о м е д-Ш е ф и. Эй, крещёная, чего выпучила на меня свои круглые плоски? Не думаешь ли ты, что я хочу приготовить шашлык из твоего мяса?

Н а ж а б а т. Из неё невкусный шашлык получится. Она худа, как голодная волчица!

М а г о м е д-Ш е ф и *(смеясь, выхватывает кинжал)*. А вот мы сейчас и попробуем!

Т е к л е *(в страхе)*. Господи! Что вы хотите делать со мною?

Н а ж а б а т *(смеясь)*. У-у, глупая кукушка! Чего трепещешь? Эка невидаль, что Шефи попробует узнать, какого цвета течёт кровь в жилах гяуров! *(Хватает Текле за руку. Та вырывается.)*

М а г о м е д-Ш е ф и *(протягивает руку к кресту)*. Вот славная штучка! Дай-ка мне её. Я подарю этот крестик той из наших девушек, которая станет моей женою, и она наденет эту игрушку себе на лоб между звонкими монетами праздничных украшений!..

Т е к л е *(отступая назад)*. Не смей прикасаться ко мне нечистыми руками, дикарь!

М а г о м е д-Ш е ф и *(вспыхнув)*. О, как зачирикала ласточка! Разве ты не понимаешь, что говорит твой язык, несчастная?! *(Решительно находитесь на неё.)* Отдай мне крест или... *(Текле кусает его за палец.)* А-а-а!.. Как больно!..

Т е к л е. Так тебе и надо, бритоголовый разбойник!

М а г о м е д-Ш е ф и *(злобно)*. Ты вот как?! *(Замахивается)*

кинжалом). Сейчас я тебе покажу, кто разбойник!..

Н а ж а б а т (*испуганно*). Во имя Аллаха, опомнись, Шефи! Увидит мать кровь на её теле - беда будет! Не лучше ли иначе расправиться с гяуркой?

М а г о м е д-Ш е ф и. И то правда. Ты мудрое слово молвила, Нажабат! (*Текле.*) Ну, берегись, скверная ворона! Если нельзя узнать цвет твоей крови, я сумею прижечь твой проклятый язык, чтобы заставить его позабыть охоту браниться... (*Сестре.*) Эй, Нажабат! Помоги мне расправиться с крещёной!..

М а г о м е д-Ш е ф и сильным движением бросает Т е к л е на землю. Н а ж а б а т ловко прыгает ей на грудь.

Н а ж а б а т. Шефи, раскрой ей зубы кинжалом, а я суну ей горяченького в рот!..

М а г о м е д-Ш е ф и где-то находит головню, зажигает её и приближается к лицу Т е к л е.

М а г о м е д-Ш е ф и (*Текле, хрипло*). Ну-ка, поговори у меня теперь!..

Из сакли выходит тринадцатилетняя П а т и м а т, подходит к ним.

П а т и м а т (*властно*). Шефи!.. Нажабат!.. Остановитесь!.. (*Магомед-Шефи и Нажабат отбегают в сторону и тушат огонь. Приблизившись.*) Глупые дети! Или вы не знаете, что по закону Страны гор нападение сильного на слабых считается позором? (*Текле.*) Не плачь, Текле! Не плачь, сестра! Пока ты со мною, никто не посмеет обидеть тебя!.. (*Обнимает её.*)

М а г о м е д-Ш е ф и (*перебирая газыри*). Вот сумасшедшая! Чего ревёт-то? Для неё же хотели лучше сделать. Припеки я капельку её длинный язык головнёю - и она попала бы в число мучеников, наполняющих рай!.. (*Смеётся.*)

П а т и м а т. Убирайся отсюда, Шефи! Клянусь Аллахом, твой наставник Джамалутдин не похвалит тебя за это!

Н а ж а б а т (*смеясь*). Клянусь, дедушка Джамалутдин не разгневается на нас! Успокойся, брат. Разве ты не знаешь, что дедушка бывает добр, как ангел Джабраил,* когда слушает мои песни?

М а г о м е д-Ш е ф и (*радостно*). И то правда! Ты поёшь сладко, как ашуг, и нежно, как соловей! (*Патимат.*) Слышишь ли ты,

Патимат, мы не боимся твоих угроз до тех пор, пока у сестрички Нажабат не станет голос сухим и страшным, как у старой Хаджи-Ребели! (*Смеётся.*) Пой, Нажабат!..

Н а ж а б а т (*поёт*).

Между звёзд златых востока
Ярче всех горит одна.
Всех лучистее сверкает,
Всех прекраснее она!..

В недра душного сераля
Запер нас страны адат,*
Но и там, звезде подобно,
Ярко блещет Нажабат!..

Магомед-Шефи и Нажабат, передразнивая Патимати Текеле, уходят в саклю.

З а т е м н е н и е

Сцена третья

Небольшое русское укрепление, обнесённое земляным валом. Укрепление окружают бруствер и ров. На бруствере находятся две пушки. Рядом с ними сидят Полянов, Михаил и Потопыч. Старый фельдфебель и солдаты расположились на плацу, они говорят о чём-то.

М и х а и л (*Полянову*). Хоть бы надумал Шамилька сделать набег на нашу местность, хоть бы ненароком наткнулся на наше гнездо да понюхал пороху!

П о л я н о в (*улыбаясь*). Эх, Зарубин, молод ты, я вижу! Бога благодарить надо, что Шамиль не надоумил гололобых забрести ненароком в нашу сторону и разнести укрепление в пух и прах.

М и х а и л. Ну вот ещё что выдумал! Да я был бы рад-радешенек подраться как следует раз-другой и отвести душу. Ведь и солдаты наши совсем затосковали в бездействии, а в пушках паук паутину свил...

Со стороны плаца раздаётся дружный солдатский хохот.

Ф е л ь д ф е б е л ь (*солдатам*). И вот, братцы мои, было нас в

Михайловском до пятисот человек гарнизону. Народ - испытанный и служивый. А начальником был нам даден капитан Лико, матёрый начальник, нечаво и говорить, хоть самого Шумилку с голыми руками...

Старый солдат (*перебив*). Хватит о капитане Лико. Мы все о нём знаем. Ты говори, что было дальше...

Фельдфебель. Ну-с, созвал нас капитан Лико и говорит: "Братцы! Мюриды близко, Лазаревское взяли и к нам в Михайловское анафемы идут. Заране говорю, братцы: отступления не будет! Либо победа, либо смерть!.."

Молодой солдат. Так и сказал?

Фельдфебель. Ей-Богу, так и сказал! Ну, мы ему, знакомое дело, "ура" прокричали чин чином, а у самих кошки на сердце скребут. Какая там, думаем, победа, коли нас пять сотен, а гололобых - видимо-невидимо, тьма-тьмущая?..

Молодой солдат. Вот это да!..

Фельдфебель. А после охотников вызвали, кто это, значит, в случае поражения крепость взорвёт, чтобы не досталось гололобым. Вышел один солдатик, Архип Осипов, Тенгинского полка рядовой. Я, говорит, согласен, ваше благородие, пороховой погреб взорвать, ежели неудача! А у самого глаза горят, будто у больного. Обнял его капитан Лико, значит, поцеловал...

Молодой солдат (*перебив*). А потом что?

Фельдфебель. Потом стали мы мюридов дожидаться. Вскоре видим: валют они и прямо на штурм...

Молодой солдат (*перебив*). А Архип Осипов? Ведь ты же о нём раньше говорил. Забыл, что ли?

Фельдфебель (*сердито*). Терпенье имей!.. Так вот, ворвались, наконец, мюриды и в самую серединку крепости. Ну, видим, дело пропало. Вот тут-то Архип Осипов и решился. Только нехристы сунулись вовнутрь погреба, как Архип схватил горячий фитиль от лафета да в нутро с ним как сунется... И такой тут, братцы вы мои, треск вышел, что не приведи Господи! И мюридов всех по-взорвало, и погреб, и Архипа!..

Молодой солдат. Ну, а мюриды это самое укрепление взяли, дяденька?

Фельдфебель. Взяли, сынок, взяли! Ведь их одиннадцать тысяч привалило, а нас только пятьсот. Взяли гололобые, да не много от этого и поживились. Груды развалин вместо Михайловского им достались... (*Раздаются выстрелы. Все вскакивают со своих мест*).

М и х а и л (*Полянову*). Неужели мюриды, Алексей Яковлевич? По л я н о в. Они, Миша.

М и х а и л. Господи, вот счастье-то нежданно привалило!

По л я н о в (*холодно*). Слушайте, Зарубин, вы должны знать, что в деле необходимо иметь больше соображения и как можно меньше горячки! Я, ваш командир, приказываю вам не лезть без надобности в опасность и беспрекословно повиноваться моей команде!..

М о л о д о й с о л д а т (*с брствера*). Да это никак наиб - старшина Шумилкин!

М и х а и л (*ему*). Наиб, говоришь, Спиридонов?

М о л о д о й с о л д а т. Так точно, ваше благородие, наиб! У него чалма - что твоя клюква!

М и х а и л (*про себя*). Вот бы его живьём поймать и в Темир-Хан-Шуру* или в самый Тифлис отправить. Георгия за это, пожалуй, дадут. Наиб - тот же генерал по-нашему. (*Полянову*.) Алексей Яковлевич! А его живьём бы, а?!

По л я н о в (*строго*). Извольте занять ваше место, подпоручик! (*Старому солдату*.) А ну-ка, Тимошкин, угости их хорошенько, чтобы не мозолили глаза!..

С т а р ы й с о л д а т зажигает фитиль, подносит к лафету. Раздаётся выстрел.

М ю р и д ы (*за сценой*). Алла!.. Алла!..

По л я н о в (*в их сторону*). Что? Не любо? (*Старому солдату*.) Тимошкин, зайди ко мне после, водки выпьешь. Молодец!

С т а р ы й с о л д а т. Рад стараться! Может, ещё ожечь их, ваше благородие?

По л я н о в. Нет, постой! Они белый флаг выкинули. Переговорить хотят. Пусть идут к нам...

Появляется мюрид с белым флагом в руке.

М ю р и д (*Полянову*). Слушай, саиб-офицер! Моя пришла. Твоя стреляла. Трое лучших джигитов переселились в сады Аллаха от твоей пушки. Но мой господин Гасан-Бек простит смерть своих нукеров, если ты и твоя команда сдадите крепость. А нет - крепость будет взята, и твоё тело, и тела твоих солдат растащут шакалы, расклюют вороны. Мой господин ждёт ответа. Не согласишься сдать крепость - будем штурмовать! Так говорит мой господин Гасан-Бек!..

П о л я н о в. Скажи своему беку Гасану, что мы предлагаем ему убраться отсюда. Иначе его отряд будет уложен на месте нашими ядрами, а он - вздёрнут на ближайшем суку чинары. Ясно?

М ю р и д. Мой господин даёт вам полчаса времени для окончательного решения. Потом он разнесёт вдребезги ваше гнездо и от крепости не останется и следа!..

П о л я н о в. Слушай! Если ты ещё раз осмелишься заикнуться о сдаче крепости, я прикажу моим молодцам угостить тебя свинцовым гостинцем. Убирайся!.. (*Мюрид поспешно уходит. Солдатам.*) Братцы, приготовьтесь к мужественной защите! Знайте, что о подвиге или смерти нашей узнает Россия! Так не постыдную же память оставим мы о себе! Или победим, или умрём!

С о л д а т ы (*хором*). Рады стараться, ваше благородие!..

М о л о д о й с о л д а т (*фельдфебелю*). Вот вы давеча о Михайловском укреплении говорили, дяденька, о подвиге Архипа Осипова рассказывали. А может, такой Архип Осипов и среди нашего гарнизона выщется. Как вы думаете, а?

Ф е л ь д ф е б е л ь. Тьфу! Типун тебе на язык, дурень! Чего о смерти говорить зря?!

П о т а п ы ч (*Михаилу*). Ну, накликали вы беду, ваше благородие! Теперича отведёте сердечко. И пальба вам будет... и штурмы... и всякой всячины вдоволь. Только держись!..

З а т е м н е н и е

Сцена четвертая

Полдень. Улица в ауле. Появляются Гасан и мюриды с пленённым Михаилом. За ними с криком и визгом бегут грязные, чумазные мальчишки.

М а л ь ч и к и (*указывая на Михаила*). Пленник!.. Крещёный пленник!.. (*Гасану.*) Убей его скорее! Убей пленника, храбрый наиб!

Г а с а н (*взмахивая нагайкой*). Эй, вы, тише!..

Мальчишки разбегаются в разные стороны. Появляются старухи с искажёнными лицами и хватают Гасана за одежду.

С т а р у х и. Отдай нам его, Гасан!.. Отдай нам пленника!.. Мы сумеем расправиться с гяуром!..

Г а с а н (*гневно*). Молчите вы, старые вороны! Неверный - мой

пленник! Я не отдам его никому, чтобы самому выпить до дна кубок мести. Он убил моего младшего брата Али!..

Старухи. Убили Али!.. Илита! Убили твоего Али! Горе всем!.. Горе!..

Старухи, потрясая руками, уходят.

Гасан (Михаилу). Знаешь ли ты, что ожидает тебя?

Михаил. Знаю. Я убил твоего брата, и за это меня ждёт смерть!

Гасан. Да, ты убил моего брата, брата, которого я любил больше собственной жизни. Нет, не придумано для тебя ещё тех мучений, которые могли бы вознаградить меня в моей потере!

Михаил. Я не боюсь ничего, потому что не чувствую за собою вины. Не предательски, не из-за угла убил я твоего брата, а в равном и честном бою! Если ты считаешь, что я заслужил смерти, то убей меня!

Гасан. Ответ достоин смелого. Русские храбры и презирают смерть. В этом им отказать нельзя. Но ты умрёшь с зарёю!..

Илита (за сценой). О, мой юный сокол! Радость и жизнь нашей сакли! Где ты? Какие райские сны витают над твоими очами? Какой сладкий сон наваял тебе своими тёмными крыльями могучий ангел смерти - Азраил?.. (Вбегает, Михаилу.) Проклятый шакал! Убийца!.. (Гасану.) Отдай мне его, Гасан! Я вырву его лукавые очи своими руками! Я вымещу на нём все предсмертные муки моего Али!

Гасан. Молчи, мать! Убийство брата не останется не отомщённым! Ступай в дом и приготовь Али к погребению!..

Илита (Михаилу). Презренный шакал!.. Убийца!.. (Уходит.)

Гасан (мюридам). Отведите пленного в подземелье!..

З а т е м н е н и е

Сцена пятая

Та же, что во второй. Зайдат заходит к Текле и выводит её во двор.

Зайдат (гневно). Ну что, надумала ты, наконец, отправиться к мулле, несчастная?

Текле (плача). Зачем ты приходишь мучить меня? Оставь! Я уже несколько раз говорила тебе, что никогда не изменю вере отцов. Что же тебе ещё надо от меня?

З а й д а т. Что мне от тебя надо, спрашиваешь? Или ты не слышала, что приказал имам? Тебе уже сто раз сказано, глупая девчонка, чтобы ты приняла нашу веру - ислам! Сам Шамиль приказал Магомед-Шефи взять тебя в жёны, когда ты подрастёшь. Подумай, какая честь ждёт тебя, презренная гяурка! Не глупи же и не упрямься. Пойми, что я могу силой заставить тебя стать мусульманкой!

Т е к л е. Никто не заставит меня изменить Христу! Я останусь ему верна. Знай это, госпожа, и не мучь понапрасну!

З а й д а т. Но ты тогда не можешь стать женой Магомед-Шефи!

Т е к л е. Магомед-Шефи? Того самого Магомед-Шефи, который чуть не искалечил меня? О, храни меня Господь от этого! Нет! Нет! Я была и останусь христианкой, и оставь меня в покое, госпожа!

З а й д а т (*вне себя*). Ты должна быть почтительнее с женою имама! Разве ты не знаешь, что Шамиль отдал тебя в мою полную ответственность?

Т е к л е (*отчаянно*). Оставь меня или убей поскорее! Я хочу смерти и только смерти! Жизнь надоела мне!

З а й д а т (*ласково*). Слушай, Текле, имам обещал мне большую награду, если я уговорю тебя принять ислам. Если ты исполнишь его повеление, я засыплю тебя подарками. Мало того: ты будешь моей второй дочерью после Нажабат. А если нет - берегись!

Т е к л е (*слабым голосом*). Я тебе давно сказала, госпожа, что я не боюсь никого и что смерть будет для меня избавлением!

З а й д а т (*вне себя*). Ах, так?! (*срывает со стены нагайку и бьёт ею Текле.*) Вот тебе! Вот! Получай, гяурка!..

Текле падает на землю и плачет. Из сакли выбегает Нажабат и, выливая ногами, подходит к Зайда т.

Н а ж а б а т (*взволнованно*). Мама, у нас новость. У Гасана в подземелье сидит русский пленник. Патимат узнала от нукеров и сказала Джамалу, чтобы он просил за него отца...

З а й д а т. Пленник?! Что ты мелешь, кривоногая шалунья?

Н а ж а б а т (*горячо*). Клянусь Аллахом, правду говорю тебе, мама! Сейчас Патимат была у Джамала. Она рассказала...

З а й д а т. не слушая дочь, быстро уходит в саклю.

(Про себя.) Эх, жаль, что я уродилась с такими ногами, а то бы я показала этим дурочкам из аула, как надо плясать лезгинку!

Особенно на свадьбе Джамала!.. (*Уходит.*)

Текле продолжает лежать на том же месте.

З а т е м н е н и е

Сцена шестая

Гостиная имама. В ней находятся Шамиль, Джамалутдин, старейшины и Гасан.

Г а с а н (*про себя*). Только бы не умер до зари этот неверный. Уж я сумею отомстить ему за смерть брата. Только бы не увидели его нукеры имама! Отдать крещёного во власть Шамиля и не наслаждаться его предсмертными муками - этого я не в силах исполнить!..

Д ж а м а л у т д и н (*Шамилю*). Отец, сегодня моя свадьба. Ты дал мне в жёны Зюльму, дочь наиба Талгика, и я беспрекословно выполнил твоё желание. Порадуй же и ты меня! Сделай мне подарок, за который бы я благословлял день и ночь твоё имя!..

Ш а м и л ь (*ласково*). Говори, в чём твоя просьба, сын мой!

Д ж а м а л у т д и н. Отец, в подземелье Гасана сидит русский пленник. Отдай мне его.

Глаза Шамиля блещут не то гневом, не то досадой.

Г а с а н (*про себя*). Если имам согласится на просьбу Джамала, то смерть брата не будет отомщена. Кроме того, Шамиль может вполне заслуженно разгневаться на меня за то, что я скрыл от него пленника. Но по виду имама этого не скажешь...

Ш а м и л ь (*Джамалутдину*). Ты просишь неверного, сын мой?

Д ж а м а л у т д и н. Да, отец.

Ш а м и л ь (*про себя*). Как он любит русских! Они околдовали его и отняли у меня моего сына, как некогда околдовали Хаджи-Мурата, наиба Хунзахского... (*Джамалутдину*.) Гасан-Бек - мой верный и храбрый слуга. Обездолить моих слуг я не намерен. Любимый брат Гасана убит гяурами. (*Гасану*.) Не этот ли пленник убил твоего брата, Гасан?

Г а с а н (*кланяясь*). Прости, повелитель, что я укрыл от тебя пленного, но ты верно сказал: он и есть убийца моего брата Али, и я решил отомстить за брата!

Ш а м и л ь. Ты прав, Гасан! (*Сыну*.) Твоя просьба не может быть

исполнена, Джамал! Пленный урус должен остаться во власти Гасана! *(Старейшинам.)* Так ли я рассудил, правоверные?

С т а р е й ш и н ы *(хором)*. Ты справедлив, как солнце, одинаково сияющее над богатыми и бедными, святейший!..

Д ж а м а л у т д и н. Отец! Ты...

Ш а м и л ь *(сурово)*. Наш разговор окончен! Я не желаю больше слушать!..

Шамиль, старейшины и Гасан уходят. Джамалутдин стоит задумчиво. Входит Патимат.

П а т и м а т. Джамал!

Д ж а м а л у т д и н. Что, Патимат?

П а т и м а т. Джамал, надо спасти русского. Спасти во что бы то ни стало!

Д ж а м а л у т д и н. Да, во что бы то ни стало, Патимат! Я сделаю всё возможное для этого, клянусь тебе, сестра!

П а т и м а т. О, брат, благослови тебя Аллах за это!

Д ж а м а л у т д и н. Спасибо, Патимат! Спасибо, добрая душа!..

Громче звучит музыка. Патимат весело кружится под звуки лезгинки. Джамалутдин смотрит на неё и улыбается.

З а т е м н е н и е

Сцена седьмая

Двор Гасана. Появляется Патимат в одежде мальчика. Она, озираясь по сторонам, подходит к подземелью, где томится Михаил.

П а т и м а т *(наклоняясь вниз)*. Пленник!.. Урус!.. Откликнись!..

М и х а и л *(из подземелья)*. Сейчас... Кто там?

П а т и м а т. Урус, не бойся! Ты не умрёшь завтра. Слышишь? Я к тебе пришла. Выпросила у Магомед-Шефи его бешмет,* шальвары* и пробралась к тебе. Не бойся. Никто не видел. Все пирую т. Старший брат берёт в жёны дочь наиба Талгика Зюльму. Ух, хоро-ша Зюльма! И глаза, как звёзды, и губы, что розы. А брат скучает. Он любит русскую...*(Молчание.)* Я тебе шашлык принесла со свадьбы. *(Опускает узел к Михаилу.)* Ешь, хороший шашлык, чесноком приправлен... *(Снова молчание.)* Клянусь Аллахом, ты не умрёшь завтра! Брат не позволит. Прощай! А то мачеха Зайдат

увидит - беда будет. Нам, детям имама, из сакли уходить нельзя. Прощай, урус! Не бойся!..

М и х а и л. Кто ты? Я хочу знать, кто ты. Хочу помолиться за тебя в эту мою последнюю ночь. Скажи мне своё имя, очень прошу!..

П а т и м а т. Хорошо, хорошо, я поняла! Я - Патимат, дочь имама. Прощай, урус! Мне поздно...

Поспешно входят З а й д а т, М а г о м е д-Ш е ф и и Н а ж а б а т. Взволнованно рыская по двору, они не замечают, что П а т и м а т в одежде мальчика.

Н а ж а б а т. Патимат, ты беглянку не видела?

П а т и м а т. Какую беглянку?

З а й д а т *(просебя)*. О, негодная девчонка! Из-за этой крещёной мне придётся сложить мою бедную голову. Да она не стóит ни одной капли пролитой крови истинной мусульманки!..

П а т и м а т *(ей)*. О ком ты говоришь? Кто убежал?

З а й д а т. Текле убежала! Нет больше Текле!

М а г о м е д-Ш е ф и *(грозно)*. Клянусь Аллахом, она раскается в этом!..

З а й д а т, М а г о м е д-Ш е ф и и Н а ж а б а т уходят.

П а т и м а т *(радостно)*. Текле убежала! Как хорошо!... *(Уходит.)*

Появляется н у к е р и подходит к подземелью.

Н у к е р *(наклоняясь, Михаилу)*. Саиб-офицер, мой господин Гасан желает знать, какое будет твоё предсмертное желание?

М и х а и л. Передай твоему господину, что я не трус, чтобы бояться его! А моё предсмертное желание: чтобы он как можно скорее попался нашим и был повешен на толстом суку чинары. Твой господин, очевидно, хочет посмеяться над своей жертвой прежде чем отправить её к праотцам. Так поступают только трусы! Передай это твоему господину!

Н у к е р. Хорошо, я передам. Но смерть от этого не замедлит явиться. Ты можешь быть спокоен, саиб!..

Появляется Г а с а н.

Г а с а н *(ему)*. Давай сюда пленника!

Нукер берёт толстую верёвку, бросает один конец в подземелье, вытаскивает Михаила наверх. Гасан подбегает к нему, валит его на землю, вытаскивает из ножен кинжал и приставляет к груди Михаила.

М и х а и л. Нечего издеваться надо мною! Лучше убей поскорее, разбойник!

Г а с а н *(дико)*. Что?! *(Поднимает кинжал над Михаилом.)*

Вбегает Джамалутдин, опускает руку на рукоять своего кинжала.

Д ж а м а л у т д и н. Удержи свою руку, Гасан!

Гасан нехотя отходит от Михаила, вкладывая кинжал в ножны.

Светлейший имам приказывает тебе отдать ему пленного офицера! Мне велено доставить его немедленно к нему!

Г а с а н. Джамал, чем ты докажешь это?

Д ж а м а л у т д и н *(гневно)*. Что?! Как ты смеешь не доверять устам сына имама, твоего повелителя? Моё дело приказывать, а твоё - повиноваться, жалкий оборвыш!..

Гасан и нукер кланяются, уходя.

М и х а и л *(слабым голосом)*. Джамал, это ты?

Д ж а м а л у т д и н *(помогая ему подняться)*. Миша! Голубчик! Так вот какого пленника мне пришлось спасти?!

М и х а и л *(обнимая его)*. Джамал, друг ты мой дорогой!..

Д ж а м а л у т д и н *(поспешно)*. Медлить некогда. Отец не отдавал никакого приказа. Гасан скоро поймёт это и пошлёт в погоню. Помни: лишь только мы выйдем со двора, ты пойдёшь, держась берега реки, и дойдёшь до леса. Там ты будешь в безопасности. Я дал бы тебе коня, но пешему укрыться легче. В лесу держись востока. Там русские укрепления. Возьми пистолет. А теперь идём...

М и х а и л. Джамал, как мне благодарить тебя? Пятнадцать лет тому назад ты спас жизнь моему отцу, теперь спасаешь мою жизнь, рискуя навлечь на себя гнев Шамиля. Буду ли я когда-нибудь в состоянии отплатить тебе за всё это?

Д ж а м а л у т д и н. Полно, Зарубин! Будь это не ты, а другой, неведомый мне русский пленник, я бы сделал то же самое. Разве я знал, кого томил в подземелье Гасан? Уж, конечно, не тебя ду-

мал я там встретить, Миша!

М и х а и л. Я вечный твой должник, Джамал!

Д ж а м а л у т д и н. Полно, мой самый дорогой друг! Ты мне ничего не должен, но об одном прошу тебя: если когда-либо моим близким будет грозить опасность, особенно моей любимой сестре Патимат, если они попадутся когда-либо в руки ваших и меня не будет с ними, облегчи их участь. Вот всё, что ты можешь сделать для меня.

М и х а и л. Джамал, клянусь нашей дружбой, я сделаю для твоих близких всё, что в моих силах! Верь мне, друг!

Д ж а м а л у т д и н (*тихо*). Не забудь передать от меня привет твоей сестре Лене. Скажи ей, что я люблю только её одну и что крестик, который она мне подарила, буду носить у сердца до самой смерти!

М и х а и л. Хорошо, Джамал, я обязательно передам Лене твою просьбу.

Д ж а м а л у т д и н. Спасибо, Миша! А теперь идём. Здесь оставаться опасно...

З а т е м н е н и е

Сцена восьмая

Та же, что и в шестой. Устола стоит Ш а м и л ь. Входит Д ж а м а л у т д и н и подходит к нему.

Ш а м и л ь (*гневно*). Зачем ты отпустил неверного, Джамал? Ты знаешь, что это означает? Это - измена нашему делу! Это - измена своему народу! Ты изменник, Джамал!

Д ж а м а л у т д и н. Нет! Нет! Я не изменник, отец! Я люблю и тебя, и мой народ! Но я не могу оставаться слепым, когда ясно вижу, что нам необходимо пустить в наши горы русских, которые в будущем откроют нам путь к просвещению и приобщат горцев к цивилизации, и не могу молчать, когда вижу воочию, как свободно бродят турецкие солдаты и офицеры по тропам моего Дагестана, словно по узким улицам Стамбула. В этом ли цель твоей борьбы, отец?

Ш а м и л ь. Цель моей борьбы - это скорее победить русского царя! Он мой враг и ещё очень силен. Чтобы его одолеть, я и прибегнул к помощи султанской армии, у которой есть конница и оружие. Такая армия мне сейчас нужна больше всего на свете. Но

ты запомни, Джамал: как только я одержу победу над русским царём, ровно через сутки на Кавказе не будет ни одного турецкого солдата. Это говорит тебе Шамиль - сын свободолюбивого аварского народа! *(Молчание.)* А что касается самих русских, скажу прямо: я не могу пустить к нам в горы всех русских, потому что среди них есть такие, которые притесняют и нас, и своих бедняков. Если не веришь, то спроси у тех русских, что в двадцать пятом году с оружием в руках поднялись против своего царя, а сейчас служат у меня.

Д ж а м а л у т д и н. Я уже спрашивал у них об этом.

Ш а м и л ь. И что же они тебе сказали?

Д ж а м а л у т д и н. Они сравнивают тебя с Емельяном Пугачёвым и со Степаном Разиным, которые тоже восставали против царя.

Ш а м и л ь. Я не слыхал ни о Пугачёве, ни о Разине, но если русские сравнивают меня с ними, то, значит, эти джигиты сражались за свободу своего народа, как сражаюсь и я! Не потому ли русские солдаты и офицеры так часто перебегают к нам?

Д ж а м а л у т д и н. Я не задумывался над этим, отец.

Ш а м и л ь. Напрасно. Тебе следует знать, что русские не только перебегают к нам, но и помогают горцам отливать пушки, производить порох. Некоторые из них даже стоят во главе моих отрядов. Они стали настоящими наибам и любят наш народ...

Д ж а м а л у т д и н. Всё это верно, отец, но надо учесть, что и твои наобы тоже не верят в твою победу над царскими войсками. Не потому ли они уходят к ним?

Ш а м и л ь. Кто же, например?

Д ж а м а л у т д и н. Например, Хаджи-Мурат, Даниэль-Бек и Кибит-Магома. Разве не так?

Ш а м и л ь *(гневно)*. Пусть уходят. Мы от этого не пострадаем. Мы просто очистимся от приставшей к нам нечисти. Одни от нас уйдут сами, вывернув перед нами своё поганое нутро, другие подставят свою шею под нашу секиру. Во всяком случае мы избавимся от них. Враг опасен тогда, когда он в личине нашего друга!

Д ж а м а л у т д и н. Отец, ты одного не понимаешь. Ведь русские сильнее нас. Хотя ты устроил литейные заводы, всё же твои пушки разлетаются в щепки от ядер русских в то время, как их орудия несут нам полное поражение. Разве можно воевать при таких условиях? Полно, отец! Помиришься с царём и выступи ему белый флаг, пока есть время и не вся Чечня отошла от тебя! Ведь

русские ничего не требуют от горцев: ни перемены веры, ни их аулов и саклей. Они желают только, чтобы горцы присоединились к России и вели мирную, спокойную жизнь, пока их не растоптали турецкие султаны и английские колонизаторы. Могут же мирно жить с русскими Грузия, Осетия и Кабарда. Им теперь не страшны ни турки, ни англичане...

Ш а м и л ь (*грозно*). Слушай ты, чёрный ворон, накликающий беду! Сколько денег ты получил от белого царя за предательство старого Шамиля?!

Д ж а м а л у т д и н. Отец, я не предатель! Я желаю блага тебе и нашему народу. Повторяю: если ты не примиришься с русскими, тебя ждёт гибель! Пойми, отец: вся Чечня, весь Дагестан уже дышат изменой! Наш народ всё яснее начинает понимать, что сила и правда - на стороне русских!..

Ш а м и л ь. Джамал, скажи честно, ты христианин?

Д ж а м а л у т д и н. Клянусь Аллахом, нет! Я исповедую религию моего народа и свято чту Магомета!

Ш а м и л ь. Но ты говоришь как христианин, больше того - как враг! Я же отвечу тебе как истинный слуга пророка: я проклинаю русского царя и объявляю ему новый газават! А ты ступай! Ты не наш! Не место тебе среди тех, кто борется за свободу своего народа! Ты неверный душою, Джамал!

Д ж а м а л у т д и н (*отчаянно*). Отец!..

Ш а м и л ь. Русские у меня отняли тебя. Ты не сын мне больше! Я не знаю тебя!..

Д ж а м а л у т д и н. Отец!.. Отец!..

Ш а м и л ь (*жёстко*). Прощай! Отныне ты будешь жить далеко в горах, в ауле Карата, как в плену, и никогда больше не увидишь меня. Ступай!..

Д ж а м а л у т д и н выходит. Ш а м и л ь с болью в сердце смотрит в открытую дверь.

З а т е м н е н и е

Сцена девятая

Лесная поляна. Вокруг - вековые дубы и низкие кустарники. М и х а и л прислушивается к подозрительному шороху, который доносится со стороны кустарников, и выхватывает пистолет. Из-за веток выходит Т е к л е.

Т е к л е (испуганно). Ради Бога, не убивай меня!

М и х а и л (спрятал пистолет). Ты русская?

Т е к л е. Я грузинка. Зовут - Текле. Мне удалось бежать из плена, где было так тяжело, так тяжело! Ты тоже беглый пленник? Я вижу это. Ты русский. О, какое счастье, что я нашла тебя! Мне было страшно идти одной по дикому лесу. Я боялась, что Зайдат пошлёт за мной погоню.

М и х а и л. Кто?

Т е к л е. Зайдат - старшая жена Шамиля. Она очень злая женщина. Она била меня за то, что я не хотела принять её веру, чтобы стать женой Магомед-Шефи. О, как я страдала в плену! Как страдала! У меня всё тело исполосовано нагайкой Зайдат. И Нажабат, её дочь, такая же злая. Только когда она поёт, все забывают про её дурной характер и слушают её песню...(Молчание.) А что, если они поймают нас? Убьют, да?

М и х а и л (растроганно). Успокойся, Текле, я не дам тебя в обиду! Лучше расскажи, как ты убежала из плена, бедняжка!

Т е к л е. Я убежала после того, как Зайдат избил меня. Это было во время свадьбы Джамалутдина.

М и х а и л. Какого Джамалутдина?

Т е к л е. Старшего сына Шамиля, что был у русских. Или ты не знаешь его?

М и х а и л (задумчиво). Так Джамал женился? На ком же?

Т е к л е. На дочери наиба Талгика. Отец догадался, что Джамал любит русскую девушку, и приказал ему жениться на Зюльме.

М и х а и л (вздыхнув). Бедная Лена!.. Бедный Джамал!..

Т е к л е. Джамал - чудесный человек. Он много раз выручал меня из беды. Так вот, на его свадьбе мне и удалось бежать. Зайдат оставила калитку открытой, и я ушла. Когда я очутилась на улице, шум пирующих на гадекане* совсем оглушил меня. Везде горели костры и жарилась баранина. Горцы занялись едой и не обратили внимания, как я прошмыгнула мимо них и скрылась в лесу. Уже больше суток брожу здесь. Слава Богу, что встретила тебя! А то, кажется, сошла бы с ума...

М и х а и л (осторожно). Но ведь ещё долго придётся проплутать

здесь, Текле, прежде чем мы доберёмся до своих.

Т е к л е. О, с тобой мне не страшно! Только не оставляй меня в лесу, добрый человек!

М и х а и л. Бедная девочка! Если нам суждено умереть - умрём вместе. Судьба недаром свела нас. Значит, Господь предназначил нам поддерживать друг друга в тяжёлые минуты. Но... но, вероятно, ты голодна, Текле, а мне нечего дать тебе поесть.

Т е к л е. Нет, я не голодна. Здесь поблизости растёт много диких орехов и красных, как кровь, хартутов,* которые отлично утоляют голод и жажду. Постой, я принесу тебе их!..

Т е к л е скрывается за кустарниками, а через минуту появляется с полной горсткой орехов и ягод. Беглецы принимают за еду. Раздаются одиночные выстрелы. Михаил и Текле вскакивают с места.

М и х а и л. Кто-то идёт сюда.

Т е к л е (испуганно). Ой, это погоня!

М и х а и л. Не бойся, Текле, я не дам тебя в обиду.

Т е к л е. Оставь меня! Брось в лесу! Неужели тебе погибать из-за меня? Со мною ты не укроешься от погони. Беги один. Они убьют тебя, если поймают. А моя смерть им не нужна!..

М и х а и л. Что ты, Текле? Я никуда не уйду без тебя!

Т е к л е (плача). Нет, нет! Тебе нельзя погибать из-за бедной грузинки-сироты! (Обнимает Михаила.)

М и х а и л (с тоскою). Молчи, девочка! Тырываешь мне сердце! Повторяю тебе: если судьба свела нас, значит, милосердный Господь желает, чтобы я позаботился о твоём спасении. Или мы спасёмся оба, или погибнем вместе!..

Раздаются частые выстрелы и топот коней.

Т е к л е (испуганно). Мы пропали! О, убей меня! Лучше умереть, чем снова вернуться к Зайдат!

М и х а и л. Не бойся, Текле! У нас есть пистолет и достаточно пуль для разбойников. Только надо сначала попробовать спастись, а умереть мы всегда успеем!..

Выстрелы и топот коней приближаются.

Т е к л е (падая на колени). Святая Нина, спаси нас!..

Михаил поднимает Текле на ноги. Выстрелы и топот прекращаются. Появляется Гасан и мюриды. Михаил выхватывает пистолет и стреляет. Пуля срывает папаху с Гасана. Гасан с кинжалом в руке бросается на Михаила.

Гасан (с диким криком). Убийца брата!.. (Бьёт кинжалом.) На тебе!.. На!.. Получай за всё!..

Михаил падает. Слышатся голоса солдат. Гасан и мюриды убегают. Текле хватается за голову и падает рядом с Михаилом.

З а т е м н е н и е

Сцена десятая

Небольшая комната. Текле сидит за столом.

Текле (задумчиво). Где же Михаил, добрый, ласковый Михаил, которого я полюбила как родного брата?..

Входят Полянов, двое солдат и Потапыч с шашлыком и подносом в руках.

Потапыч (кладёт поднос и шашлык перед Текле). Кушай, мамзель пучеглазенькая, не сумлевайся! Шашлык вкусный, свежий. Что вытаращила глазёнки-то? Ешь, говорю! Небось, какую пакость у Шумилки в ауле лопала, а ещё артачишься!..

Первый солдат (удивлённо). Ишь ты, ведь татарка, а белёхонькая!

Второй солдат. Всяко бывает у них: и белобрысенький, и шатренки, разно...

Полянов (солдатам). Прекратить вздор! (Потапычу.) Девчонку поручаю тебе, Потапыч. Накормить её надо. Исхудала-то, бедняжка!..

Полянов и солдаты уходят.

Потапыч (нежно). Ешь, мамзель пучеглазенькая, ешь! Ишь ты сердечная, исхудала как - кожа да кости! Хоть ты и бусурманка, но жалко тебя. Всё же дитё малое. И где это Мишенька достал такое-то?

Текле (оживлённо). Миша? Где Миша? Где?

Потопыч. Батюшки! Отцы родные! По-русски она говорит. Стало быть, не бусурманка ты? Не бусурманка, нет? А я-то, старый дурень, и не различил сослепу! Ах ты, девонька моя болезная! Как же ты оттоле-то пришла? И ты впрямь крещёная! И крестик на шейке. Ах ты, ягодка горемычная! Своя! Как есть своя! Христианская душа!..

Текле. Дедушка, а Миша жив?

Потопыч. Живёхонок Миша. Оградил его Господь от смерти.

Текле (*радостно*). Жив!.. О, будь счастлив за эти речи, добрый господин!

Потопыч (*недоумённо*). Вот тебе на... в господу попал! Нет, моя лапушка, не господин я и звание у меня денщицкое. Только и всего. А вот ты из каких будешь? (*Текле непонимающе смотрит на Потопыча*). Ну да, из каких? Значит, как звать-величать тебя по батюшке надоть?

Текле. Текле зовут меня.

Потопыч. Текле? Как же это будет у нас теперича? Сама вот христианка, а имя, слышь, бусурманское. И где такое имя нашлось? Как же так? Не годится Текле!

Текле. Но меня так и зовут, дедушка! Правду говорю.

Потопыч (*качая головой*). Те-ек-ле... Может, Фёклой звать-то тебя? А тебе с перепугу не выговорить стало быть, бедняжка? И то верно... Фёкла! Как это я не догадался раньше? Фёкла и есть! Ну, а теперь, голубушка Фёклушка, кушай!..

Текле. Хорошо, дедушка. (*Принимается за шашлык.*)

Потопыч (*после паузы*). Скушала, девонька моя?

Текле. Да, дедушка, скушала. Спасибо.

Потопыч. Вот и хорошо. А сейчас, пока Мишенька придёт, тебе отдыхать надоть. Идём в другую комнату.

Потопыч и Текле уходят в другую комнату. Входят Полянов и Михаил.

Полянов. Лучше тебе, Зарубин?

Михаил (*улыбаясь*). Как я рад, что снова вижу тебя, Алексей Яковлевич! А я уже думал...

Полянов. Да, не поспей наши, искромсал бы тебя этот разбойник и кусков не собрали бы. К счастью, второпях нанёс удар.

Михаил. Убили его?

Полянов. Нет. Удрал со своей оравой. Только и видели. Ну да рано или поздно поймает, не минует своей судьбы.

М и х а и л (*вздыхая*). Ах, Алексей Яковлевич, если бы ты знал, какую роль сыграл в моей судьбе этот человек! А в плену...

П о л я н о в (*перебив*). Ну, ладно, ладно! После расскажешь, а пока поправляйся хорошенько. (*Молчание.*) Да вот ещё: способен ты выслушать без волнения радостную весть?

М и х а и л. Да, Алексей Яковлевич.

П о л я н о в. Тогда слушай. (*Официальным тоном.*) Поручик Зарубин...

М и х а и л. Подпоручик я, Алексей Яковлевич...

П о л я н о в. Нет, поручик! Тебе уже присвоено это звание. Так вот, поручик Зарубин, главнокомандующий и наместник Кавказа князь Барятинский приказал вручить тебе орден святого Георгия за храбрость!.. (*Обнимает его, прикалывает к груди маленький крест.*) А за самовольную вылазку и ослушание начальства я подвергаю тебя, господин поручик, трёхдневному аресту на крепостной гауптвахте!..

М и х а и л (*с улыбкой*). Слушаюсь!

П о л я н о в (*снова обнимает его*). Молодец! Я видел, как ты дрался при штурме. Не мог не рассказать начальству. Потому тебя повысили в звании и дали боевой орден. Поздравляю!.. (*Жмёт ему руку. Уходит.*)

З а т е м н е н и е

Сцена одиннадцатая

Аул Карата. Внутри сакли. На циновках лежит Д ж а м а л у т д и н. Над ним склонилась З ю л ь м а и з н а х а р ь. Знахарь трогает ладонью лоб Джамалутдина, потом направляется к выходу. Зюльма следует за ним.

З ю л ь м а. Долго ли ему осталось жить?

З н а х а р ь. Всё в руках Аллаха: и жизнь, и смерть!

З ю л ь м а (*со слезами на глазах*). Неужели он умрёт?

З н а х а р ь. Не успеет солнце опуститься за горы, как чернокрылый ангел смерти смежит его глаза... (*Уходит.*)

Д ж а м а л у т д и н (*в полузабытии*). Умираю от тоски по тебе, моя далёкая Лена!

З ю л ь м а подходит к изголовью Д ж а м а л у т д и н а.

(*Приоткрыв глаза*). Ты, Зюльма?

З ю л ь м а (плача). Да, дорогой! Тебе плохо?
Д ж а м а л у т д и н. О, Зюльма! О, моя бедная крошка! Что будет с тобою, когда меня не станет? Сжалится ли над тобою отец?
З ю л ь м а (встав на колени). Возьми меня с собой, Джамал!
Д ж а м а л у т д и н. Не плачь, Зюльма. Вытри свои глазки, дорогая, и спой мне песню.
З ю л ь м а. Хорошо, Джамал. Я спою тебе ту песню, которую ты так любишь. (Садится рядом.)
Д ж а м а л у т д и н. Спой, я слушаю тебя.
З ю л ь м а (поёт).

“У моей матери - чёрные косы,
У моей матери - звёзды глаза.
Когда она улыбается - улыбается солнце,
Когда она хмурится - спускается ночь.

У моей матери голос соловьиный,
Слаще саза звучит её песня.
Я люблю дремать под эти звуки:
Мне сладкие грёзы навевают они...”

Д ж а м а л у т д и н. Спасибо, Зюльма! Не слышишь ли ты стук копыт? Не везёт ли мой верный нукер Сафар прощения Шамиля?
З ю л ь м а (глядя в открытую дверь). Джамал, я вижу всадников! Они мчатся во весь опор к нашей сакле!
Д ж а м а л у т д и н (с мольбой). Чёрный Азраил, безжалостный ангел смерти, помедли немного! Дай мне увидеть его... попросить прощения... обнять моего дорого отца!..

Слышатся топот коней, разговоры, шум. Входит Ш а м и л ь. З ю л ь м а почтительно кланяется, закрываясь до глаз чадрую.

Ш а м и л ь (ей). Как он?.. Жив ли мой Джамал?..
Д ж а м а л у т д и н (приподнимаясь). Это он!.. Это отец!.. Благодарю, Аллах, что ты привёл ко мне отца!..
Ш а м и л ь (обнимая его). Я прощаю тебя!.. Живи, Джамал!.. (Смахивает с глаз слезу).
Д ж а м а л у т д и н. Отец!.. Лена!.. Аллах великий, иду к тебе!.. Иса,* прими меня!.. (Сжимает крестик на груди, вздрагивает всем телом и безжизненно повисает на руках Шамиля.)

З а н а в е с

Действие третье

Сцена первая

1859 год. Конец августа. Вечерние сумерки. Горная поляна. На земле отдыхает семья Шамиля и наибы. Мюриды и нукеры, вооружённые винтовками и кинжалами, охраняют их покой. Шамиль стоит в стороне и задумчиво смотрит вдаль.

Ш а м и л ь (*про себя*). Наместник Кавказа Бартинский со своим войском придвинулся к самой Ичиче, где укрывался я с семьёю. Надо спешить в Гуниб. О, Гуниб - верное убежище! Это не Ахульго и не Шильда. Его гора вздымается отвесно, и взять её штурмом нельзя. Разве только шайтан впутается в это дело и поможет своим друзьям-гяурам, которые отняли у меня много крови и силы. Они нанесли уже девятнадцать штыковых ран моему телу. Эти раны болят. Но ещё больше болит моя душевная рана. Неужели мне не придётся окончить священную войну, самим пророком порученную мне?

К а з и - М а г о м а. Отец, наибы говорят, что путь в горах опасен. Здесь вся местность кишит бродячими шайками разбойников-пастухов. Не лучше ли ехать в Тиндаль, где живёт твой самый верный и преданный народ?

Ш а м и л ь (*гневно*). Молчи, Магома! Ты говоришь как трус! Если я, твой отец, не боюсь штыка гяура, могу ли я страшиться жалкого пастуха?!

К а з и - М а г о м а. Но с нами женщины, отец! Надо позаботиться о них...

Ш а м и л ь. Жены и дочери горцев должны прямо смотреть в глаза опасности! Или ты не знаешь этого, сын мой?

Шамиль уходит. Казим-Магома подходит к наибам.

П а т и м а т (*Зюльме*). Мне страшно, Зюльма!

З ю л ь м а. Чего ты страшишься, Патимат?

П а т и м а т. О, Зюльма! Тяжело расстаться с жизнью, когда яркое солнце светит над твоей головой. Неужели для того меня отдал отец Абдурахиму, чтобы умереть и лишиться счастья тогда, когда жизнь кажется такой прекрасной и радостной, как день?!

З ю л ь м а. Ты боишься за мужа, бедняжка?

П а т и м а т. Ты угадала мои мысли, Зюльма.

З ю л ь м а. Об этом говорят твои глаза, сестра.

П а т и м а т. Слушай, Зюльма! Мы спешим в Гуниб. А неверные по пятам следуют за нами. Они придут, и там...

З ю л ь м а. О, у них быстрые крылья, дорогая!

П а т и м а т. Они придут и убьют всех нас. Чёрное предчувствие говорит мне это. И мой Абдурахим погибнет от их штыков. О, это ужасно, Зюльма! Ужасно! Какой страшный рок повис над нами?!

З ю л ь м а. Ты Абдурахима очень любишь, Патимат?

П а т и м а т (с жаром). Очень!

З ю л ь м а. Я тоже очень любила моего Джамала!..

П а т и м а т (перебив). Двух месяцев не прошло с тех пор, как отец благословил нашу женитьбу в Ичиче, а сердце моё до краёв наполнено любовью к Абдурахиму. Да и нельзя не любить его. Он добр, как ангел, и кроток, как лань. Не к кровавым подвигам лежит его душа. Он готов дни и ночи читать книги мудрецов и знает все главные науки Востока..

Появляется Ш а м и л ь и подходит к К а з и - М а г о м е.

Ш а м и л ь. Кази-Магома, подними всех! Пора в путь.

К а з и - М а г о м а. Слушаюсь, повелитель! (Отдыхающим.) Вставайте! Пора в путь!..

Все уходят. Вскоре раздаются крики, разбойничье гиканье, топот коней. Вбегает П а т и м а т, сжимая рукоять кинжала.

П а т и м а т (испуганно). Помилуй, Аллах! Где Абдурахим? Где отец? Где братья и сёстры? Никого не видеть!..

Появляется Ш а м и л ь с винтовкой в руке.

Ш а м и л ь (глядя вдаль). Остановитесь, безумцы! На кого вы обнажили кинжалы! Здесь я - имам, ваш повелитель!

Р а з б о й н и к (за сценой). Мы не признаём власти имама! У кого больше денег, тот нам и повелитель! Если хочешь, чтобы остались в живых твои слуги, отдай нам всё ценное, что есть у тебя!

Ш а м и л ь (грозно). Благодарю Аллаха, презренный, что сумерки мешают верному прицелу моей винтовки, а то бы ты давно отправился к шайтану за твои дерзкие слова!..

Р а з б о й н и к хохочет. Ш а м и л ь стреляет без прицела.

Разбойник *(продолжая хохотать)*. А ты благодари, святейший, что жизнь твоя неприкосновенна по воле Аллаха! *(Подданным Шамиля)*. Правоверные, не бойтесь и бросьте в стороны кинжалы! Мы не убийцы, а только славные джигиты! Нам нужны ваши сокровища, а не кровь! Отдайте нам казну имама и следуйте с миром в путь!..

Вбегают семья и воины Шамиля.

К а з и-М а г о м е д. Отец, ты слышишь, что они говорят! Надо отдать всё!

Г а д ж и-А л и *(Шамилю)*. Надо отдать всё, а то они убьют женщин и нас, твоих верных воинов!

Ш а м и л ь *(гневно)*. Трусые вы, а не воины! Так-то вы охраняете моё благо! *(Махнув рукой, отходит в сторону.)*

Разбойники вбегают с диким криком, грабят женщин, забирают казну и, злорадно хохоча, убегают. Зайда и Хаджи-Рабел и рыдают.

Н а ж а б а т *(плача)*. О, Аллах! В большом бурдюке были мои праздничные серьги и запястья. Что я надену в следующий праздник? Беднее самой бедной дочери слуги стала я теперь!..

Ш а м и л ь *(про себя)*. О, глупая Нажабат! О, глупые женщины! Вы плачете о золоте и сокровищах, когда здесь стою я - человек, который во сто раз несчастнее вас. У меня украли больше. У меня украли любовь и доверие к моему народу, а я не плачу и не жалуясь, как вы!..

П а т и м а т *(подойдя к нему)*. Не грусти, отец! Не всё ещё потеряно. Не все горцы - предатели и воры, как эти жалкие разбойники-пастухи. С тобой твои мюриды, отец, и... горячая, верная любовь твоей дочери Патимат!..

Патимат отходит. Шамиль нежно смотрит ей вслед.

Ш а м и л ь *(про себя)*. Никто из детей, кроме покойного Джамала, не говорил со мною так. Дети трепетали предо мною, боялись меня. Я был для них скорее повелителем и духовным главой, нежели отцом. Откуда же взялась смелость у этой крошки? И как могла она угадать мою гнетущую скорбь в эту минуту? Да, я не бедняк ещё во славу Аллаха! У меня остались друзья. А пока они около меня, готовые сложить головы по одному моему сигналу,

пока теплится такой беззаветной любовью ко мне маленькое сердечко этой дочери, я ещё могу высоко носить мою седую голову!..

З а т е м н е н и е

Сцена вторая

Просторная комната. У двери стоит солдат с винтовкой в руке. Он прислушивается и открывает дверь. Входят К а з и - М а г о м а и А б д у - р а х и м..

К а з и - М а г о м а (*про себя*). Я пришёл сюда сквозь лагерь русских. О, сколько там войска! Тысячи нагнал сюда наместник Барятинский. И всё это, конечно, устремится в Гуниб, потому что отец ни за что не согласится на условия царя. Я это знаю. Знаю и то, что ради выигрыша Шамиль приказал мне вести переговоры, а сам твёрдо решил не уступать неверным своего последнего гнезда. С этим я не согласен. Русские - не звери. Чего боится отец? Ну, возьмут нас в плен как почётных заложников. Зато не будет этой кровавой войны!..

Входят Полянов и Михаил. Горцы говорят им "салам", приложив руку ко лбу, губам и сердцу. Офицеры отдают честь.

К а з и - М а г о м а (*Полянову*). Я - Кази-Магома, сын Шамиля. А он - наш зять Абдурахим...

П о л я н о в. Я рад видеть вас обоих у себя. Я, майор Полянов, передаю тебе, Кази-Магома, слова нашего главнокомандующего князя Барятинского. Он говорит твоему отцу, что имам должен смело отдаться в руки русских. Вреда не будет ни ему, ни его семейству. Шамиль получит милость русского государя-императора. Пусть идёт к князю Барятинскому!

К а з и - М а г о м а. Мой отец уже много раз мирился с вами, но вы снова продолжали сражаться с ним. Мы уже слышали слова о мире от прежних наместников, а царское войско всё-таки продолжало преследовать нас.

П о л я н о в. Не твой ли отец виноват в этом? Русские не возобновляли войн, пока Шамиль не поднимал горцев на новые и новые войны. Пусть он подумает, что его ждёт, если он добровольно не примет предложения о сдаче. А если имам сдастся, главнокомандующий посчитает войну законченной.

К а з и - М а г о м а. Мой отец желает совершить паломничество в Мекку, к священному гробу Магомета. Отпустят ли его туда, если он сложит оружие?

П о л я н о в. Непременно. Всё будет так, как он пожелает. И ещё передай ему, Кази-Магома, что князь Барятинский добр и милостив и что только из жалости к его неповинным жёнам и детям предлагает ему мир. Пусть он примет его скорее, потому что, когда его гнездо разнесут наши молодцы, с ним уже поступят иначе!

К а з и - М а г о м а. Я не последний уполномоченный Шамиля. Абдурахим, передай майору, что тебе приказал отец!

А б д у р а х и м (*Полянову*). Слушай, майор! Мой тесть и повелитель, великий имам, приказал передать наместнику Барятинскому следующее: “ Гуниб - гора высокая. Я стою на ней. Ещё выше - Аллах надо мною. Русские внизу. Пусть штурмуют!..”

Кази-Магома и Абдурахим откланиваются и уходят. За ними следует солдат.

П о л я н о в. Слышал, Зарубин, что сказал Шамиль?

М и х а и л. Да, Алексей Яковлевич.

П о л я н о в. Что ж, сегодня начнём штурм Гуниба. Михаил, у тебя есть ко мне дело?

М и х а и л. Хочу поговорить с тобою, Алексей Яковлевич... Бог знает, что может случиться. Так, по крайней мере, отведу душу с тобою в эту последнюю минуту.

П о л я н о в. Ну уж и в последнюю. И что ты только выдумываешь, Зарубин? Если такие молодцы, как ты, да будут умирать... (*Машет рукой.*) Ты мне лучше вот что скажи: давно ли получал известие о Текле?

М и х а и л. Недавно. Сестра Лена мне пишет, что Текле весело, здорова и скоро опять пойдёт в институт. Каникулы кончаются. Славная девушка! Никогда не забуду, как там, в Цинандали, куда я повёз Текле к княгине Чавчавадзе, она растрогала меня. Ты, говорит, спас мне жизнь, ты мой брат навеки! Не хочу расставаться с тобою ни за что. Хочу быть дочкой твоей матери, сестрой твоей сестры. Вези меня к своим!..

П о л я н о в. Так и сказала?

М и х а и л. Да. С тех пор, как она у нас поселилась, точно солнце засияло в доме. Ты знаешь, Алексей Яковлевич, какая золотая душа у Текле?!

П о л я н о в. Сколько ей теперь лет, Зарубин?

М и х а и л. Шестнадцать. Но она кажется взрослой не по летам, как и всякая восточная девушка.

П о л я н о в. Ты хочешь на ней жениться, Михаил?

М и х а и л. Да. Ведь никто никогда не привяжется ко мне так сильно, как эта милая девушка, и я никого не полюблю сильнее моей Текле. Мы оба видели смерть перед глазами, вместе молились и вместе были спасены. Мы связаны самой судьбой!..

П о л я н о в (*растроганно*). Дай вам Господь счастья: и тебе, и Текле! Оба вы славные!.. (*Звучит сигнал горниста*). Мне пора. Это капитан Скворцов даёт знать, что надо идти к главнокомандующему. Прощай, Зарубин!

М и х а и л. Прощай, Алексей Яковлевич!

П о л я н о в (*стоя у двери*). Слушай, Зарубин! Я тебе вот что скажу. Ты, брат, горячий парень. Без толку в пекло не суйся. Я ведь тебя знаю. Помни: твоя жизнь нужна! Храбрость и без этого проявить можно. Осторожнее действуй и зря на кинжал не лезь. Человек ты золотой, офицер brave, и мне душевно будет жаль, если мюриды убьют тебя!..

М и х а и л (*твёрдо*). Во всяком случае, если убьют, ты сообщи отцу. Он знает тебя по моим письмам и читает как героя. Ты ему передай, что он может быть спокоен: его сын шёл по его следам и жизнь свою не щадил ради отечества!

П о л я н о в. Передам, Зарубин. А теперь позволь попрощаться с тобою, брат!.. (*Обнимает Михаила.*) Прощай, Миша!..

М и х а и л. Прощай товарищ!..

П о л я н о в уходит. М и х а и л подходит к окну, слышит скрип двери. Резко поворачивается. Видит Г а с а н а с кинжалом в руке.

Г а с а н (*торжествующе*). Смерть убийце!.. Смерть!..

М и х а и л (*вытаскивает саблю из ножен*). Наконец-то я тебя встретил, разбойник!.. (*Бросается на него.*)

Г а с а н. Будь ты проклят!.. (*Ловким движением вышибает саблю из руки Михаила и сильным толчком отбрасывает его на пол.*) Гяур!.. Убийца!.. Будешь помнить месть Гасана!.. Умри, шайтан!.. (*Взмахивает кинжалом над ним.*)

Вбегает с о л д а т и ловко бьёт саблей в спину Гасана. Г а с а н падает на пол. М и х а и л выхватывает пистолет и, не целясь, стреляет в Гасана.

Г а с а н (истекая кровью.) Велик Аллах!.. (Умирает.)

З а т е м н е н и е

Сцена третья

*Внутри мечети. Здесь собрались: с е м ь я Шамиля, н а и б ы, м ю р и -
г ы и сам Ш а м и л ь. За сводами мечети слышатся крики русских, горцев,
выстрелы, удары кинжалов и сабель.*

Ш а м и л ь (*про себя*). Я привёл в мечеть всю семью, чтобы погибнуть под её сводами. И женщины, и дети должны умереть вместе со мною. Не в рабство же отправлять моих бедных и дорогих детей. Нет! Пусть лучше они примут смерть из рук своих близких и родных. Когда урусы подойдут к мечети, я прикажу сыновьям убить женщин, а потом... потом погибну сам! Так велит мне долг чести, так приказывает мне моё собственное сердце - сердце верного слуги Аллаха. Я умру в борьбе за свободу горцев, как и подобает имаму-вождю, как умер двадцать семь лет тому назад мой учитель и наставник Кази-Мулла!..

Крики и выстрелы усиливаются.

П а т и м а т (*мужу*). О, мой Абдурахим! Кажется, пришёл наш смертный час. Ты слышишь эти ужасные крики? Неверные - в Гунибе!..

Ш а м и л ь (*сыну*). Кази-Магома!

К а з и-М а г о м а (*подойдя*). Я здесь, повелитель!

Ш а м и л ь. Кази-Магома, ты слышишь? Урусы приближаются, мои уши не обманывают меня!

К а з и-М а г о м а. Так, отец! Русские близко!..

Ж е н щ и н ы (*отчаянно*). Пощады!.. Пощады!..

Ш а м и л ь. Пощады? Нет, пощады не будет! Напрасно просить о ней тех, у кого ослабла воля и кто не имеет мужества погибнуть за свободу!.. (*Сыну.*) Кази-Магома! Делай то, что я тебе приказал: обнажи свой кинжал, наступил час, когда нужно исполнить то, о чём я тебе говорил, и да помилует Аллах души невинных!..

К а з и-М а г о м а (*с дрожью в голосе*). Убить женщин?! Это ли ты велишь, отец?

Ш а м и л ь (*сурово*). Что же лучше, по-твоему, чтобы они, как последние рабыни, прислуживали жёнам царских придворных или погибли в мрачной тюрьме гяуров? Исполнивай то, что тебе приказываю я!..

К а з и-М а г о м а нерешительно подходит к ж е н щ и н а м. Там слышат-

ся стоны и плач.

З а й д а т (*вне себя*). О повелитель! Ты всю свою жизнь посвятил Аллаху. Ты был ему верным слугой. Так неужели всё это было для того только, чтобы увидеть на закате своей жизни окровавленные трупы твоих жён и детей?! Если Аллах так могуществен и велик, если он умел принимать людские почести, то пусть спасёт своих верных рабов, пусть помилует их!..

Ш а м и л ь (*сверкнув глазами*). Не богохульствуй, женщина!

Н а ж а б а т (*рыдая*). Мать права. За что мы погибаем? Зачем ты требуешь нашей смерти, отец? Я молода. Я не ведала жизни. Я хочу жить!.. Жить!.. Жить!..

Ш а м и л ь (*зло*). Ты умрёшь, потому что смерть лучше рабства!

Н а ж а б а т. Я предпочитаю жить в рабстве у русского царя, нежели умереть!

К а з и-М а г о м а с обнажённым кинжалом подходит к З а й д а т и Н а ж а б а т.

З а й д а т (*истерично*). Да падёт наша гибель на твою голову, имам!..

Н а ж а б а т (*заламывая руки*). Отец!.. Отец!.. Пощади нас!..

П а т и м а т (*подойдя к Шамиллю*). Бедный отец, как ты страдаешь!..

Ш а м и л ь (*обнимая её*). И ты, наверное, дитя моё, бранишь твоего старого отца, что из-за него должна расстаться с жизнью?

П а т и м а т (*бесстрашно*). Отец, ты приказал нам умереть - и я умру! (*Кивая на женщин*.) Они боятся смерти. Но я покажу им, как не страшно умирать тому, кто не чувствует за собою вины! (*Подбегает к Кази-Магоме*.) Брат, ударь меня твоим кинжалом! Пусть остальные видят, как смело умирает дочь имама!.. (*Абдурахим и Зюльма бросаются к ней*.) Спешите, Кази-Магома, а то неверные сейчас ворвутся в мечеть и уже будет поздно!..

К а з и-М а г о м а заносит кинжал над головою П а т и м а т. Ш а м и л ь быстро подходит к ним.

Ш а м и л ь. Стой, Кази-Магома! Патимат, моя бедная дочь, живи! (*Женщинам*.) И вы, именем Аллаха, живите! Ценою собственной жизни я куплю ваше спасение. Я отдам себя самого в руки царских офицеров с тем, чтобы они сохранили вам жизнь! (*Наибам*.) Мои верные наибы! Я, ваш имам и повелитель, сдаюсь русскому

царю! Ведите меня к Барятинскому!..

Шамиль и наобы уходят. За стеною мечети слышатся крики солдат.

П а т и м а т. Ты слышишь, Зюльма? Это кричат солдаты. Они увели отца!

З ю л ь м а. Да, они торжествуют, что добрались до него!

П а т и м а т. О, Зюльма! Моё сердце бьётся, как подстреленная птица! Я боюсь, что они убьют его! Моя душа говорит мне это. Отец пошёл умирать за нас!

З ю л ь м а. Успокойся, сестра! Если и суждена смерть твоему отцу, то он сумеет умереть, как подобает мученику во славу Аллаха! Успокойся, Патимат!..

П а т и м а т (*подойдя к женщинам*). Отец пошёл отдавать свою жизнь за нас, и мы отпустили его, старика, убитого горем. Его, может быть, убивают в это время, а мы спокойны! Мы согласились принять его жертву ради нашего спасения. Нет, нет! Этого не будет! Я буду ползать у ног наместника, пока он или помилует отца, или прикажет убить меня, как муху!..

Слышатся сильные удары в дверь. Она рушится. Солдаты во главе с Михаилом врываются в мечеть.

М и х а и л (*горцам*). Сдавайтесь на милость государя!..

П а т и м а т (*им же*). Правоверные, во имя Аллаха умрём за свободу!

М и х а и л (*бросаясь вперёд*). Так умирайте же, упрямцы!..

Абдурахим с обнажённым кинжалом бросается на Михаила. Оба бьются насмерть. Михаил заносит саблю над Абдурахимом. Патимат становится между ними и бросает на пол свою чадру.

П а т и м а т (*бесстрашно*). Урус, убей только меня!

М и х а и л (*присматриваясь*). Патимат, это ты?

П а т и м а т (*радостно*). Пленник Гасана!.. Урус - кунак!..

М и х а и л. Патимат!.. (*Кивнув на Абдурахима*.) Кто бы ни был этот горец, я дарю ему жизнь. Из-за тебя дарю! За твою доброту и заботы обо мне, когда я сидел в подземелье Гасана! (*Молчание*.) Патимат, кто ты? Чья ты дочь?..

С о л д а т (*подойдя*). Я знаю её, ваше благородие. Она не простая

горянка. Она дочкой самому Шумилке приходится. *(Показав рукой на Абдурахима.)* А этот горец - муж ейный, значит...

М и х а и л *(про себя)*. Дочь Шамиля? Сестра Джамала? Та самая сестра, за которую Джамал просил заступиться меня? Патимат - подруга Текле?.. *(Патимат.)* Патимат, голубушка милая, как я рад, что вижу тебя! Ведь Джамал мне друг... кунак был!..

П а т и м а т *(улыбаясь)*. Да! Да! Кунак Джамала - наш кунак!.. *(Схватив его за руку.)* А отец? Где же мой отец, не знаешь, урус?

М и х а и л. Патимат, ты не беспокойся. Мы разыщем твоего отца и отведём тебя к нему. Я не дам тебя в обиду и буду защищать обоих, потому что вы - близкие родственники моего друга Джамала!..

А б д у р а х и м *(ему)*. Я знал и прежде, что русские храбры и дерутся, как львы, но что они великодушны - это я узнаю теперь! Веди нас к наместнику, урус! Там наш отец!..

Русские и горцы устремляются к выходу.

З а т е м н е н и е

Сцена четвёртая

Закат. Опушка леса. Главнокомандующий князь Барятинский сидит на камне, положив вытянутую раненую ногу на пень. Сзади него стоят офицеры и солдаты. Среди них - Полянов и Михаил. Они все следят за имамом, его семьёй и свитой. Шамиль стоит напротив Барятинского, положив руку на рукоять кинжала. Затем он отходит от наместника на несколько шагов, окидывает прощальным взором высокие горы Гуниба и, опустившись на колени, жарко целует родную землю. Спустя минуту имам встаёт на ноги, глубоко вздыхает и, заложив руки за спину, безмолвно уходит прочь. За ним следуют горцы и солдаты.

З а н а в е с

Историческая справка

Центральным героем пьесы является реальное историческое лицо - духовный и светский руководитель Дагестана и Чечни. До сих пор Шамиль - олицетворение чести, справедливости, борец за свободу и независимость кавказских народов.

Шамиль прожил 72 года. Он родился в 1798, умер в 1871 во время паломничества в Мекку. Похоронен в Медине (Саудовская Аравия). 25 лет, с 1834 по 1859 годы, Шамиль являлся имамом. Кавказская война началась в 1817 году, когда царское правительство решило завоевать Чечню, горный Дагестан и северо-западный Кавказ. Горцы не смирились с этим, хотя

объективности ради следует признать, что присоединение Кавказа к России способствовало социально-экономическому, политическому и культурному развитию его народов.

В 1828 году возникло мусульманско-теократическое государство горских народов - иманат. Первым имамом был Кази-Магомед (с 1828 по 1832) вторым - Гамзат-бек (с 1832 по 1834) и, наконец, третьим - Шамиль (с 1834 по 1859). Именно при Шамиле иманат начал освободительную борьбу кавказских горцев против царских колонизаторов и местных феодалов под флагами газавата (джихада) - священной борьбы мусульман с иноверцами и мюридизма - аскетического и мистического направления в исламе.

Многие русские представители интеллигенции, военной и гражданской элиты были на стороне горцев. В своих произведениях крупнейшие литераторы 19-го века с большой симпатией описывали представителей этих народов, рассказывали о дружбе и взаимопомощи между людьми двух противоборствующих сторон. Достаточно сказать, что три великих русских писателя: А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов и Л.Н. Толстой - создали совершенно разные по содержанию произведения с одним и тем же названием - "Кавказский пленник", в которых одинаково тепло отзывались о горцах.

Пьеса Лазаря Амирова, написанная на историческом материале, также передаёт чувства любви, дружбы и товарищеской взаимовыручки, которые существовали между русскими и горцами. Она завершается трагическим днём 26 августа 1859 года, когда Шамиль был взят в плен русскими войсками. Согласно предварительной договорённости, ему и членам его семьи была сохранена жизнь. Последующие одиннадцать лет Шамиль провёл в Калуге, затем через Киев отправился к священным местам ислама...

М.Н. Чичагова, близко знавшая Шамиля и его семью по Калуге, опубликовала в 1889 году биографический очерк "Шамиль на Кавказе и в России". Она пишет: "Знакомство с этой симпатичной и замечательной личностью оставило во мне навсегда самое приятное воспоминание. Жизнь этого героя, так храбро и стойко выдержавшего 20-летнюю борьбу с могущественной Россией, полна изумительных эпизодов отчаянной храбрости, тяжких испытаний и лишений. Одарённый гениальным умом, он управлял своим народом не только с беспощадной строгостью, которую считал необходимостью, но имел сильное нравственное влияние на него, служа ему примером безукоризненной честности и строгой нравственности. Подданные боялись его, страшились его гнева, но верили непреклонной силе воли, удивлялись мужеству и обширному уму этого человека..."

Почти весь 20-й век прошёл под знаком недооценки деятельности Шамиля. Только в наши дни с него сняты все незаслуженные обвинения, и он предстаёт перед нами таким, каким был в действительности. Жизнь его и деяния заслуживают того, чтобы остаться навсегда в памяти просвещённых потомков. Пьеса Лазаря Амирова "Шамиль" изображает объективную картину жизни того времени. В этом - её ценность.

Для сказителя и в пышно убранных покоех богача, и в пустой сакле бедняка - равный почёт и уважение.

Амалдан Кукуллу

ИСТОЧНИК РАЗУМА

сказки, пословицы и поговорки
горских евреев Кавказа

Лазарь Амиров

Фотомгновения жизни

Годы 80 - 90-е

В ДАГЕСТАНЕ

С поэтом Борисом Ханукаевым
и школьниками Дербента

С дочерью Валентиной

В ИЗРАИЛЕ

С поэтом Борисом Серманом

С журналистом
Матусом Родманом

С К А З К И

Из цикла "Удивительные рассказы Шелму Мемри" *

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ШЕЛМУ ПОЛЕТЕЛ В КОСМОС

Во время гражданской войны я находился в партизанском отряде. Отправляясь в разведку, иногда встречался с такими, как я, бедняками и слышал от них о жестоком отношении деникинских казаков к ним и их жилищам. Поэтому однажды я возмущённо подошёл к своему командиру и сказал:

- Товарищ командир, разреши мне одному отправиться на разведку! Даю слово мужчины, что на этот раз я схвачу за горло генерала Деникина, приведу в отряд и брошу к твоим ногам.

Мой командир посмотрел на меня с сомнением и спросил:

- Сможешь ли ты сдержать своё слово? Я что-то сомневаюсь в этом.

Посмотрел я на него сердито и с жаром ответил:

- Если я не сдержу своего слова, то считай, что я не Шелму из солнечного села Хамейди!* Договорились?

- Что ж договорились, - сказал командир. - Иди и действуй, товарищ Шелму из солнечного села Хамейди!

И я начал действовать. Сначала переоделся в старые грязные лохмотья, захватил с собой мешок, верёвку и тут же вышел из северных крепостных ворот Даш-капы, которые позже в народе стали называть Кофори-капы.* За этими воротами находилось неисчислимое количество казаков и штаб самого генерала Деникина.

И вот когда я вышел из ворот Кофори-капы, сделал несколько шагов, вижу: одни казаки срубают острыми топорами и саблями стройные фруктовые деревья, виноградные лозы, другие стоят у пылающих костров, с аппетитом едят сочные шашлыки из баранины и свинины, третьи пьют вино, араги* и под зелёными кустами красноватого кизила забавляются с развратными девицами и женщинами.

Я искося посмотрел на их шабаш. Ни один казак не поинтересовался моей жалкой персоной и не остановил меня. Клянусь твоей жизнью - так оно и было! Одним словом, прошёл я мимо вражеских отрядов живым и невредимым и вскоре очутился недалеко от военного штаба генерала Деникина, где в данную минуту, видимо, разрабатывался план полного уничтожения нашего партизанского отряда.

Скажу честно: в это мгновение у меня возникла мысль захвата белого генерала, потому что у главного входа в штаб сновали то и

дело высокопоставленные офицеры, сержанты, рядовые казаки. А поймать Деникина на их глазах было чрезвычайно рискованно и опасно. Поэтому сначала я взобрался, словно кавказский барс, на широкостволое тутовое дерево, что устремилось к безоблачному небу, и быстро спрятался между его ветвистыми сучьями. Там я и стал дожидаться подходящего момента.

Между тем день клонился к вечеру. Солнце уже багровело и медленно опускалось за горную вершину Джалган.* Вот именно в такое время я неожиданно почувствовал невыносимый голод. Но так как у меня не было никакой пищи, я начал жадно есть сочные плоды щедрого тутовника. А съел я их, скажу тебе, не меньше пуда и только тогда понял, что сыт уже по горло.

Через час солнце полностью закатилось за вершину Джалгана. Стало намного сумрачнее и темнее. Тогда я внимательнее присмотрелся к главному входу в штаб и увидел, как из раскрытых дверей выходит пожилой человек в генеральской форме. Взглянув на него, я сразу признал в нём самого генерала Деникина, потому что перед уходом в разведку командир показал мне его фотокарточку.

- Вот удача! - чуть не вскрикнул я от нахлынувшей радости и, как рысь, затаился меж густых веток.

Тем временем генерал Деникин уже проходил мимо тутовника. Я мысленно помолился Богу, взял в руки мешок, верёвку и камнем свалился ему на плечи. Упав вместе с ним на землю, я ловко связал генералу руки и ноги, затолкал в мешок, взвалил себе на спину и начал пятиться в сторону Кофори-капы, за которыми, как я уже говорил раньше, находился наш партизанский отряд во главе с моим командиром. Пятился я к воротам очень медленно, боясь наткнуться на казацкую охрану. Но мои потуги оказались напрасными. Когда до Кофори-капы оставалась всего сотня метров, я неожиданно встретился лицом к лицу с молодым мускулистым казаком и смазливой девицей. Сначала казак растерялся не меньше меня, но затем, слегка успокоившись, схватил меня за ворот рубахи, грозно надувшись и злобно спросил:

- Эй, голодранец, что ты спрятал в своём грязном мешке?

Я не нашёл для ответа ничего лучшего и просто выпалил:

- Там лежит большая свинья.

О Боже! Казак как будто ждал от меня именно такого ответа. Он громко расхохотался от радости, крепче сжал мою руку, привёл к своим товарищам по отряду, ударил кулаком по мешку и весело крикнул:

- Друзья мои, теперь у нас есть свежая свинина для праздничного шашлыка! Пусть с этой минуты грянет пир на весь мир назло красным партизанам - нашим лютым врагам!

Услышав это, я от ужаса схватился за свою бородку и умоляюще обратился к казакам:

- О милосердные беляки, рождённые от благородных родителей, жить вам и здравствовать! Ради вашей полной победы над красными партизанами оставьте мою свинью в мешке. Я хочу продать её знакомому попу-армянину и на вырученные деньги купить моим детям еду и башмаки. Ведь они у меня беднее самых бедных, вечно голодные и босоноги. Сжальтесь над ними, о добропорядочные казаки!

Но "милосердные" и "добропорядочные" казаки были равнодушны к моим мольбам. Они с нетерпением ждали пиршества с отменными шашлыками из свежей свинины. Поэтому двое из них вырвали у меня мешок с генералом Деникиным, ударами ног отбросили метров на десять, а остальные казаки взялись за ножи и шомпола. Я же, глядя на мешок, молча растирал свой зад и со страхом в душе мысленно прощался со своей разнесчастной жизнью.

Тем временем казаки быстро раскрыли мешок и вывалили на землю вместо свиньи... генерала Деникина. Тот с трудом встал на ноги, строго окинул всех ненавистным взглядом и, указав пальцем в мою сторону, повелел им тут же судить меня, партизанского лазутчика, военно-полевым судом.

Казаки хором согласились с генералом, и военно-полевой суд начался без промедления.

Первый казак схватил меня за шиворот и сказал:

- Этого мерзавца следует сжечь на медленном огне и пепел развезть над морем!

Второй казак ударом кулака опрокинул меня на землю и сказал:

- Этого негодяя следует вздёрнуть на дереве и снять с него шкуру, как с барана!

Третий казак стукнул меня по рёбрам и сказал:

- Нет, по-моему, этого паршивца надо утопить в бурном море, тем более что оно буйствует почти у нашего носа!

Но мою судьбу решило мнение четвёртого казака, который сказал:

- Вы как хотите, а я посоветовал бы вам положить этого черномазого в ствол пушки и одним выстрелом разорвать на мелкие кусочки!

Генерал Деникин согласился с ним. Казаки, скрутив мне руки, опустили в жерло пушки, начинённое снарядами, и произвели выстрел. О Боже! Не успел я даже чихнуть, как снаряд выскочил из жерла пушки и полетел прямо в небесное пространство. А я же, хоть верь, хоть нет, очутился на снаряде, будто всадник на спине волшебного жеребца, и летел вместе с ним среди бесчисленных звёзд. По пути, опьянённый радостью и свободой, я хватал их полными горстями, словно сладкие фисташки, и запихивал себе в просторную рубаху.

Но пока я так забавлялся и чудачил, снаряд резко полетел в сторону земной поверхности и с силой врезался в подножье горы Джалган, что высится на западной окраине Дербента. От сильного удара произошёл оглушительный взрыв, воздушная волна приподняла меня снова в воздух, покружила над городом и через четверть часа опустила прямо на плоскую крышу моего дома, где нетерпеливо ждали меня к ужину любимые дети и жена. Клянусь твоей жизнью - так оно и было!

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ШЕЛМУ ПОЛУЧИЛ ПОЛЬЗУ ОТ ЧУЖОЙ ТЁЛКИ

Однажды до меня дошли слухи, что мой достопочтенный сосед собрался резать свою корову. Я пришёл к нему во двор и вежливо сказал:

- Жон* сосед, не режь свою корову! Ведь она через день-два должна отелиться.

- Нет, уважаемый Шелму, - сказал сосед, - я обязательно её зарежу, несмотря на огромный живот. Эта негодная корова даёт молока намного меньше, чем коза счастливого сельчанина. Так зачем же мне такая бесполезная корова? Если она и отелится, то её тёлка будет похожа на свою нерадивую мать. Недаром же в народе говорят: "У бесполезной коровы рождается бесполезный телёнок". Разве не верно, жон Шелму?..

Словом, бестолковый сосед зарезал свою корову и, вызволив из её утробы еле живую тёлку, протянул мне.

- Это тебе как подарок, - сказал он. - Хочешь - свари из нежной телятины жаркое, а хочешь - приготовь холодец!

Клянусь твоей жизнью - так оно и было!

Взял я у соседа почти бездыханную тёлку и принёс к себе домой. Мне стало жаль её, потому что у этой малютки не было во рту ни

одного зуба, а на сморщенном теле - ни одного волоска. В эту минуту она походила на оголённый плод из фруктового сада.

И вот положил я тёлку перед собой, пару раз подул ей в ноздри. Тёлка тут же ожила и вскочила на слабые ножки. Тогда я быстро накинул верёвку ей на шею, из-за отсутствия коровника или сарая завёл её в переднюю комнату и привязал к печной трубе. А чуть позже, положив на своё плечо другую верёвку, отправился я в Араблинку.* Там наш колхоз взрастил сочную кукурузу. Недолго думая, я подрезал столько початков кукурузы, сколько поместилось бы на арбе, взвалил всё это себе на спину, принёс домой и положил возле тёлки.

Рано утром я неожиданно проснулся и увидел - чтоб и твои глаза видели эту радость! - все комнаты почти до половины были заполнены жирным молоком, а наша постель покачивалась на его поверхности, как лодка на волнах Каспийского моря.

Если бы мы с женой и детьми не проснулись вовремя, то, клянусь твоей головой, оказались бы на молочном дне.

Несмотря на такую беду, я не растерялся. Первым делом я погрузился в молоко и поплыл к выходу. И вот, доплыв до закрытой двери, я распахнул её как можно шире и выпустил молоко на улицу. Только чуть позже я сообразил, что эта злосчастная белоснежная жидкость с примесью желтизны от жира вытекает из раздувшегося вымени моей разудалой тёлки, которая за ночь съела все кукурузные початки, как ненасытный аждаха.*

Наконец, когда в комнатах осталось немного молока, я весело крикнул жене:

- Эй, женщина, принеси-ка поскорее всю пустую посуду, что есть в доме, и положи поочередно под вымя нашей необыкновенной тёлке!

Через два часа вся посуда наполнилась молоком. После этого я глубоко призадумался, так как не знал, что делать дальше: танцевать от счастья или плакать от нахлынувшей беды.

Пока я находился в таком состоянии, тёлка начала грызть печную трубу и громко мычать, будто говорила мне: принеси побольше кукурузы.

Поверь, дорогой, от её крика мои уши мгновенно оглохли и сильно разболелась голова. С моей женой стало ещё хуже: она вообще не заходила в дом, лежала во дворе на старом палане и крепко сжимала свои уши ладонями, боясь услышать мычание нашей голодной тёлки.

Вскоре Араблинский колхоз - дай Бог ему изобилия! - узнал от

кого-то о моей беде и, заполнив грузовик кукурузными початками, отправил их по моему адресу.

Мы с шофёром выгрузили сочные початки прямо под нос ревущей тёлке, и та сразу же принялась за еду. Я внимательно посмотрел на неё и понял: если я не успею накормить тёлку кукурузой или сеном, то эта прожорливая тварь съест и меня, и всю мою бедную семью.

Но на помощь снова пришёл Араблинский колхоз, который серьёзно занялся проблемами нашей ненасытной тёлки. После первого грузовика с кукурузными початками он послал ко мне во двор и второй грузовик с цистерной. Через час цистерна была заполнена молоком до самого люка, остальное же вылили прямо на землю.

Вот тогда-то над этими проблемами призадумался весь город. Сначала за дело взялись железнодорожники родного Дербента. В самый короткий срок они провели стальную магистраль от депо до ворот моего двора. С этой минуты каждый Божий день два паровоза подгоняли к моему дому чуть ли не по тридцать-сорок вагонов с огромными цистернами и спустя пять-шесть часов отправляли на молокозавод по несколько вагонов. А там специалисты, проверив качество молока, полученного от моей тёлки, отвозили его в детские сады, школы, больницы, другие города и посёлки.

Вот так, благодаря моей знаменитой тёлке, за очень короткий срок я стал известен во всём Дагестане, потому что обо мне регулярно писали в республиканских газетах и журналах, запечатлев на первых страницах мои фотопортреты, а знатоки всюду говорили, что такого дояра, как я, не найти в целом свете.

Прошли годы. Моя молоконосная тёлка, став усталой коровой, внезапно покинула этот ненасытный мир. Пусть земля ей будет пухом! А через год после её смерти человечество, в том числе и Дагестан, позабыло и меня, и мою драгоценную тёлку. Клянусь твоей жизнью - так оно и было!

АЛИХАН И ПЕРИХАНУМ

В одном из карабахских городов жил-был очень известный купец по имени Хаджи-Саяд. Кроме жены, было у него двое славных детей: сын и дочь. Сына звали Муса, дочь - Периханум. Почти

каждый год богатый и жизнерадостный купец, нагрузив свой верблюжий караван шёлком, крепдешином и бархатом, отправлялся в соседние падишахства* и занимался прибыльной торговлей, а затем, быстро распродав свои товары, возвращался к себе домой с большими деньгами, хотя у него и без них было достаточно золота, серебра и разных драгоценных камней, не считая множества баранов, коров и верблюдов.

Однажды летом Хаджи-Саяд вместе с женой и сыном отправился на поклонение в Мекку, оставив свою единственную дочь на попечение муллы, который прежде, когда Муса и Периханум были ещё подростками, учил их Корану,* арабской истории и письменности.

Тут следует сказать, что Периханум в сравнении с другими девушками слыла во всём Карабахе необыкновенной красавицей. Её чудесное и миловидное лицо светилось мягким лучезарным светом, отчего девушка могла вполне поспорить даже с луной и звёздами.

И вот мулла, проводив Хаджи-Саяда с женой и сыном в путь-дорогу, с радостным сердцем вернулся в дом купца и сразу же начал действовать. Сначала он сладко поговорил с Периханум, а потом, приблизившись к ней, попытался крепко обнять её и поцеловать в губы. Периханум тут же поняла суть его попытки. Поэтому она стремительно отступила назад на несколько шагов, подняла с пола чугунный кувшин и со всей силой обрушила его на голову муллы. Злодей завопил от боли и, открыв дверь комнаты окровавленными руками, быстро выбежал на улицу.

Прошло два-три месяца, и Хаджи-Саяд вместе с женой и сыном решил вернуться из Мекки в родной город. Мулла, узнав о его приближении, сел за стол и глубоко призадумался.

А думал он так: "Если Хаджи-Саяд узнает от Периханум, что я хотел лишить её целомудренности, то сначала опозорит меня на весь город, а потом разрежет своим кинжалом на мелкие кусочки. Надо что-то придумать и отвести от себя неминуемую беду..."

И вот когда Хаджи-Саяд приблизился к городским воротам, мулла, ловко обмотав себе голову полотенцем, вышел навстречу купцу. Приблизившись к нему, он дружески обнял Хаджи-Саяда и поздравил с удачным возвращением в родные края.

Купец удивлённо посмотрел на него и спросил:

- Жон мулла, почему ты обмотал голову полотенцем?

Злодей, смутившись, ответил:

- Потому что твоя дочь Периханум схватила с пола чугунный кувшин и безжалостно обрушила его на мою бедную голову.

Хаджи-Саяд не понял муллу и снова спросил:

- Что же случилось, почему она так жестоко поступила с тобой?

Мулла с минуту помолчал, а затем ответил со вздохом:

- Как только ты отправился на поклонение в Мекку, твоя дочь стала приводить в дом любовников. Узнав об этом, я начал её потцовски ругать и стыдить. Но Периханум раздражённо схватила чугунный кувшин и опрокинула его на мою голову. Аллах тому свидетель, что говорю тебе чистейшую правду!

Выслушав его, Хаджи-Саяд разгневался и сказал сыну:

- Муса, немедленно помчись домой, схвати Периханум за руку, отведи в тёмный лес и принеси мне что-нибудь из её вещей с кровавыми пятнами. Я должен быть уверен, что она убита тобой.

Сказано - сделано. Прискакал Муса домой, молча схватил сестру за руку и повёл в дремучий лес. По дороге Периханум узнала от брата причину такого отношения к себе и умоляюще сказала:

- Брат мой, клянусь Аллахом, я ни в чём не виновата! Прошу, не убивай меня, свою сестру, ибо кровь моя останется на твоей совести!

Муса пожалел Периханум и не стал её убивать. Он только слегка поранил кинжалом её руку, чуть-чуть окровавил девичий платок и положил в карман, чтобы показать отцу, а потом накинул чадру* на голову сестры, привязал её к старому дереву и быстро ушёл домой.

О ком вам рассказать, о чём поведать?

Расскажу-ка я вам о сыне карабахского хана. В то время, когда Муса привязал Периханум к дереву и отправился своей дорогой, сын хана пришёл в этот самый лес, чтобы немного поохотиться. Через полчаса в поисках дичи он оказался возле старого дерева, где горько плакала бедная Периханум. Алихан - так звали сына карабахского хана - с помощью друзей и слуг освободил девушку от веревок, усадил на своего коня и поскакал к ближайшему аулу.

Вскоре конь юноши с быстротой молнии домчал их до небольшого аула, где Алихан подыскал опытного знахаря и попросил вылечить рану на руке необыкновенной красавицы. Знахарь согласился и сразу же принялся за лечение.

До самого излечения раны на руке Периханум Алихан находился возле неё. Девушка подробно рассказала ему, чья она дочь и почему оказалась в дремучем лесу с раной на руке.

Спустя несколько дней Алихан усадил красавицу на своего скакуна и доставил её в ханский дворец. Его родители согласились

на женитьбу Алихана и через неделю сыграли свадьбу.

Прошло шесть лет. Внезапно умер отец Алихана, и юноша стал править обширным, плодородным Карабахом. За эти годы Периханум родила на радость Алихану двух прекрасных сыновей.

Хотя она была счастлива с мужем и весела с детьми, но всё же очень тосковала по родному городу, близким ей людям, особенно - по матери и брату Мусе.

Однажды она с мольбой в голосе обратилась к мужу:

- Жон Алихан, позволь мне с сыновьями отправиться в родной край, чтобы повидаться с родителями и милым братом.

Алихан немного призадумался, а затем, не желая обидеть Периханум, дал своё согласие. Он тут же вызвал к себе везира,* с которым шесть лет назад спас в дремучем лесу раненую Периханум. Везир стал теперь его закадычным другом, и Алихан сказал ему:

- Дорогой друг, отведи сейчас же мою жену с сыновьями к её родителям. Через две недели я сам приеду за ними.

Везир не возражал. Он быстро усадил Периханум с детьми в тарантас, прихватил с собой одного из слуг, попрощался с Алиханом и отправился в путь-дорогу. К вечеру лошади доставили их к лесу, куда они и углубились по велению везира. Там они проехали ещё небольшое расстояние и остановились. Везир с помощью слуги расстелил под деревом новый ковер, положил сверху пуховую подушку, затем помог Периханум с малышами выбраться из тарантаса и усадил на подушку. Только после этого он сказал слуге приказным тоном:

- Отправляйся с лошадьми в ближайший аул, накорми и напои их, а на рассвете возвращайся с ними назад. Понял?

- Слушаю и повинуюсь, - покорно сказал слуга, распряг лошадей, взял их за уздцы и отправился на поиски ближайшего аула.

Тем временем Периханум, сидя на мягкой подушке, положила головку старшего сына на правую ногу, а головку младшего сына - на левую и стала им тихо петь мелодичную песенку. Вскоре дети, сладко чмокнув пухлыми губками, крепко заснули. Следом вздремнула и Периханум.

И вот, когда сумерки уступили своё место мраку и темени, везир бесшумно подкрался к ней и остановился в задумчивости. Тут следует сказать о том, что этот коварный злодей был тайно влюблён в Периханум и давненько поджидал такой удачной минуты, чтобы сойтись с ней в одиночестве. Поэтому он быстро поднял старшего малыша и положил в сторонку, но, когда он взялся за

младшего, Периханум вздрогнула во сне и проснулась. Она испуганно посмотрела на везира и спросила:

- Зачем ты трогаешь моих детей, везир?

Тот злобно засмеялся в ответ и сказал:

- Знай, что в этом полудремучем лесу мы находимся только одни. Поэтому ни одна живая душа не придёт, чтобы защитить тебя и твоих поганых змеёнышей. И если ты хочешь, чтобы они остались живы, то должна эту ночь провести со мной.

Периханум подумала немного и сказала:

- О везир, позволь мне на пару минут сходить за те кусты по надобности, а сам присмотри за моими детьми.

Везир согласился. Периханум быстро углубилась в лес, затем взобралась на высокое дерево и спряталась меж его ветвями. Прошёл час, другой, а Периханум не появлялась. Везир, наконец, понял, что красавица обманула его и спряталась в лесу. Он выбрался на поляну и начал кричать во весь голос:

- Периханум, если ты не вернёшься назад, то я убью твоих детей!

Периханум не отзывалась. Она, конечно, слышала крик везира и его страшные угрозы, но сдерживала себя и не покидала своего убежища. Тогда везир, прорывав от злости, подбежал к малышам с кинжалом в руке, безжалостно отрезал им головы и вместе с окровавленными тельцами выбросил в придорожную яму. А утром, когда слуга вернулся с лошадьми, он вскопил на одну из них и помчался в сторону ханского дворца. Следом поскакал и его слуга.

У ворот их встретил сам Алихан. Он встревоженно посмотрел на везира и спросил:

- О друг, в чём дело? Почему ты вернулся так быстро назад без моей жены и сыновей? Где они? Отвечай же!

Везир соскочил слошади, упал на колени и сказал:

- О повелитель, жить тебе и здравствовать! Шесть лет назад, когда мы с тобой нашли в лесу раненую Периханум, я сразу понял, что она - ведьма, но, боясь твоего гнева, не сказал тебе об этом. И вот в прошлую ночь моя догадка подтвердилась. А было всё так. Когда наступили сумерки, мы углубились в полудремучий лес. Там твоя жена Периханум приказала мне остановить тарантас, а после так закричала, что у меня от страха заныли все кости и чуть не остановилось сердце. Тогда Периханум закричала повторно. Неожиданно со всех сторон появилась туча безволосых чертей. Они мигом схватили твоих бедных сыновей и вместе с Периханум скрылись в темноте. Сколько я ни кричал и ни звал эту ведьму,

никто мне не отвечал. Спроси слугу, если не веришь своему другу.

Слуга согласно кивнул головой и рассказал всё то же, что и везир. Алихан, конечно, не знал, что они сговорились по пути.

Теперь расскажу-ка я вам о красавице Периханум.

На рассвете, как только в лесу появились первые солнечные лучи, Периханум спустилась с дерева на землю, с трудом нашла в придорожной яме окровавленные останки сыновей, поплакала над ними до хрипоты и усталости, а потом, закопав их тут же в яме, побрела к родному городу, где жили её родители и брат Муса.

И вот в полдень, перед тем как выбраться из леса, Периханум услышала громкий собачий лай. Она торопливо вышла из-за деревьев и увидела: на зелёном лугу какой-то незнакомый чабан пасёт отару овец. Подошла к нему Периханум, перекинулась несколькими словами и поняла, что отара принадлежит её отцу, Хаджи-Саяду. Чабан тоже присмотрелся к красавице женщине и по разговору признал в ней саму Периханум. Тогда молодая женщина, обливаясь слезами, доверилась ему без всякой утайки, рассказав о своей печальной судьбе. Выслушав Периханум, чабан привёл красавицу в свою хижину, передел в мужскую одежду, прибрал её прекрасные чёрные косы под папаху, привёл к купцу Хаджи-Саяду и сказал:

- О господин, я привёл к тебе этого трудолюбивого парня. Если желаешь, то возьми его к себе на службу с испытательным сроком.

Купцу Хаджи-Саяду, его жене и сыну Мусе очень понравился "юноша", и с этой минуты Периханум стала работать нукером в родном доме.

Теперь расскажу вам о горемычном Алихане.

Хотя прошло много времени со дня исчезновения красавицы Периханум и двух малолетних сыновей, Алихан не мог забыть их. Наоборот, его тоска по ним ещё больше усиливалась и подталкивала к более решительным действиям.

В один из тёплых солнечных дней Алихан переоделся в одежду дервиша,* повесил на плечо саз и отправился с везиром на поиски любимой жены и детей. Почти полмесяца они бродили по разным городам, аулам и, наконец, добрались до того города, где прежде жила Периханум. Пройдя по старинным улицам и закоулкам, Алихан и его везир остановились у серого двухэтажного дома, окружённого большим фруктовым садом. Они поняли, что нашли дом самого купца Хаджи-Саяда.

Возле калитки Алихан снял с плеча саз и с грустью запел о своей несчастной любви к прекрасной Периханум. Первым его песню

услышал Муса. Он открыл калитку, поговорил с бедным дервишем и пригласил его и спутника к себе в гости.

Увидев их, переодетая в одежду юноши Периханум сразу же узнала своего мужа Алихана и его вероломного везира, который загубил её малолетних детей. Она с трудом сдерживала себя и продолжала вести роль наёмного работника в доме купца.

А между тем в этот день исполнилось ровно семь лет со дня "исчезновения" или "смерти" Периханум. Хаджи-Саяд отправил своего юного нукера к чабану, чтобы тот отобрал из отары самого крупного и жирного барана, зарезал его, освежил и приготовил вкусный поминальный обед. На "поминки" купец не забыл позвать и своего друга - муллу.

Как сказано - так и сделано. В назначенный час все были в сборе. Началась поминальная трапеза. После её окончания Хаджи-Саяд обратился к Алихану:

- Жон дервиш, расскажи нам, пожалуйста, о том, что видел в дороге, и мы выслушаем тебя с вниманием.

Алихан в сопровождении саза поведал присутствующим о различных историях и молча опустил голову.

Купец глубоко вздохнул и обратился к гостям:

- У меня что-то пошаливает сердце и, чтобы я позабыл о боли, расскажите мне самую удивительную историю из вашей жизни. Кто начнёт первым?

- О купец! - воскликнул юноша-нукер. - Если позволишь мне, то я готов рассказать вам такую историю, которая своей необычностью очень отличается от тех, что вы слышали за последний час. Но сначала прикажи твоему верному и преданному чабану встать у выхода и никого не выпускать отсюда.

Хаджи-Саяд выполнил просьбу юноши, и тот начал свой рассказ:

- О ком вам рассказать, о чём поведать? Расскажу-ка я вам о самом известном купце в Карабахе. У него была жена и двое детей: сын и дочь. Сына звали Муса, дочь - Периханум. Как-то раз купец взял с собой жену и сына и отправился на поклонение в Мекку, но до этого он бездумно доверил красавицу дочь своему другу - мулле...

Одним словом, Периханум поведала гостям о своей тяжёлой судьбе, а потом, закончив свой рассказ, скинула с головы папаху, распустила по плечам чёрные шелковистые косы и, глядя в упор на Хаджи-Саяда и Алихана, задорно сказала:

- Та несчастная красавица Периханум - это я!

От неожиданности все были поражены. Первыми пришли в себя Хаджи-Саяд, его жена, Муса и Алихан. Они мгновенно вскочили на ноги, подбежали к Периханум, крепко обняли её и прослезились от радости.

Тем временем мулла и везир задрожали от страха. Словно испуганные крысы, они прижались друг к другу. Алихан грозно посмотрел на них и приказал чабану отрубить им головы. Через пять минут всё было исполнено в точности с приказом.

Вскоре на радостях Хаджи-Саяд позвал к себе верного чабана и подарил ему ту самую отару овец, которую тот охранял, а Алихан наполнил его папаху крупными золотыми монетами.

Погостив у купца сорок дней и сорок ночей, Алихан и Периханум вернулись в свои края и в тот же час раздали половину казны нищим и беднякам. А второй половины им хватило до глубокой старости. Всю дальнейшую жизнь они провели в кругу своих многочисленных детей и внуков. Чего желаю и себе, и вам!

КАКАЯ ПОЛЬЗА ОТ ВИНА?

Как-то раз падишах* спросил у везира:

- Скажи мне, какая польза от вина?

- Не знаю, повелитель, - ответил везир.

Рассердился на него падишах и сказал:

- На размышление даю тебе сорок дней и сорок ночей. Если не ответишь на мой вопрос, велю отрубить тебе голову.

Пригорюнился везир, но делать нечего: надо найти ответ на вопрос падишаха. Попроштался он с женой и детьми, сел на своего скакуна и отправился в путь-дорогу. За месяц везир проскакал через много падишахств, спрашивал встречных мудрецов, израсходовал все свои деньги, но так и не смог найти ответа на вопрос падишаха. А до конца назначенного повелителем срока осталось очень мало времени. Он махнул на всё рукой и решил вернуться домой, чтобы ждать своей печальной участи.

И вот по пути в родные края везир оказался в одном незнакомом городе, на окраине которого стоял огромный каменный дом с широкими окнами. Возле дома протекала горная речка, через неё был перекинут деревянный мост. Прошёлся везир по этому мосту, остановился и, внимательно взглянув в сторону каменного дома,

заметил, что из одного окна выглядывает тридцатипятилетняя женщина-красавица, а из других окон - несколько девушек-инчегузов.* Он вздохнул и зашагал дальше.

Женщина-красавица тоже заметила везира и очень удивилась тому, что странник, держа скакуна под уздцы, идёт по мосту с низко опущенной головой. Она пожала плечами и подумала: "Странник почему-то опечален. Надо выяснить в чём дело".

- Милые мои, - сказала она инчегузам, - сходите побыстрее к мосту и, как только странник приблизится к вам, скажите ему, что хозяйка дома приглашает его в гости.

- Слушаем и повинемся, - сказали инчегузы и быстро покинули комнату своей повелительницы.

В то время, когда девушки подходили к мосту, везир был уже рядом. Он прошёл мимо них, чуть не задев плечом. Инчегузы смущённо остановили его и передали просьбу своей госпожи.

- О красавицы, - сказал везир в ответ, - передайте вашей госпоже, что я не могу принять её приглашения, потому что не хочу своими горестями омрачить её хорошее настроение.

Но девушки-инчегузы твёрдо стояли на своём:

- О добрый странник, наша госпожа накажет нас, если мы вернёмся назад, не выполнив её просьбы.

Посмотрел везир ещё раз в сторону окна. Хозяйка дома стояла по-прежнему на том же месте и призывно махала ему белоснежным платком. Он и подумал: "Если бы эта женщина не была так гостеприимна, то не стала бы приглашать меня настойчиво. Ничего не поделаешь, надо идти".

Как только везир вошёл во дворец, девушки-инчегузы ответили его скакуна под навес, дали коню корма и воды, а после взяли гостя за руки и повели в комнату своей госпожи.

Молодая женщина приветливо встретила везира и сказала ему:

- Жон кунак, садись за стол и поешь с нами.

Везир отрицательно покачал головой и сказал:

- О красавица, благодарю тебя за доброе внимание ко мне. Но я так обижен на этот мир, что даже самая вкусная пища не проходит через горло. Да и сам я дал клятву не прикасаться к еде до тех пор, пока не выполню приказа падишаха.

- Ещё издала я поняла, что ты, жон кунак, чем-то озабочен, - сказала хозяйка дома. - Не скажешь ли ты, в чём дело?

Подумал немного везир и ответил:

- О госпожа, недавно вызвал меня мой падишах и спросил: "Скажи мне, какая польза от вина?" Я просто ответил: "Не знаю,

повелитель“. Тогда он дал мне на разгадку ровно сорок дней и сорок ночей. С тех пор прошло три четверти этого срока. За это время я исходил более десяти падишахств, расспросил многих встречаемых мудрецов, израсходовал все свои деньги, но так и не узнал, какая польза от вина. А ведь через неделю истечёт срок разгадки и падишах отрубит мне голову.

Хозяйка дома усадила гостя за стол и ласково сказала:

- Жон везир, только я могу спасти твою голову. Поэтому не думай больше о приказе твоего падишаха, лучше ешь, пей и отдыхай с нами. Чуть позже я расскажу, какая польза от вина.

Согласился везир на условия красавицы и принялся за еду. Насытившись, он сел на мягкий ковёр, и хозяйка дома начала свой рассказ:

- Теперь послушай, дорогой везир, что произошло со мной из-за этого проклятого вина. Родилась я в семье богатого купца. Нас было у родителей только двое: я и мой брат. Отец и мать умерли, когда мы были ещё маленькими. Мой брат рос спокойным и стеснительным. С раннего возраста он пил лишь соки и ароматный чай. Даже в юношеские годы он ни разу не коснулся вина. И вот как-то глубокой ночью брат вернулся домой сильно пьяным. Ворвавшись в мою спальню, он поднял меня на руки и, шатаясь, понёс к своей кровати. Там брат сорвал с меня ночное платье и, подмыв под себя моё оголённое тело, грубо выкрикнул:

- Ты должна со мной переспать, иначе я тебя убью!

Я оттолкнула его, как могла, и стала умолять:

- Что ты говоришь, брат мой? Я ведь твоя родная сестра! Нам по адату* не положено быть мужем и женой!

Но брат меня плохо слышал. Он всё сильнее и сильнее раздвигал мои ноги в стороны и, наконец, добился своего. А утром, проснувшись очень рано, ласково сказал мне:

- Жон сестра, пожалуйста, принеси мне таз и кувшин с водой: я хочу помыться. Ты прости, но у меня болит всё тело от вчерашнего вина.

В это время я сидела у окна и тихо плакала. Брат удивлённо посмотрел на меня и спросил:

- Почему ты плачешь, сестра? Кто посмел тебя обидеть?

Я вытерла слёзы, опустила глаза к полу и ответила:

- Брат мой, вчера ты сделал меня своей женой, а сегодня делаешь вид, что ничего не знаешь. Где же теперь твои честь и совесть?

Услышав мои слова, он покраснел до корней волос и недоумённо спросил:

- Вах,* какая честь? Какая совесть? Сестра, что ты говоришь? Этого быть не может!

- Всё можно ожидать от того, кто подружился с вином! - воскликнула я. - Вчера ты пришёл от друзей пьяным, ворвался в мою спальню и, подняв на руки, понёс к своей кровати. Там ты сорвал с меня ночное платье и надругался над моим телом.

- О Господи, что я наделал, жон сестра! - прервал меня брат и схватился за голову. Потом он вскочил с кровати, снял со стены старинную пику, выбежал из комнаты и спустился в подвал.

Через час я последовала за ним и увидела: брат лежит на полу с пронзённым пикой животом. Я упала на колени, распустила волосы и стала оплакивать бездыханное тело, а в полночь выкопала тут же, в подвале, могилу и похоронила его.

Прошло несколько месяцев. Мой живот начал округляться. Я тогда прослезилась и подумала: "Что мне делать? Как же с таким животом показываться на людях? Ведь скоро наступит такое время, когда нельзя будет выходить даже за порог дома. О Боже, спаси меня, горемычную, от позора!"

Но мне никто не помог. Я же не выходила на улицу и все остальные месяцы до родов. Даже ни разу не вызвала знахарку. "Лучше умру без свидетельницы", - решила я. Но я не умерла. Всевышний пожалел меня, сироту, и я в положенное время родила крупного мальчика.

И вот когда миновало три года, мой малыш подрос и стал бегать по всем комнатам. Я смотрела ему вслед и думала: "Сейчас моё дитя ещё бегает по дому. А ведь через год-два он уже будет проситься во двор, а затем на улицу. Куда я тогда денусь от позора? Нет, лучше я убью его и выброшу в речку, что течёт вблизи моего дома".

Как задумала, так и сделала. Ночью я ударила маленьким топориком малыша по головке и тайком от людей выбросила его в речку. Прошла неделя. Я вышла на улицу и по приветливым лицам знакомых поняла, что они ничего не знают. Я немного успокоилась и стала жить так, как жила при жизни покойного брата.

Пролетели год за годом ещё семнадцать лет. В один из тёплых летних дней прибежали ко мне мои инчегузы и сказали:

- Госпожа! В нашем городе открылась новая лавка. В ней есть всё, что твоя душа пожелает. А главное, там товар намного дешевле, чем в других лавках.

Выслушала я их и приказала:

- Сейчас же приготовьте тарантас. Надо кое-что купить для

праздничных нарядов.

Приехала я вскоре на центральную улицу со своими девушками-инчегузами. Войдя с ними в новую лавку, изумилась: на длинных полках лежали такие красивые куски атласа, шёлка, сатина, бархата и ситца, каких я не видела до сих пор. Сам хозяин лавки стоял за прилавком и с улыбкой смотрел на нас. Я взглянула ему в глаза и запыхалась к нему сильной любовью. Поэтому, чтобы подольше постоять рядом с ним, я стала покупать даже те отрезки, которые не были нужны мне для праздничных нарядов. Но тут, заметив любопытные взгляды покупателей, я попрощалась с хозяином лавки и поехала с инчегузами домой.

Через день я снова посетила эту лавку, но поговорить по душам с молодым купцом так и не удалось: было очень многолюдно.

“Нет, - подумала я, - надо что-то придумать, не то я умру от любви к нему”.

И вот вечером я села за свой столик и написала письмо из восьми слов. В нём было сказано: “Завтра в полдень приходи ко мне в гости”.

И в тот же час моё письмо было доставлено в лавку купца.

Ровно в полдень следующего дня юноша пришёл ко мне в дом. Я провела его прямо в свою комнату, крепко поцеловала в пухлые губы и страстно сказала:

- Милый мой, зачем тебе эта лавка? Женись на мне и стань хозяином всех моих богатств!

Юноша согласился, и спустя неделю мы поженились.

Прошло шесть месяцев. Как-то вечером он заглянул в мою спальню, опустил свою голову на мои колени и ласково попросил:

- Пожалуйста, почесши мою голову!

Стала я чесать его голову. Мои пальцы попали в какое-то узенькое углубление, в котором поместилось бы целое воронье яйцо. Я удивилась и спросила:

- Любовь моя, отчего у тебя такой глубокий шрам на голове?

Вот что он ответил:

- Когда мне исполнилось три года, я жил со своей матерью точно в таком же доме, как этот. Отца у меня не было - не знаю почему. Но мать меня очень любила и всячески заботилась о моём здоровье. И вот однажды она без всякой причины схватила маленький топорик и ударила по моей головке, а затем тайком от чужого взора выбросила меня в речку, где быстрое течение подхватило моё тельце и понесло неведомо куда. Оно несло меня до тех пор, по-

ка я не застрял между колёсами водяной мельницы. На моё счастье, мельник в это время находился рядом. Он высвободил меня из-под колёс, бережно подняв на руки, понёс в свой дом и начал лечить мою рану. Чуть позже мельник и его жена усыновили меня, стали кормить и воспитывать, как будто я был их родным сыном. Прошли годы. Мельник и его жена умерли, всё их состояние досталось мне. Вскоре я продал дом, мельницу, имущество, приехал в ваш город и открыл лавку, где мы полгода назад впервые встретились с тобой. Вот и вся история этого шрама, жон красавица!..

- Эллек!* - вырвалось у меня. - Ты же мой сын!

И я рассказала юноше обо всём, что случилось со мной из-за моего пьяного брата.

Юноша выслушал мою исповедь, приподнялся на ноги, сорвал со стены обоюдоострый кинжал и торопливо спустился в подвал. Позже спустилась и я. Там на полу я увидела его пронзённое кинжалом тело. Распустив свои волосы, я поплакала над мёртвым юношей, а когда наступила полночь, похоронила его там же, где покоился прах моего брата или же отца моего сына...

Закончив свой рассказ, прекрасная госпожа провела везира в подвал и показала две могилы.

- Справа от нас, жон везир, - сказала она, - могила моего первого мужа, который был моим родным братом, а слева - могила моего второго мужа, который был моим сыном и родным племянником. Теперь, дорогой везир, можешь смело вернуться к своему падишаху и ответить на его вопрос. Ты же сам видел, какая польза от вина!..

ВИНА МАТЕРИ

Как-то вечером слуги падишаха проходили по улицам и базарам столицы, выкрикивая во весь голос:

- Жители города! Завтра в полдень, когда солнце достигнет зенита, на дворцовой площади будет всенародно казнён самый неисправимый вор и мошенник! Приходите все!..

На следующий день, как только солнце приблизилось к зениту, любопытные горожане столпились в центре дворцовой площади и стали терпеливо ждать начала казни. Ждать им пришлось недолго.

И вот, наконец, на высокий помост поднялся сам падишах в сопровождении везиров, векилов* и других придворных вельмож. Заняв своё место, он резким движением рук приказал палачу вывести преступника из подземелья и подготовить его к совершению правосудия.

Сказано - сделано. Вывел палач из подземелья двадцатилетнего однорукого юношу в белом саване, подвёл к крепкой деревянной виселице и быстро накинул ему на шею намыленную петлю.

После этого падишах грозно посмотрел на вора и сказал:

- Если у тебя есть последняя просьба, говори! Я готов её выполнить.

Юноша выпрямил худые плечи и обратился к падишаху:

- О повелитель, перед тем как я покину этот мир, позволь мне на прощание обнять свою мать и попросить у неё прощения.

Кивком головы падишах согласился. Тогда из толпы выбралась пожилая женщина и вплотную подошла к сыну. Юноша трепетно прижал её к своей груди и со слезами на глазах сказал ей:

- Милая мамочка, дай напоследок поцеловать твой язык!

Мать с радостью высунула язык и приблизила к губам сына. Юноша, почувствовав язык матери у себя во рту, крепко сжал его зубами и не отпускал до тех пор, пока не отгрыз ей пол-языка.

Над дворцовой площадью разнёсся душераздирающий крик бедной женщины. От неожиданности падишах вскопчил на ноги и застыл на месте. Везиры, векилы, придворная знать стремительно бросились вперёд и готовы были разорвать преступника на мелкие куски. Но падишах вовремя пришёл в себя, поднял вверх свой жезл и заставил всех утихомириться. Когда же над площадью застыла полная тишина, он приказал палачу подвести вора к подножию помоста. Палач так и сделал. Подвёл юношу поближе к помосту и встал сбоку от него с острой саблей в руке. Падишах сурово взглянул на преступника и спросил:

- О неисправимый мошенник и вор, как ты смел отгрызть язык у своей родной матери? Чем она провинилась перед тобой, негодяем, чтобы нанести ей такую жестокую рану?

Юноша низко поклонился повелителю и ответил:

- О великий падишах, до такого унижительного и страшного дня, как нынешний, меня довела моя мать, а вернее - её молчаливый язык. Вот как это было. В трёхлетнем возрасте я лишился отца. Без него мы с матерью жили очень бедно, почти впроголодь. Тогда я был очень честным и послушным мальчиком. И вот однажды я

вышел на улицу, стал играть с ребятами в прятки. Играя, я забежал в соседский курятник и, закрыв за собой дверь, слегка притих. Затем через минуту оглянулся по сторонам и увидел в плетёной корзине пару куриных яиц. Вначале я засомневался: брать или не брать. Но жуткий голод мгновенно одолел моё сомнение. Я тут же схватил эти яйца, положил в карман. Прятки закончились, и я пошёл домой. В это время моя мать находилась в прихожей. Я протянул ей эти проклятые яйца, вопросительно взглянув на неё. Но мать положила их в шкаф и промолчала. Казалось, что она была без языка. Прошла неделя, и я начал заниматься воровством. Сначала я украл голосистого петуха у одного соседа, затем - телёнка у близкого родственника. Мать обо всём знала и продолжала молчать, будто проглотила язык. Тогда я почувствовал полную свободу и ежедневно что-нибудь крал. Конечно, я не был неуловимым воровом: меня ловили дважды и столько же наказывали. В первый раз палач отрезал мне полностью все пять пальцев левой руки, а во второй раз - всю руку. Но я не бросил своего "воровского ремесла": продолжал красть правой рукой, уже не в силах был сдержат себя. Теперь я пойман в третий раз, приговорён к смертной казни. Пусть моя мать смотрит на вздёрнутое тело своего сына и, наконец, сделает вывод, что это её бесконечное молчание довело меня до виселицы. Вот и всё, повелитель. Отныне тебе хорошо известно, почему я отгрыз пол-языка у своей родной матери. Мне тут нечего ни прибавить, ни убавить. Поступай со мною по совести. Я готов принять смерть от рук палача!..

Выслушал падишах юношу, с грустью посмотрел на пожилую женщину и призадумался. Он осознал её вину, но наказывать не стал, ибо она уже была наказана собственным сыном.

- О женщина, - сказал он наконец, - отныне ты должна строже относиться к поступкам своего единственного сына, которого я отпускаю на свободу. Не позволяй ему больше идти кривой дорогой - дорогой вора и мошенника. Будь же, милая, матерью, а не бездушной мачехой!

ПАДИШАХ И ЖЕНА ПРИБЛИЖЁННОГО

Однажды падишах одной страны узнал о том, что в таком-то городе его падишахства живёт женщина необыкновенной красоты, и тут же решил воочию убедиться в этом. Мигом переодевшись

в одежду дервиша, он отправился в тот город, нашёл двор красавицы и, притаившись за углом соседнего дома, стал терпеливо ждать её появления. Вскоре это произошло: по какой-то надобности женщина вышла на улицу, остановилась у калитки. Падишах осторожно выглянул из-за угла и видит: женщина и вправду очень красива; такой, как она, нет в его большом гареме. Он внимательно присмотрелся к лунообразному лицу, кипарисовому стану красавицы и сразу же в неё влюбился.

И вот, вернувшись к себе во дворец, падишах начал усиленно думать, как без подозрения завоевать эту необыкновенную красавицу, сделать своей женой.

День думал, два думал и всё-таки нашёл выход. По его приказу мужа этой женщины назначили градоначальником столицы падишахства, через неделю - начальником всей дворцовой стражи, а через месяц - первым приближённым самого падишаха.

Тут надо сказать, что красавица, о которой идёт речь, была не только прекрасной женщиной, но ещё мудрой и верной женой. Видя, как её муж с каждым днём возвышается над другими вельможами падишахства, она сразу же догадалась, что это всё делается повелителем лишь затем, чтобы как можно скорее приблизить её к себе и хитростью побудить к сожительству.

Как-то раз падишах пригласил всех своих вельмож с жёнами к себе в гости. Такое же приглашение получил и муж красавицы, который к тому времени был назначен главным везиром.

Сказано-сделано. Привёл главный везир свою красавицу жену во дворец и тут же представил её падишаху.

Влюблённый повелитель ласково усадил женщину рядом с собой, завёл с нею мирную беседу и спустя полчаса хитровато дал понять, чего от неё добивается. Красавица и без того поняла его намёк, но прежде чем дать ему ответ, вежливо попросила падишаха позволить ей рассказать всем присутствующим небольшую поучительную притчу. Повелитель улыбнулся и кивком головы выразил своё согласие.

Красавица усмехнулась в свою очередь и начала так:

- Однажды лев - повелитель всех зверей - вышел в лес на охоту. А время было зимнее и холодное. Лев долго бродил между деревьями и к вечеру до того проголодался, что с наступлением сумерек уже не имел никаких сил продолжать дальнейшую охоту. Он понуро опустил голову, чуть призадумался и, найдя тропу, вскоре оказался на окраине незнакомого аула. Там, на заснеженном лугу, повелитель зверей присмотрелся и видит: по растоптанной

людьми тропке бродит беспечно тучный баран с огромным, как жернов, курдюком. Лев, недолго думая, собрал последние силы и, бросившись на барана, ударом могучей лапы повалил его в сугроб. Но перед тем, как убить свою добычу, он решил вначале попробовать немного курдючного жира. Для этого лев повернул курдюк внутренней стороной и только хотел приняться за еду, как заметил на жирной желтоватой коже еле заметный шрам от почти зажившей раны. Он удивился и строго спросил свою жертву: "Эй, баран, кто тебя укусил за курдюк?" Баран подумал и ответил: "О великий падишах всех зверей на земле, в конце осени, когда на берегу ручья я утолял жажду, неожиданно из-за скалы выскочил голодный шакал, набросился на меня и оторвал от курдюка небольшой кусок. Тот шрам, что ты сейчас видишь, - это след его вонючих зубов". Выслушав барана, лев безразлично посмотрел на него в последний раз, выпустил из лап жирный курдюк, громко фыркнул и отскочил от своей добычи как можно дальше. Несмотря на страшный голод, он, видимо, решил, что есть пищу, которую опоганил какой-то мерзкий шакал своими гнилыми зубами, хуже всякого унижения...

Едва мудрая красавица закончила свою притчу, падишах быстро понял что к чему и после минутной паузы сказал женщине:

- О милая красавица, возвращайся к своему мужу целой и невредимой! Чем я хуже льва - повелителя зверей? Думаю, ничем! Как и лев, я не хочу дотрагиваться до чьих-то объедков. Иди с миром!..

НЕ БЕРИСЬ ЗА ДЕЛО, ЧТО СВЕРХ ТВОИХ СИЛ...

Жили-были два брата. Хотя у них были общие родители, отличались они друг от друга умом и характером. Старший брат был шустрый, весёлый и плутоватый. Он мог так умело наврать, что старые и молодые сельчане, слушая его, думали, что он говорит правду. Младший же брат был по натуре совсем другим. Если он рассказывал о правдоподобных вещах, то земляки не верили ему и всенародно говорили, что он врун и обманщик. Первого брата любили и уважали, а второго гнали от себя подальше.

Как-то раз младший брат решил так: "Отныне я буду рассказывать сельчанам одни небылицы и чушь. Может быть, после такого вранья они поверят мне и полюбят, как моего старшего брата. Ох,

как хочется, чтобы люди уважали меня и верили! Доверие джамаата* - превыше всего!..“

Сказано - сделано.

И вот однажды, когда старший брат возвращался с фахлебазара,* он застыл на месте от неожиданности, потому что увидел: у ворот их дома собрались возбуждённые сельчане и с гневом кого-то ругают.

Сердце юноши от тревоги ёкнуло и защемило. Он подбежал к землякам, растолкал несколько человек в разные стороны и мгновенно оказался посреди толпы, где дюжина уважаемых людей окружила младшего брата полукольцом, что-то горячо доказывая ему. Увидев старшего брата, они чуть укоротили прыть и стали задавать вопросы младшему брату. Один спросил:

- Не считаешь ли ты нас за идиотов, заправляя нам мозги разными небылицами?

Другой спросил:

- Не сошёл ли ты с ума, дурачок? А может быть, плутовство - твоё ремесло?

Третий же сельчанин покачал седой головой и сделал вывод:

- Ты, дорогой мой, до того заврался, что трудно поверить твоим словам!

Выслушал их старший брат и сразу понял, что младший брат неумело обманул земляков небылицей. По его просьбе сельчане рассказали: младший брат доказывает им, что недавно, мол, видел в облаках щенят, которые летали, как птицы, и дружно лаяли на него.

Юноша усмехнулся и решил выручить младшего брата из беды.

- Джамаат, - обратился он к землякам, - я тоже неделю назад видел такое чудо. Однажды вечером я шёл по горной тропе и среди облаков увидел огромного орла. Он крепко держал в когтях двухмесячного щенка и, разрезая широкими крыльями плотный воздух, летел к высокому утёсу, где его с нетерпением поджидали голодные орлята. А тем временем испуганный щенок визжал, лаял от страха и боли. Теперь скажите мне, добрые люди, может ли быть такое на самом деле?

Сельчане посмотрели друг на друга и ответили:

- Да, такое чудо может, конечно, случиться. А раз так, значит, твой брат рассказал нам чистую правду, но мы его не поняли. Пусть он простит нам эту ошибку.

Вскоре все разошлись по своим делам. Когда братья вошли в дом, старший брат сказал младшему:

- Милый мой, не берись за дело, что сверх твоих сил, а не то опять попадешь в беду!

“ДОБЫЧА” МОЛЛЫ НАСРЕТДИНА*

Однажды Молла Насретдин, схватив сороку за хвост, отправился на охоту. В полдень он оказался на окраине села, где находился зелёный луг, и видит: чья-то буйволица привязана к дереву и щиплет сочную траву. Недолго думая, Молла выпустил сороку на волю. Она немного покружилась над лугом и опустилась прямо на спину буйволице.

- С этой минуты буйволица принадлежит мне! - воскликнул Молла, подбежал к скотине, отвязал от дерева, привёл к себе во двор и привязал к столбу с навесом.

Хозяин буйволицы, узнав от сельчан, что его скотину увёл Молла, пришёл к судье и пожаловался на Моллу. Судья тут же вызвал виновника в диван-хану* и строго спросил:

- О Молла, зачем ты украл буйволицу этого уважаемого человека? Тебе же известно, что по закону гор за первое хищение вор должен быть лишён одной руки!

На это Молла ответил так:

- Клянусь твоей жизнью, судья, я не крал буйволицы этого уважаемого человека! Она досталась мне во время охоты на лугу, где я выпустил на волю свою сороку, которая покружилась немного в воздухе и села на спину этой скотине. А как известно, в нашем падишахстве есть закон: если сокол или сорока сели на спину любому зверю, то зверь становится добычей охотника. С этой буйволицей случилось то же самое, жон судья!

Потом он подошёл поближе к вершителю закона и тихо сказал ему на ухо:

- Если выдашь свидетельство, что буйволица принадлежит мне, то каждый день получишь от меня по жбану сливочного масла. Договорились?

Судья одобительно моргнул Молле и сказал хозяину скотины:

- Дорогой земляк, твоя бывшая буйволица по законам нашего падишахства принадлежит Молле Насретдину, потому что она досталась ему во время охоты. А это воровством не считается.

Хозяин буйволицы не стал спорить с судьёй и с разбитым серд-

цем покинул диван-хану. Вскоре ушёл и Молла, положив в карман заверенное удостоверение.

Вечером следующего дня Молла Насретдин взял с полки глиняный жбан, заглянул под навес, где буйволица освободилась от переработанной пищи, наполнил жбан помётом, сверху положил несколько кусков сливочного масла и отправился к судье.

Тем временем жена судьи пекла в тонуре* румяные чуреки.* Молла вошёл во двор, поздоровался с хозяином дома, поставил жбан на стол и быстро удалился. Судья радостно подошёл к посудине со сливочным маслом и сказал жене:

- Эй, женщина, принеси сюда один чурек! Мне поскорее хочется попробовать этого масла. Ведь недаром же я вчера вынес решение в пользу уважаемого Моллы Насретдина.

Жена судьи с улыбкой принесла остывший чурек, положила перед мужем и ласково сказала:

- Ешь на здоровье, дорогой!

Судья одобрительно кивнул головой, свистнул себе под нос знакомую мелодию, отломил кусок чурека, намазал сливочным маслом и принялся за еду. Одолев один кусок, он отломил другой и придвинул жбан поближе к себе. Вдруг неприятный запах ударил ему в нос. Судья с удивлением взглянул в жбан и видит: под тонким слоем сливочного масла лежит толстый слой свежего помёта. Крик ужаса вырвался у него из груди. Он ничего не сказал жене и быстро побежал со двора.

Не прошло и пяти минут, как судья ворвался в дом Моллы. Подавив в себе ненависть, он вежливо поздоровался и хитровато сказал:

- Жон Молла Насредин, в том удостоверении, что я выдал тебе вчера, вкралась небольшая ошибка. Верни мне его на минутку!

В ответ Молла засмеялся и сказал:

- Клянусь твоей жизнью, судья, в удостоверении нет ни одной ошибки. Настоящая ошибка вкралась в глиняный жбан со сливочным маслом, что я принёс тебе недавно за удостоверение, в котором ты присвоил мне чужую буйволицу. А теперь ешь это масло с ошибкой и береги своё драгоценное здоровье!..

ИЧ ЗАД...*

В некотором селении был у одной женщины слабоумный муж, которого сельчане прозвали Хомотом,* начисто позабыв его настоящее имя.

Как-то раз Хомот быстро встал с постели, переоделся в праздничную одежду и решил отправиться в город, чтобы купить себе новую каракулеву папаху. Но прежде чем покинуть родной дом, он подошёл к жене и спросил:

- Эй, женщина, что тебе купить в городе?

Жена с усмешкой ответила:

- Купи для меня "ич зад". Смотри, не забудь, как называется мой заказ. Понял, муженёк?

- Да, милая, - сказал Хомот и тут же покинул дом.

Очутившись за калиткой, он прикрыл её, повернул в сторону города и по дороге начал громко шептать:

- Ич зад!.. Ич зад!..

Прошло полчаса, и Хомот оказался возле перепаханного поля, где увидел пахаря с небольшой торбой на груди. Пахарь шёл по полю и весело разбрасывал крупные пшеничные зёрна. Хомот прошёл мимо него и, позабыв обо всём на свете, стал выкрикивать:

- Ич зад!.. Ич зад!..

Услышав это, пахарь разгневался на него, крепко схватил за ворот рубахи и начал безжалостно бить его массивными кулаками.

- Эй, пахарь, - сказал Хомот удивлённо, - что я сделал недозволенного, чтобы терпеть твои кулаки?

Пахарь немного успокоился и ответил:

- Я разбрасываю по полю пшеничные зёрна, а ты проходишь мимо меня и орёшь во всё горло: "Ич зад!.. Ич зад!.."

- А что же я должен кричать?

Пахарь выпустил ворот Хомота и назидательно сказал:

- Ты должен кричать: "Пусть вместо одного станет сто!"

Хомот согласно кивнул головой, попрощался с пахарем и, продолжая путь, начал громко повторять:

- Пусть вместо одного станет сто!.. Пусть вместо одного станет сто!..

Говоря так бесконечно, он вскоре очутился на окраине незнакомого села и увидел, как группа мужчин идут на кладбище, печально опустив головы, и несут на плечах носилки с покойником. Хомот уставился на них и начал тихо говорить:

- Пусть вместо одного станет сто!..

Те, что шли самыми последними, услышали эти слова и тут же с гневом набросились на Хомота.

- Эй, люди! - завопил Хомот, почувствовав увесистые кулаки. - Зачем вы меня избиваете? Что плохого я сделал вам?

Сельчане прекратили избиение и ответили:

- Ты хорошо видишь, что мы несём покойника на кладбище. И что же? Ты стоишь и шепчешь про себя: "Пусть вместо одного станет сто!"

- А что же я должен говорить? - удивлённо спросил Хомот.

Сельчане пожалели его и нравоучительно подсказали:

- Ты должен стоять с печальным лицом и тихо говорить: "Пусть на ваши головы не грянет такая беда!"

- Хорошо, - согласился Хомот, отправился своей дорогой, то и дело повторяя: - Пусть на ваши головы не грянет такая беда!..

И вот через час он оказался в другом селе. Тут он остановился и увидел на одной из главных улиц свадебное шествие. Несколько молодых людей сопровождают юного жениха с музыкой и приданым для невесты. Они все смеются и радостно танцуют. А те, что идут последними, вдруг слышат, как Хомот печально говорит:

- Пусть на ваши головы не грянет такая беда!..

Разгневались они тогда на чужака, дружно повалили его на землю, стали избивать ногами и руками, но Хомот всё же вырвался и спросил:

- Вы всех проходящих так избиваете?

- Нет, - ответили сельчане, - мы очень гостеприимные люди. Как ты видишь, у нас свадебное шествие, а ты стоишь и печально говоришь: "Пусть на ваши головы не грянет такая беда!.."

- Что же я должен говорить? - недоумённо спросил Хомот.

- Ты должен, - объяснили ему сельчане, - с нами радоваться и кричать: "Харс!..* Харс!.."

Хомот согласился с ними и дал слово, что отныне он будет говорить так, как от него требуют. Сельчане пожали ему руку и отпустили на все четыре стороны. Хомот побежал своей дорогой и начал весело кричать:

- Харс!.. Харс!..

Прошло четверть часа, и он встретил по пути человека, который приручал крепкого необъезженного жеребёнка. Тот не заметил Хомота и, вскочив на скакуна, схватился за вожжи.

Тем временем Хомот встал перед самой мордой жеребёнка, засучил рукава рубахи, захлопал в ладоши и начал весело кричать:

- Харс!.. Харс!..

От неожиданности жеребёнок испугался и приподнялся на задние ноги. Всадник, не удержавшись, упал на землю. Потом, быстро вскочив на ноги, бросился на бедного Хомота и огромными кулачищами начал мять ему худые бока.

Хомот заорал от боли и непонимающе спросил:

- За что ты меня лупишь? Я же не виноват, что твой норовистый жеребёнок сбросил тебя на землю. Ведь это получилось машинально. Когда я увидел вас в хорошем настроении, мне стало радостно, поэтому я захопал в ладоши и закричал: "Харс!.. Харс!.." А что же я должен был делать?

Всадник пояснил:

- Когда ты увидел, что я укрощаю жеребёнка, то должен был притаиться и уйти незаметно. Понял?

- Да, - сказал Хомот и пообещал так поступить в будущем.

Всадник пожалел его и отпустил с миром.

Вскоре Хомот приблизился к городу и видит: двое мужчин - старый и молодой - идут по лугу и что-то внимательно разыскивают. Эти мужчины были отец и сын. Они потеряли своего осла и целый день шли по его следу.

Хомот, конечно, не знал об этом. Он испуганно упал на травянистую землю, плотнее прижался к ней и, извиваясь змеёй, начал отползать в противоположную сторону. Но отец и сын заметили его, решив, что это и есть тот, кто украл их осла. Закричав от злости, они догнали Хомота, крепко скрутили ему руки и повели к городскому судье.

На счастье Хомота, судья оказался разумным и честным человеком. Он внимательно выслушал хозяина осла, потом - злоключения слабоумного Хомота и, поняв, что тот ни в чём не виноват, отпустил его на свободу.

С той минуты Хомот не стал рисковать жизнью. Пощупав синяки под глазами и на всём теле, он поплёлся к родному селению. Поздним вечером, чуть прихрамывая на одну ногу, вошёл Хомот в свой дом и тут же повалился на топчан.

Жена подошла к нему и с улыбкой спросила:

- Эй, муженёк, что ты принёс для меня из города?

Хомот со стоном схватился за бока и кисло ответил:

- Клянусь здоровьем твоего отца, кроме этих синяков и ссадин, я ничего не смог принести из этого проклятого города!

ЗМЕЯ И КРЕСТЬЯНИН

У одного крестьянина на окраине села был фруктовый сад. Посреди этого сада шелестел зелёными листьями высокий туютник. Там между ветвями жила огромная змея. Своим грозным шипением она отпугивала непрошенных гостей и помимо хозяйна и его единственного сына никого не впускала в сад.

Из-за этого крестьянин уважительно относился к верному стражу, каждое утро приносил змее миску свежего молока и ставил у подножия туютника.

Змея мгновенно сползала с дерева, доверчиво выпивала содержимое миски и, свернувшись в кольцо, мирно засыпала на короткое время. Затем, едва проснувшись, допивала остаток молока и снова поднималась на туютник, чтобы снова отпугивать всяких воров и мошенников.

Однажды, когда наступил сенокос, крестьянин сказал сыну:

- Дитя моё, в течение двух недель я буду на лугу косить траву для нашей коровы. Буду уходить рано, а возвращаться поздно. Поэтому, пока я занят работой, проси у матери миску молока и каждый день поутру носи доброй змее, стражу нашего фруктового сада.

- Хорошо, отец, - согласился юноша и отправился по своим делам.

И вот, начиная со следующего дня, крестьянин спозаранку уходил на луг, а сын относил змее миску молока. Вскоре ему надоело выполнять наказ отца и, подумав, он решил избавиться от змеи.

Как-то раз юноша вместо миски с молоком взял с собой остро заточенный топор и пошёл в сад. Увидев его ещё издали, змея подумала, что сын крестьянина несёт еду и стала сползать с туютника. Юноша воспользовался моментом и, подняв над собой топор, стремительно бросился к ней.

Змея испуганно посмотрела в его сторону, быстро отползла к ближайшей норе, но юноша успел догнать её и сильным ударом топора отрубил ей полхвоста. Придя в ярость, раненая змея резко развернулась, схватила злодея за ногу крепкими зубами и выпустила страшную дозу яда. Юноша, вскрикнув от боли, замертво упал на землю.

После его смерти прошло некоторое время, но во фруктовом саду не было видно даже змеиного следа.

И вот однажды, когда бедный крестьянин отправился туда за зрелыми ягодами, среди густых ветвей туютника он увидел свою знакомую змею. Внимательнее присмотревшись к её телу, он за-

метил, что у змеи нет полхвоста. Тогда крестьянин понял, что в этом виноват его собственный сын. Поэтому он сильно задрожал от страха и отступил на несколько шагов. Но змея продолжала лежать меж ветвей и не делала никаких попыток ужалить его.

Тем временем крестьянин преодолел страх и, подойдя поближе к тутовнику, сказал ей умоляющим голосом:

- Жон змея, мы долгие годы верили и помогали друг другу чем могли. Что случилось, то прошло. Поэтому давай позабудем обо всём плохом и продолжим нашу дружбу.

В ответ змея злобно зашипела и сказала:

- Эй, человек, не заговаривай мне зубы! Отныне и вовеки веков между нами больше не будет никакой дружбы. Поверь, что ни ты, ни я не забудем того, что оставило отметину в наших сердцах. А теперь - прочь с дороги и не встречайся больше на моём пути!

ИСТОЧНИКИ СКАЗОК. ВПЕРВЫЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Рассказ о том, как Шелму полетел в космос. Рассказ о том, как Шелму получил пользу от чужой тёлки. Записаны известным писателем Хизгилом Авшалумовым осенью 1939 года в Дербенте со слов популярного сказителя Шелму Мемри (1854-1939).

Алихан и Периханум. Записана известным поэтом и сказителем Борисом Гавриловым (1910-1990) в 1939 году в Дербенте со слов своей матери Сенем. Какая польза от вина? Записана известным поэтом Манувахом Дадашевым (1913-1943) в 1935 году в Дербенте со слов популярного сказителя и ашуга Хизгиё Эмин Дадашева (1854-1944).

Вина матери. Записана Борисом Гавриловым в 1975 г. в Дербенте со слов сказителя Мордахая Рабаева.

Падишах и жена приближённого. Записана Борисом Гавриловым в 1975 г. в Дербенте со слов Мордахая Рабаева.

Не берись за дело, что сверх твоих сил... Записана поэтом и прозаиком Михаилом Гавриловым в 1967 г. в Дербенте со слов своей бабушки Сенем. "Добыча" Моллы Насретдина. Записана Борисом Гавриловым в 1939 г. в Дербенте со слов своей матери Сенем.

Ич зад... Записана Хизгилом Авшалумовым в 1987 г. в Дербенте со слов сказительницы Томор Юнаевой.

Змея и крестьянин. Записана фольклористом Наидой Авшалумовой в 1990 году в Дербенте со слов Томор Юнаевой.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Ашуг бесстрашен и в стихах.
Беда не приходит одна.
Бедняцкая участь - ещё не позор.
Без труда не бывает достатка.
Бездельник здоров за едой и болен за работой.
Бесплодное дерево кроной стремится ввысь.
Бесчестный ворует, а честный проявляет храбрость.
Близкая солома лучше далёкого ячменя.
Ближний сосед лучше далёких братьев и сестёр.
Богатство бедняка - его дети и внуки.
Богатый и бедный братьями не станут.
Богатый к бедному в гости не ходит.
Бойся того, кто говорит: "Не хочу есть!"
Болтливая невестка разрушает свой дом.
Болтовня приведёт буйволёнка к волку.
Больше сорока дней воровства не скроешь.
Большой камень вода не унесёт.
Брань матери - молитва.
Была бы пшеница - весы найдутся.
В баню пришёл - должен попотеть.
В медвежью берлогу голову не всовывают.
В бесплодное дерево палкой не швыряют.
Верного друга цени больше брата.
Верь глазам, а не ушам.
В жирном заводятся черви.
В каждой голове - своя тайна.
В квартале слепых зеркала не продают.
В кривую нору просовывают кривую палку.
В лес дрова не возят.
В лицо тебя называют беком, а за спиной - собакой.
Вначале - труд, после - беседа.
В одном сердце две любви не уместятся.
Враг моего врага - мой друг.
В реке промокли, теперь нам и дождь - не помеха.
В темноте глазами не моргают.
В трусливый глаз соринка попадает.
В этом мире остаются две вещи: добро и зло.
Верблюда из напёрстка не поят.
Ветром принесённое - ветром унесётся.
Вещи и деньги не дают ни ума, ни чести.

Вино и немного сделает разговорчивым.
Виноград у винограда цвет перенимает, человек у человека - ум.
Вкус пищи узнают солью, вкус мира - глазами.
Вовремя посеешь - вовремя взойдёт.
Вода хороша свежая, а вино - выдержанное.
Воду решетом не собирают.
Волк горюет об оставшихся баранах, а чабан - об утраченных.
Волк унес теленка бедняка, а богачей охватила дрожь.
Вор думает, что все на свете - воры.
Воробей говорит: "Сначала склюю с паласа, а что останется на полу
- все равно мое".
Вороне её птенец соловьём кажется.
Всадник не поймет пешего, сытый - голодного.
Все с пахоты возвращаются, а Хомот идёт туда.
Всю жизнь осёл должен либо дрова возить, либо воду носить.
Всегда сеют ячейками, а собирают пучками.
Выгодное слово глухой быстро расслышит.
Выйдешь в путь с ослом - застрянешь на полпути.
Выпью вино и выскажу всё плохое.
Высохшая глина на стене не удержится (о клевете).
Вытягивай ноги по длине своей постели.
Вышел из огня и попал в полымя.
Где горе - грусти, где радость - веселись.
Где мёд - там и мухи.
Где нет воды - колодец не роют.
Где нет дерева, там и ежевичный куст - дерево.
Где ослу знать, что такое халва?
Где пчёлы - там и мёд.
Где ты был, когда Бог раздавал ум-разум?
Герой бывает мягкосердечным, трус - жестоким.
Глаза жадного насытит только горсть земли.
Глазами вижу, а сердце ноет.
Глупый сказал - неуч поверил.
Глядя на плов, голодный не насытится.
Голова дана не для того, чтобы папаху носить.
Голова моя - плешивая, руки мои - медовые.
Голод гонит на улицу, нагота - в дом.
Голодной курице снится пшеничное поле.
Голодранца не смогут и сто разбойников ограбить.
Голыми руками ежа не поймаешь.
Гордость садовника - сад, гордость красавицы - её красота.

Горе быстро делает человека старым.
Горе и камень расплавит.
Горная река стекает в сторону моря.
Гость дорог не более трёх дней.
Груз умного всегда на спине дурака.
Да будет твой конец счастливым!
Да умрут наши враги вместе!
Даже в могиле надо иметь хорошего соседа.
Даже золотая дверь зависит от обычной.
Даже мрачный день подстать моему настроению.
Даже поссорившись - не оскорбляй.
Даже пять пальцев меж собой неравны.
Даже собака у порога дома должна быть красивой.
Даже сто звёзд не сравнятся с одной луной.
Даже тысяча мыслей не смогут вернуть один долг.
Даже тихий шёпот несчастного Эвшея* - как громкий крик.
Даровой укус - слаще мёда.
Два арбуза в одной руке не удержишь.
Два кинжала в одни ножны не входят.
Два соловья на одну ветку не садятся.
Два царя не садятся на один трон.
Две головы в один мешок не влезут.
Две ноги в один башмак не войдут.
Делай добро своему недругу: пусть он увидит и смутится.
Денег много - ума мало.
Денег нет - на жизнь обижен.
Деньги делают торговлю, сабля - войну.
Дерево узнают по плодам, а человека - по его делам.
Держись подальше от драчуна и сумасшедшего.
Дешёвая вещь всегда обходится дороже.
Дешёвое мясо жирного навара не даст.
Дитя - слаще свежих плодов.
Длинный язык укорачивает жизнь.
Для всех существует закон, для тебя - беззаконие.
Для глупца закона нет.
Для глупца каждый день - праздник.
Для глухого два раза молитву не читают.
Для голодного и соль с перцем - хорошая еда.
Для каждого вопроса есть свой ответ.
Для каждой болезни - своё лекарство.
Для ребёнка нет ничего священной материнского молока.

Для тощей коровы и хвост - в тягость.
Для чего голова большая, если она пустая?
До тех пор или осёл умрёт, или хозяин осла.
До тех пор чтобы вода и огонь уничтожили твоих врагов!
Добро оплачивается добром, а зло - злом.
Доброе дело в воде не утонет.
Доверили лисице караулить курятник.
Дом без хозяина рухнет.
Дом с детьми - настоящий базар, дом без детей - могила.
Дома - петух, на улице - цыплёнок.
Домов - семь, а старост - восемь.
Дочь кондитера кажется ещё слаще.
Драчун в своей постели не умрёт.
Друг - для мёртвых, враг - для живых.
Друга найти нетрудно - дружбу сохранить трудней.
Думаешь: если петух не споёт - и утро не наступит?
Думаешь: пока стадо не вернётся - и вечер не наступит?
Дурак находит дурака.
Душа человека находится там, где у него болит.
Если боишься кошки, зачем же выходишь из норки?
Если бы коза волка не боялась, она бы и до края света добралась.
Если бы кошке Бог дал крылья, в небе перевелись бы птицы.
Если бы осёл понял, что он - осёл, он бы себе кишки выпустил.
Если бы собака знала стыд, она бы штаны надела.
Если вздумаешь купить дом, сначала узнай, кто твой сосед.
Если вор захочет, обворовать дом нетрудно.
Если из моря зачерпнуть кувшином, морской воды не убавится.
Если козёл ударит рогами скалу - скала не рухнет.
Если любишь свою мать, не брани мать другого.
Если много пьешь - и мёд горчит.
Если не будет ветра - лес шуметь не станет.
Если обидишь друга - обрадуется враг.
Если осёл не подходит к палану - поднеси палан к ослу.
Если правда похожа на ложь - лучше не говори.
Если скалы не развалятся - ямы не наполнятся.
Если соседи хорошие, и плешиная дочь замуж выйдет.
Если ты - лисица, то я - лисий хвост.
Если я здоров, то я - начальник, а если я болен, то кто же я?
Если я умер, - не значит, что умерло всё человечество.
Есть лекарство от всех болезней, кроме ослиной дурости.
Есть слова, которые поражают сильнее пули.

Жадному и могила тесна.
Жадный никогда не насытится жизнью.
Желание ребёнка сильнее приказа падишаха.
Желудок - сыт, а глаза ещё нет.
Жена - нижний камень жерновов.
Жена своего мужа может и очернить, и возвысить.
Женитьба - это радость на месяц и печаль на всю жизнь.
Жернова мелят своё, а от грохота болят наши уши.
За жирной коровой следует нож, за красивой девушкой - грубое слово.
За пустым столом молитву не читают.
За хорошим конём следует кнут.
Запирай свою дверь покрепче - тогда не назовёшь соседа вором.
Заряженное ружьё пугает других, а незаряженное - хозяина.
Захотелось муравью взобраться на горб верблюда.
Зачем бродяге каменный дом?
Зачем глухому песни ашуга?
Зачем плешивому гребешок?
Зачем слепому свеча?
Заяц набрался храбрости и схватился со львом.
Земле нужен хозяин, ребёнку - мать.
Зловредного не ищут - он сам находится.
Злые языки страшнее кинжала.
Змея меняет кожу, а не повадки.
Змея ползёт зигзагами, но в свою нору вползает прямо.
Знает тот, кто ставит стол, а не тот, кто ест.
Золото и в пыли светится.
Золотое кольцо - на чёрный день.
И бесцветный - тоже цвет.
И в желтке яйца волос ищет (о придире).
И ворона своего птенца "беленьким" называет.
И глаз от глаза - на расстоянии двух пальцев.
И два брата обижаются друг на друга.
И две коровы в одном коровнике бодаются.
И здоровый без недугов не бывает.
И маленький камень задерживает колесо телеги.
И между ушами разница есть.
И на лице луны изъяны есть.
И плешивый верблюд пьёт из истока родника.
И правдивое слово не всегда уместно.
И сладость, и горечь - всё на языке.
И собака сбежала, и верёвку унесла.

И соловей в клетке поёт с грустью.
Из дешёвого мяса вкусный обед не получится.
Из друга получится враг, но из врага не получится друг.
Из пасти собаки кость не вырвешь.
Из розы вырастают шипы, а из шипов - розы.
Из-за своей "мудрости" двумя ногами угодил в капкан.
Издали всякая хвала кажется сладкой.
Истратил сотни - за рубль не хватайся.
К роднику приносят и медный кувшин, и глиняный.
К хорошему человеку плохое слово не пристанет.
Каждая собака у своих ворот лает.
Каждый человек сам должен провести свою борозду.
Кажется, что слез с коня и сел на осла.
Как начнёшь работу - так и кончишь.
Как слепой смотрит на Бога, так и Бог смотрит на слепого.
Как ты бьёшь в ладоши, так я и танцую.
Какая польза от жирной курицы, если она не несёт яйца?
Какой бы палец ни порезал - одна боль.
Камень о камень ударишь - куски полетят.
Когда в пути поломалась телега - много охотников показать дорогу.
Когда волк забредёт в отару - чабана тянет по нужде.
Когда дерево состарится, в нём появляются черви.
Когда едят - и собака держит свою ложку.
Когда кошки нет дома, мыши справляют свадьбу.
Когда льва одолевает старость, и осёл его лягает.
Когда много ячменя, и осёл наглеет.
Когда появляется солнце, звёзды исчезают.
Когда у ребёнка мать - неродная, и отец неродным становится.
Когда счастье приходит - не спрашивают, кто ты.
Кого гости посещают, у того кастрюля не пустеет.
Коза печётся о своей жизни, мясник - о её мясе.
Конец трудностей - благоденствие.
Конь - всаднику, век - ездоку.
Конь узнаётся по ходу, человек - по слову.
Красота дерева - в цветах, красота человека - в одежде.
Красота - не посуда, которую лудят и кладут на полку.
Крепкий уксус повредит своему же сосуду.
Кривое дерево от корня криво.
Кто боится волка, тот барана на пастбище не отправит.
Кто болен, тот не любит хворого.
Кто ест соль, тот и воду пьёт.

Кто любит твоего врага, тот не любит тебя.
Кто много говорит, тот много ошибается.
Кто много спит, тот видит много снов.
Кто много ходит, у того башмаки быстро рвутся.
Кто на чужого коня сядет, тот быстро упадёт.
Кто пьёт вино в долг, тот дважды пьянеет.
Кто рыбу желает, тот полезет в холодную воду.
Кто сделает ложку, тот сделает и её ручку.
Кто слишком торопится, тот рождает дочь.
Кто тайно гуляет, тот явно рождает.
Кто употребляет перец, у того горит рот.
Кто у чужого ест, тот чужим есть не даёт.
Куда бы лисица ни пошла - хвост за нею.
Курица больше кричит, чем несёт яиц.
Курицу унесла лисица, а проклинают шакала.
Лампа каждого человека светит в его же доме.
Лев не съест объедков шакала.
Лекарство от глупости находится в глубине синего моря.
Ленивый сын цены труда не поймёт.
Лес без шакалов не бывает.
Либо язык надо иметь, либо - умение.
Липнет - как медоносная пчела.
Лиса не одолеет льва.
Лицом врага убивает, а сердцем - себя.
Лицом далёк - сердцем близок.
Лицом - друг, сердцем - враг.
Любишь ребёнка - полюби и его плач.
Маленький топор валит большое дерево.
Маленький человек видит большие сны.
Мать занимает своё место, а жена - своё.
Между пьяным и сумасшедшим - небольшая разница.
Мёртвые думают, что живые халву едят.
Молоко дохлой коровы кажется слаще.
Море не осквернится оттого, что собака из него выпьет.
Мужчина без женщины не стоит и двух копеек.
Мышь думает, что сильнее кошки зверя нет.
На брыканье осла не обижаются.
На бугре гумно не устраивают.
Найдёт на козу дурь - сама под дубинку пастуха лезет.
На одном дереве и цветы растут, и колючки.
На одном троне два царя не уместятся.

На речном берегу колодец не роют.
На шею собаке золотой цепи не вешают.
Над упавшим деревом все топоры заносят.
Народ без героя не бывает.
Начал дружбой - кончил враждой.
Наш дом - наша тайна.
Наш мир точно караван-сарай: один приходит, а другой уходит.
Не бери работы сверх своих сил.
Не бывает розы без шипов, достатка - без трудов.
Не верь тому, что услышал - верь тому, что видел.
Не гляди на кривизну лозы, а гляди на её гроздь.
Не говори ребёнку лжи: вырастет - во вкус войдёт.
Не доверяй тайны другу - и у него есть друг.
Не каждое слово можно выпустить изо рта.
Не открывай рта для каждой собаки.
Не прячь совести под подол своей супруги.
Не садись на осла, если незнаком с его повадками.
Не справляется с ослом - так срыгает злобу на попоне.
Не стучи в чужую дверь - постучат и в твою.
Не толкай пьяного - сам упадёт.
Не тяни руку туда, где рукой не достать.
Не хватай медведя за хвост, а если схватил - не выпускай.
Нет коровы - нет и коровника.
Нищего даже собака не любит.
Новая метла подметает чисто.
Нрав собаки знает её хозяин.
О волках идёт плохая молва, но шакалы - хуже.
Огромные скирды уменьшаются вилами.
Один слабый верблюд стóит стада лошадей.
Один цветок весны не делает.
Одна плешивая дочь лучше семерых плохих сыновей.
Одним колом изгороди не сделаешь.
Одним ударом топора дерева не свалишь.
Одной рукой в ладоши не ударишь.
Он бродяжничает, как курица без наседки.
Осёл конём не станет.
От волчьей прибыли и шакалу достанется.
От врага береги богатство, от друга - голову.
От жаркого спора разразится драка.
От нас - старание, от Бога - плоды.
От снега человек не согреется.

От человека остаётся либо хорошее, либо плохое.
Отары без чабана не бывает.
Отложишь работу на другое время - так и останется.
Оттого, что будешь в зубах ковыряться, сытым не станешь.
Отпусти рубль, но удержи копейку.
Палка, брошенная вслед, попадёт в пятку.
Плешь под шапкой скрывают.
Подающий надежду птенчик и в яйце поёт.
Подправил бровь, да выколол глаз.
Пожалеешь врага - пострадаешь сам.
Пожелай соседу достатка.
Поздоровавшись с водкой, прощайся с умом.
Позже спи - раньше вставай.
Пока богач сжалится, бедняк умрёт.
Пока дитя не заплачет, мать груди не даст.
Пока не подошёл к реке, штанов не скидывай.
Пока не упадёшь в воду - плавать не научишься.
Пока плешивый причесался - свадьба кончилась.
Пока стражники вора ловили, вор переловил их сам.
Пока ты раскачаешься - мир разнесут на куски.
Помни, откуда ты пришёл и куда ты пойдёшь.
Попробуй теперь осла вытащить из лужи.
Пошёл с радостью - вернулся с воем.
Правдивое слово всегда горько.
Предупреди ребёнка, а сам беги следом.
Пролитой воды не собрать.
Прошедший день не воротится.
Пустую руку и собака не лижет.
Пусть без женщины будет дом врага!
Пусть годы твои будут длинными, а душа - здоровой!
Пусть его место и в могиле будет спокойным!
Пусть и в лесу дерево не растёт одиноко!
Пусть и дом врага не будет без детей!
Пусть как звёзды исчезнут твои враги!
Пусть один будет камнем, а другой - орехом!
Пусть ослепнут глаза твоих врагов!
Пусть твой конец будет счастливым!
Пусть твой очаг будет тёплым, а хлеб - свежим!
Путь в одиночестве кажется длинным.
Радостным ушёл - печальным вернулся.
Разбитое стекло не склеишь.

Разбитый кувшин воды не удержит.
Рана от сабли заживёт, от плохого слова - нет.
Ребёнок - преграда для вражды.
Ровня найдёт ровню, а вода - яму.
Рождение - один день, и смерть - один день.
Руки мои - в навозе, хлеб мой - в масле.
Руки мои - в тесте, а желудок - пуст.
Рыбаку рыбы не продают, а леснику - дров.
С дружбой ничто не сравнится.
С дураком свяжешься - не оберёшься беды.
С женой советуйся, но делай всё наоборот.
С одного барана двух шкур не снимешь.
С одного дерева один раз снимают плоды.
С собакой дружи, но палки из рук не выпускай.
Свадьба ещё предстоит, а он уже танцует.
Свой огурец горьким кажется.
Свой хлеб лучше чужого плова.
Сев на верблюда, в стаде не спрячешься.
Сев на корабль, с капитаном не спорят.
Сегодняшнее дело на завтра не откладывай.
Сердитый человек рано стареет.
Сердце завистника никогда не успокоится.
Сердцем - молод, годами - стар.
Сесть верхом на осле - позор, слезть с осли - двойной позор.
Сидя не танцуют.
Сила птицы - в крыльях, сила человека - в дружбе.
Сколько бы дорога ни петляла - под конец выпрямится.
Сколько колодец не наполнять - он родником не станет.
Сколько тесто набирает воды, столько и льют.
Сладкий язык и змею выманит из норы.
Сладкий язык - счастье человека.
Сладок мёд, но ребёнок - слаще его.
Слезая с лошади, на осли не садятся.
Слепой думает, что зрячий ест двумя руками.
Слово рождает слово, скандал - драку.
Слово пьяного - на языке.
Смерть мышки - веселье кошки.
Смерть пришла, но времени не дала.
Смотри - не делай, а копь сделал - не раскаивайся.
Сначала изучи соседа, потом покупай дом.
Сначала - плов, а потом - беседа.

Сначала полюби тещу, потом - её дочь.
Сначала привяжи осла к столбу, потом поручай его Богу.
Сначала свари слово, потом вытащи его изо рта.
Собака от одного укуса не насытится.
Собака признаёт только своего хозяина.
Собака у порога хозяина бывает обозлённой.
Собаки поссорились меж собой - прохожему повезло.
Собакой стал и начал на людей кидаться.
Собаку так бей, чтоб хозяин не обиделся.
Собрал клювом, а разметал крыльями.
Советуйся с другом, но полагайся на свой ум.
Соловей сказал: "Я не о том сожалею, что мне выкололи глаза, а о том, что суд вершила свинья".
Сорвалось с языка - досталось всему миру.
Спящий не ведает о бодрствующем, зрячий - о слепом.
Стала змеей и обвилась вокруг шеи.
Старая баня - старая шайка (т.е. всё по-прежнему).
Сто друзей - мало, один враг - много.
Сто раз выслушай - один раз говори.
Сто раз отрежь - один раз сшей.
Сума нищего никогда не наполнится.
Супружеская ссора - что весенний дождь.
Сумасшедший пришёл на свадьбу и сказал : "Здесь лучше, чем дома".
Счастье ума не осилит.
Съел соль - солонки не разбивай.
Сядем криво - поговорим прямо.
Таз упал с крыши то ли от правды, то ли от вранья.
Тайна, известная троим, - уже не тайна.
Такие муки и камень не выдержит.
Там, где десять служанок, дом останется неподметённым.
Твои ошибки поймёт твой друг.
Текущая вода дорогу найдёт.
Телёнка невезучего человека волк съест и на спине верблюда.
Тёплого места кошка не покинет.
Терпеливость - ограда умного.
Тётя пахнет материнским духом.
Тихоню - бойся.
Толк в золоте знает золотых дел мастер.
Толстое дерево быстро ломается.
Тот, чей дом сгорел, любит другого погорельца.
Трава из своего корня вырастает.

Труд - крепость человеческой жизни.
Трудился я, а пользу видел бездельник.
Трудись - в юности, отдыхай - в старости.
Трудись - как пёс, ешь - как бек.
Тупость человека узнают во время беседы.
Тысяча ремёсел, а кошелек пуст.
Тяжесть - быку, скрип - телеге.
У бездетного - одно горе, у многодетного - сотня.
У бережливого хлеб не переводится.
У беспечного шея бывает красной.
У богатого и петух яйца несёт.
У бодливой коровы и телёнок бодлив.
У голодного семь желудков.
У голодного спросили: "Что тяжелее всего?" Он ответил:
"Пустой желудок".
У горького дерева и плоды - горькие.
У змеи не бывает старшей и младшей.
У каждого века - своё время.
У каждого цветка - свой запах.
У каждой вещи - своя цена.
У каждой головы - своя боль.
У каждого дела - свой черёд.
У каждой змеи - свой яд.
У каждой красавицы - свой изъян.
У каждой пищи - свой вкус.
У кого нет горя - не поёт, у кого нет болезни - не стонет.
У лжеца загорелся дом - никто не поверил.
У мёртвого лицо холодное.
У невезучего и лошадь в хлеву ослом становится.
У невестки нет языка, а у свекрови - Бога.
У него - мудрость царя Соломона.
У него одна причина и две хитрости.
У одного горит борода, а другой кричит: "Постой, дай мне руки погреть!"
У осла голова большая, а ум - маленький.
У осла уши длинные, ум - короткий.
У плохого человека и друзья - плохие.
У слепого дороги не спрашивают.
У хозяина пропадёт добро, а у слуги - жизнь.
У хромого осла - слепой кузнец.
У человека должны быть или деньги, или сладкий язык.
Убийца один раз проливает кровь, а сплетник - десять.

Убил своего отца, чтобы поклясться его могилой.
Удрал от снега - попал под дождь.
Украшение дома - ребёнок, украшение стола - гость.
Укушенный змеей боится пёстрой верёвки.
Уличная курица в другом месте яйцо снесёт.
Ум заключается не в возрасте, а в голове.
Ум на базаре не продают.
Ум у человека должен быть с самого рождения.
Умного дважды не обманешь.
Умный враг лучше глупого дурака.
Умный нас не найдёт, а дурак и в печной трубе отыщет.
Умный немой лучше, чем болтливый дурак.
Ушедшие дни - что пролитые воды.
Ходил по цветам - попал в дерьмо.
Хозяин должен быть проворнее своего коня.
Хороша верёвка длинная, а слово - короткое.
Хорошая жена - счастье, а плохая - несчастье.
Хорошее слово дороже золота.
Хороший город узнают по окраине.
Хороший материал всегда нов.
Хоть зуб и нужен, но когда болит - его вырывают.
Хоть и от собаки - но оторвать волосок.
Хоть мы и братья, но кошельки врозь.
Хоть сто повивальных бабок соберись - тужиться придётся роженице.
Хоть я и плешивый - всё равно брат.
Хочешь жениться на девушке - познакомься с её матерью.
Цветок от цветка перенимает цвет, человек от человека - разум.
Человек должен иметь или язык, или уменье.
Человек плачет или от чрезмерного горя, или от чрезмерной радости.
Чем больше наливается колос, тем он ниже склоняется к земле.
Чем быть головой шакала, лучше быть хвостом льва.
Чем мне быть твоим братом, лучше быть братом твоей жены.
Чем глубже разгребёшь помойную яму, тем сильнее будет зловоние.
Чем иметь кривую душу и кривой язык, лучше иметь что-либо кривое.
Чем иметь плохого друга, лучше вовсе его не иметь.
Чем потерять доброе имя, лучше потерять жизнь.
Чем родиться нищим, лучше вовсе не родиться.
Чем сильнее уксус бродит, тем скорее лопнет сосуд.
Чем скандальный сосед, лучше дворовая собака добрых людей.
Через моря мостов не строят.
Чёрная шерсть от мытья белой не станет.

Честь женщины - гордость мужчины.
Чрезмерная еда - как дерьмо, умеренная еда - как сливки.
Что мне делать с золотыми серьгами, если болят уши?
Что находится в желудке - никто не знает.
Что поел - на здоровье, а теперь расскажи, что слышал.
Что положишь в котёл, то в половник и попадёт.
Что слепой схватил, то он крепко держит.
Что у верблюда прямое, чтобы шея была прямой?
Чтоб и правая рука не зависела от левой!
Чтоб ты имел семь быков, а молоко приносили соседи!
Чтоб ни один волос не упал с твоей головы!
Чтоб твои беды перешли ко мне!
Чтоб ты радовал материнское сердце!
Чтобы плакать, тоже нужно иметь настроение.
Чужбина страшнее смерти.
Шапку носят не от жары, а от холода.
Эй, нетерпеливый! Как ты мог девять месяцев выдержать в утробе матери?
Эрдебил* - такой город, где каждый человек - сам себе начальник.
Юноша и без вина кажется пьяным.
Я взят из самой горячей точки земли.
Язык находится в тёплом месте.
Язык немого поймёт его мать.
Языком можно поднять человека на вершину горы и опустить к её подножию.
Языком - сладок, сердцем - ядовит.

СЛОВАРЬ И ПРИМЕЧАНИЯ

А б р е к - изгнанник из рода, который вёл скитальческую или разбойную жизнь, а также горец, ведущий одиночную борьбу против угнетателей.

А д а т - обычай, старинный патриархально-феодальный закон, которым руководствуются мусульмане в своей повседневной жизни.

А ж д а х а - дракон, который изображается в горско-еврейских сказках в виде многоголового чудовища.

А з р а и л - ангел смерти.

А л л а х - у мусульман Бог.

А л и м - мусульманский религиозный учёный.

А р а б л и н к а - посёлок на южной окраине Дербента.

А р а г и (татск.) - крепкий спиртной напиток, водка.

А ш у г - кавказский национальный поэт и певец.

Б а й р а м - мусульманский религиозный праздник.

Б а ш л ы к - суконный тёплый головной убор в виде широкого капюшона с длинными концами.

Б е к - крупный землевладелец в феодальном Дагестане, предводитель, вождь.

Б е т - д и н (иврит) - суд.

Б е ш м е т - верхняя одежда кавказских народов, сшитая из сукна.

В а а л е й к у м с а л а м ("И вам мир") - ответ на приветствие "Салам алейкум" ("Мир вам").

В а х - возглас удивления.

В е з и р - советник шаха или падишаха, первый министр.

В е к и л - уполномоченный шаха или падишаха.

Г а д е к а н - сельская площадь, обычное место сбора народа, где происходят обмен новостями, всевозможные состязания и игры.

Г а з а в а т - у мусульман: священная война против иноверцев.

Г а р е м - женская половина у мусульман.

"Г о р я н к а" - поэма аварского поэта Расула Гамзатова.

Г я у р - иноверец, неверный.

Д а я н (иврит) - судья.

Д е р в и ш - нищий странствующий монах.

Д ж а б р а и л - у мусульман: архангел Гавриил.

Д ж а л г а н - горная возвышенность в западной части Дербента.

Д ж а м а а т - мир, сход, аульская или городская община.

Д и в а н - х а н а - судилище, шахский или ханский совет.

Ж о н (татск.) - милый, дорогой.

З а н г ъ - река в Армении.

И м а м - глава мусульманской общины, представитель духовной и светской власти.

И н ч е г у з (татск.) - девушка из свиты сына или дочери падишаха, в обязанности которой входило развлекать своего господина или госпожу.

И с а - у мусульман Иисус Христос.

И с л а м - одна из трёх мировых религий, возникшая в Аравии в 7 веке н. э. на основе почитания Аллаха как единого Бога.

И ч з а д (азерб.) - ничего.

К а л а м - перо, карандаш.

К а р а в а н - с а р а й - постоянный двор.

К а р а ч а г - южное дерево семейства пальмовых.

К о й с ы - река в Дагестане.

К о р а н - священная книга у мусульман.

К о ф о р и - к а п ы - северные ворота дербентской крепости, которые с начала 20 века означают "Ворота иноверцев".

К у н а к - гость, друг, приятель.

К у т а н - пастбище в горах.

М е ч е т ь - мусульманский храм, молитвенный дом.

М и л ю (литовск.) - люблю.

М и н а р е т - башня при мечети, с которой муэдзин призывает на молитву.

М о л л а Н а с р е т д и н - знаменитый фольклорный герой многих народов Ближнего Востока.

М у л л а - служитель культа.

М ю р и д - религиозный фанатик, посвятивший себя служению Аллаху.

Н а и б - старшина в сельских боевых отрядах.

Н а м а з - ежедневная пятикратная молитва.

Н а р ы н - К а л а - цитадель в Дербенте, построенная в 6-ом веке н.э.

Н е м а н - река в Литве.

Н у к е р - шахский слуга, телохранитель, воин.

П а д и ш а х - титул монарха в некоторых странах Ближнего и Среднего Востока, а также лицо, носящее этот титул.

П а д и ш а х с т в о - территория или государство, которым правит падишах.

П а л а н (татск.) - ослиное седло, попона.

С а з - старинный музыкальный инструмент.

С а и б - так называли горцы русского офицера.

С а к л я - русское название жилища кавказских горцев.

С а л а м а л е й к у м ("Мир вам") - приветствие.
 С а м у р - река в Южном Дагестане.
 С а р д а р - русский наместник, главнокомандующий.
 С е р а л ь - дворец, замок.
 С у л а к - река в Северном Дагестане.
 Т е м и р - Х а н - Ш у р а - бывшая столица Дагестана, ныне -
 Буйнакск.
 Т о н у р - круглая глинобитная печь с узким устьем для выпечки лепёшек.
 У р у с - русский.
 Ф а х л е б а з а р (татск.) - место, где нанимались в прошлом на подённую работу бедняки.
 Х а м е й д и - село вблизи Дербента.
 Х а н - титул властителя в феодальном Дагестане.
 Х а р с (татск.) - возглас при хлопанье в ладоши во время танцев.
 Х а р т у т - тутовое дерево с крупными съедобными плодами.
 Х и н к а л - блюдо из мелко нарезанных кусков теста в соусе из уксуса с чесноком.
 Х о м о т (татск.) - прозвище, которое дают простаку, черни, легкомысленному.
 Х о ч б а р - герой аварского народного эпоса.
 Х у р д ж и н - ковровая перемётная сума.
 Ч а д р а - лёгкое покрывало на голове и лице женщины.
 Ч а л м а - повязка на папахе.
 Ч е р к е с к а - у кавказских горцев и казаков: узкий длинный кафтан, затянутый в талии, без ворота и с клинообразным вырезом на груди.
 Ч у р е к - пресный хлеб, лепёшка.
 Ш а й т а н - сатана, чёрт, дьявол.
 Ш а л ь в а р ы - шаровары, широкие штаны, собранные у щиколоток.
 Ш а р в и л и - герой лезгинского народного эпоса.
 Ш е л м у (Мемри) - татский сказитель начала 20-го века.
 Ш е р б е т - сладкий напиток, приготовленный из фруктовых сиропов.
 Э в ш е й (Евсей) - имя реального жителя Дербента начала 20-х годов.
 Э л л е х (татск.) - возглас удивления, испуга.
 Э р д е б и л - город в Иране.

СОДЕРЖАНИЕ

Д. Хахам. "Русское" творчество горского еврея	3
И. Бахшиев. Чувство поэзии	5

ВОССТАВШИЙ ИЗ ПЕПЛА. Стихотворения

"Стою одиноко у моря..."	9
Река	9
Берёза	10
Навстречу буре	10
Желание	11
Песня гор	11
"Под тенью скал читаем мы "Горянку"..."	12
В степную ночь	12
"Чисто необъятное пространство..."	13
Весенние картинки	14
Весна за окнами поёт...	14
"Мне строки звонкие подвластны..."	15
"Кругом цветы. И в белой вазе тоже..."	15
Голос горского еврея	16
"Передо мной голубизна..."	16
"Южный ветер, горный ветер..."	17
"Когда день ночью сменится..."	17
"Я дом могу любить, как все..."	18
Мир тебе, Человек!..	19
Морской этюд	19
Моим современникам	20
"За окном - лимонный свет луны..."	21
"Я встречал немало в жизни вьюг..."	21
Молодому поэту	22
Дождинки	22
"В моей груди - призыв к грядущим дням..."	23
Волны	23
Письмо в Армению	24
"Если путь твой проложен сквозь темень в ночи..."	24
"Скалою стану, если ты..."	25
Язык любви	25
"Возле роз весеннего бульвара..."	26
Звёздный сонет	26
Человек	27

“От огня багряного заката...”	27
“Смотрит пёс в глаза твои влюблённо...”	28
“К вершинам гор, где тихо дремлют кручи...”	28
“Я много видел на земле фиалок и тюльпанов...”	28
“Тебе хотел я солнце подарить...”	29
С солнцем в груди	29
“Люблю свой край родной, люблю...”	30
“Когда всплывает солнце над тихими горами...”	30
Тропою сердца	30
Звёзды не умирают	31
“Я изучаю мир вселенной...”	32
“Гунзари, Гунзари, Гунзари...”	32
Раздумье под клёном	33
Когда цветут каштаны	33
Триолеты любимой	34
Ради наших потомков	35
Рассвет над Дербентом	36
Раненый сокол	37
“Когда иду я поутру...”	38
Поэты	39
“Тучи шлют свои влажные струи...”	39
Сулейману Стальскому	40
“Говорю со всюю страстью...”	40
“Я спросил у зари...”	41
Орёл и ворона	41
Соловьиные сердца	42
“Горели тополи в саду...”	42
“Когда мне литовка сказала: “Я мйлю”...”	43
Ночной Дербент	43
“Всё моё на белом свете...”	44
Родник	44
Лермонтову	45
Есть на свете любовь...	46
Осеннее настроение	46
“Не светом люстровых огней...”	47
Колыбельная песня	48
Осень в лесу	49
“Не в детстве, а в зрелые годы...”	50
Две каски	50
Над городом небо в лазури...	51

Чистота	51
“Как свеча, что светит людям...”	51
“Птица, что сидит в неволе...”	52
“Я лечу к тебе, счастье...”	52
Сонет	52
Человечность	53
После войны	53
Ссора	53
Горская притча	54
Орлёнок	54
Моя любовь	55
Ручей	55
Речке Пехорке	55
Приезжему другу	56
Вдохновение	57
Журавли	57
Я славлю этот мир...	58
“Нам прежнее вновь не осилить...”	59
“Звезда моя, кому в глухой ночи...”	59
“В этот тихий звёздный вечер мая...”	60
Сонет Дербенту	60
“Если жизнь твоя беспечна...”	61
“У жизни есть свои права...”	61
Невинномысский сонет	61
“Когда лекарства были бесполезны...”	62
Две любви	62
Юрию Беренгарду	62
Поденок	63
Враг в личине друга...	63
“Если верить прессе...”	63
Неизбежность	64
Правление Сатаны	64
“Цель свободы - это жить...”	65
Лекарства мёртвым не нужны...	65
Иуда Искарот	66
Памяти Осипа Мандельштама	66
Причина бедствия	66
На суд совести	66
Напутствие сыну Сергею	67
Монолог Дьявола	67

Границы	68
Меня покинули друзья...	68
Современная частушка	68
Прежде и теперь	68
Эпитафия на поэта-выпивоху	69
Из Вильяма Блейка	69
Из восточной мудрости	69
Объегоривание	69
Превращение	69
Эпитафия пьяницы	70
Другу - поэту	70
Лев и лиса	70
Фальсификатору истории	70
“Есть ещё такие люди...”	71
Мои года	71
Песня о еврейской девчонке	71
Танах и я	72

РУКОПОЖАТИЕ ДРУЗЕЙ. Поэтические переводы

Хизгил Авшалумов. С татского	
У ручья	75

Сергей Изгияев. С татского	
Осень уходит	76
“Я бурю взнуздал, будто всадник - коня...”	76
“Ты мне сказала: “Позабудь...”	77
“Несётся время весело и бурно...”	77
“Осыпаются годы, как листья с деревьев...”	77
“Боль сердечную должен я глубже запрятать...”	77
“Если дерево ты посадил на рассвете...”	78
“Не желай, чтоб родник у соседа иссяк...”	78
Сладость и горечь	78

Сулейман Рабаданов. С даргинского	
Песнь тайги	79
Новоселье	81

Алирза Саидов. С лезгинского	
Негритянка, ласточка моя!..	82
Песни Прометея	83

Биньямин Сафанов. С татского	
Кувшин с родниковой водой	84

ДУША КAVKAZA. Народная драма

Шамиль	87
---------------------	-----------

ИСТОЧНИК РАЗУМА. Сказки, пословицы и поговорки горских евреев Кавказа

Рассказ о том, как Шелму полетел в космос	139
Рассказ о том, как Шелму получил пользу от чужой тёлки	142
Алихан и Периханум	144
Какая польза от вина?	151
Вина матери	156
Падишах и жена приближённого	158
Не берись за дело, что сверх твоих сил... ..	160
“Добыча“ Моллы Насретдина	162
Ич зад... ..	164
Змея и крестьянин	167
Источники сказок	168
Пословицы и поговорки	169
Словарь и примечания	183

Автор выражает благодарность Министерству абсорбции и Межведомственной квалификационной комиссии Государства Израиль за помощь, оказанную в издании данной книги.

•
Редактор издания: Давид Хахам
Графика: Шуламит Гитман

Издательство “Дельфин” выпускает недорогую печатную продукцию на русском языке. В сферу деятельности издательства входит: редактирование и корректура текста, компьютерный набор и графическое оформление, договорённость с типографией и контроль за процессом печати, помощь в получении средств от государственных и общественных организаций для издания книги или брошюры, организация презентаций и помощь в распространении книги.
 Обращаться по телефонам: 04-8436715 (16:00-19:00, Давид), 04-8724643 (Шуламит).

